СТО ЛѢТЪ

АВСТРІЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

ВЪ

ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ.

СОСТАВИЛЪ

Я. Н. БУТКОВСКІЙ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ „С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ИЗДАТЕЛЬСКАГО ТО
(ГЕНРИ ХАНКОВСКІЙ и К°).

1888.

...ъ
...диномы...ие
...ависти къ
...былъ успо-
...ное положе-

...R

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

№ 18.998 М V

Г86 5/11 инв. 18998.

ГЛАВА V.

ПОСЛѢ АДРІАНОПОЛЬСКАГО МИРА.

Искреннія отношенія Австріи и Россіи, старательно поддерживаемыя со времени вѣнскаго конгресса, вслѣдствіе греческаго вопроса были порваны. Не смотря на всѣ увѣренія Метерниха, на берегахъ Невы были убѣждены, что вѣнскій кабинетъ держался враждебной Россіи политики и поддерживалъ сопротивленіе Порты, такъ какъ на то имѣлись въ рукахъ несомнѣнныя доказательства.

По поводу Адріанопольскаго мира Метернихъ позволилъ себѣ маленкое мщеніе, и посылая царю поздравительное письмо съ обычными пожеланіями, включилъ замѣчаніе, что ежели революціонный духъ сдѣлаетъ успѣхи вслѣдствіе ослабленія союза великихъ державъ, то Россія будетъ въ томъ нести часть отвѣтственности. Изъ Петербурга поспѣшили возвратить это обвиненіе рикошетомъ, возразивъ, что Австрія систематически способствовала разрыву союза: принявъ сторону Порты и проводя изъ зависти къ Россіи особую политику, ободрила революціонный духъ [1]).

Но эти натянутыя отношенія обѣихъ державъ не могли долго существовать; по многимъ европейскимъ вопросамъ приходилось входить въ объясненія и единомысліе возстановилось; оба кабинета сошлись въ ненависти къ революціи и опасеніи либерализма. Метернихъ былъ успокоенъ и не желалъ снова стать въ изолированное положе-

---

1) Мартенсъ. Recueilo Bd. IV p. 420.

ніе; даже во время второго похода противъ Турціи онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы ослабить враждебное настроеніе, составившееся противъ него на берегахъ Невы.

Въ Іюнѣ 1829 года генералъ Красинскій былъ въ Вѣнѣ. Разговоръ зашелъ объ либеральномъ настроеніи Европы и Метернихъ спросилъ генерала, читалъ ли онъ памфлеты, которыми изобиловала европейская печать. „Я не дивлюсь тому, что эта партія избрала меня цѣлью своей ненависти“, говорилъ онъ; „но меня поражаетъ то, что это чувство раздѣляется нѣкоторыми кабинетами, тогда какъ въ теченіи двадцати лѣтъ я стою на стражѣ спокойствія престоловъ“. Генералъ понялъ намекъ, направленный противъ Россіи и возразилъ, что не можетъ понять, какъ Метернихъ, столько лѣтъ преслѣдующій разрушительныя идеи, пожертвовавшій даже Наполеономъ, вмѣсто того, чтобы крѣпче связать союзъ съ Россіей, принялъ въ восточномъ вопросѣ враждебное къ ней положеніе. Метернихъ старался оправдать свою политику и въ заключеніе прибавилъ; „Для того, чтобы погасить европейскій вулканъ, я сознаю необходимость искренняго союза Австріи съ Николаемъ, единственнымъ вѣнценосцемъ сильнымъ и великимъ“.

Полгода спустя, въ началѣ Января 1830 года, князь еще разъ дѣлалъ предложеніе русскому послу о союзѣ между Австріей, Россіей и Пруссіей; но въ Петербургѣ продолжали гнѣваться и не приняли протянутой руки. „Пусть вѣнскій кабинетъ докажетъ на дѣлѣ свои искреннія намѣренія, и тогда царь будетъ готовъ позабыть прошлое.“ Только лѣтомъ, когда революція во Франціи обратила на себя вниманіе державъ, въ русскихъ сферахъ настроеніе стало благосклоннѣе: Нессельроде и Метернихъ, находившіеся одновременно въ Карлсбадѣ, заговорили объ общемъ дѣйствіи Австріи и Россіи.

Предсказанія Метерниха, что по заключеніи мира Россія приметъ роль покровительницы Турціи, вполнѣ оправда-

лось. Въ всѣхъ спорныхъ вопросахъ, касавшихся исполненія адріанопольскаго договора, петербургскій кабинетъ выказалъ рѣдкую предупредительность; поддержаніе Порты сдѣлалось какъ бы основою русской политики.

Въ ссорѣ, происшедшей между Магометомъ-Али и Султаномъ, Николай принялъ сторону послѣдняго. Въ Петербургѣ шли изъ того соображенія, что египетскій паша намѣренъ устранить царствующую въ Турціи династію; въ Россіи были высокаго мнѣнія о человѣкѣ, который на берегахъ Нила далъ блестящія доказательства своихъ дарованій и сознавалъ въ себѣ силы и способность возродить оттоманскую имперію.[1] Почти всеобщее мнѣніе было, что Магометъ-Али выжидаетъ только благопріятной минуты, чтобы провозгласить себя султаномъ. Прокешъ былъ единственнымъ лицомъ, имѣвшимъ другой взглядъ на хедива, но его представленія не производили никакого вліянія на Метерниха; тѣмъ менѣе могли себѣ составить правильный взглядъ въ Петербургѣ, гдѣ никто не имѣлъ вѣрныхъ понятій о египетскихъ событіяхъ. Для австрійскаго канцлера легитимистскій вопросъ служилъ основаніемъ стать въ число противниковъ египетскаго паши; восточную политику Россіи понималъ онъ въ томъ же духѣ, и укрѣпился въ этомъ убѣжденіи, видя, что она противудѣйствуетъ стремленіямъ Магомета-Али.

Талейранъ старался возстановить Англію противъ вмѣшательства императора Николая, но представленія австрійскаго кабинета, стоявшаго за Россію, убѣдили англійскаго премьера оставить безъ вниманія совѣты французскаго дипломата. Дѣйствуя за одно съ сѣверной державой для возстановленія мира, онъ послалъ полковника Кемпбеля къ Магомету-Али съ объявленіемъ, что его возмущеніе не одобряется. Прокешъ получилъ такое-же порученіе отъ ав-

---

[1] Менделсонъ-Бартольди Т. II. стр. 524.

стрійскаго кабинета съ приказаніемъ поддержать въ Египтѣ англійскаго посла. 14 Февраля Метернихъ писалъ интернунцію, что четыре державы сошлись въ своемъ желаніи поддержать Турцію, но изъ нихъ одна Франція хочетъ создать вассальное государство, достаточно независимое, чтобы при случаѣ найти въ немъ себѣ союзника; остальныя три державы не могутъ допустить подобнаго развитія силъ Магомета-Али и Порта присоединяется къ нимъ. А нѣсколько дней спустя Прокешъ получилъ секретную инструкцію держаться двухъ основаній: строгаго осужденія революціи и неизмѣннаго рѣшенія не принимать роли посредника между законнымъ государемъ и возмутившимся подданнымъ.

Въ этомъ дѣлѣ Россія сдѣлала искусный шахматный ходъ. Ея политика твердо шла къ намѣченной цѣли: разрушенію турецкой имперіи, но собираясь въ эпоху мира съ новыми силами, она не допускала укрѣпленія Турціи. Въ этихъ видахъ слѣдовало парализовать стремленія Магомета-Али, такъ какъ Россія не могла допустить, чтобы турецкая имперія, перейдя въ болѣе твердыя руки, была вызвана къ новой жизни; но Россія ничего не имѣла противъ того, чтобы Порта, предупреждая требованія своего вассала, установила въ Египтѣ наслѣдственность и уступила часть Сиріи. Такимъ образомъ, на берегахъ Нила создавалось новое государство, ускользавшее изъ подъ власти Порты; слѣдовало только ослабить участіе европейскихъ державъ и предстоящія измѣненія не ставить подъ ихъ гарантію. Поэтому въ Петербургѣ высказались противъ общаго вмѣшательства, предоставляя каждой державѣ дѣйствовать самостоятельно, и когда Англія отказала Турціи въ поддержкѣ, то Россія предложила ее и съ согласія Дивана выслала русскій флотъ въ Босфоръ съ нѣсколькими тысячами десанта, а въ княжествахъ выставила 25 т. корпусъ войскъ. Представитель Франціи Ворень, узнавши это, стараясь что-

бы Россія отсрочила свои распоряженія; и хотя согласно этому желанію 17 Февраля послѣдовалъ приказъ, но онъ опоздалъ и не могъ уже помѣшать появленію флота въ Мраморномъ морѣ. Новый французскій посланникъ Русень, прибывъ въ Константинополь, возсталъ противъ этого и заявилъ, что не станетъ выгружать своего имущества до тѣхъ поръ, пока русскій флагъ будетъ развѣваться у Дарданелль; англійскій повѣренный въ дѣлахъ присоединился къ протесту, и Диванъ обратился къ представителю Россіи съ просьбою удалить флотъ, чтобы удовлетворить французскаго посла.

Въ Константинополѣ, Парижѣ, Лондонѣ дипломаты волновались. Ссора султана съ пашей грозила обратиться въ европейскую распрю. Метернихъ поспѣшилъ успокоить взволнованныя страсти. Онъ сослался на свои общеизвѣстные консервативные принципы, на интересы Австріи, связанные съ поддержаніемъ Порты, и ручался, что положеніе дѣлъ не возбуждаетъ въ немъ недовѣрія; поэтому и другіе кабинеты не имѣютъ права выражать сомнѣнія. Россія не могла поступить иначе, какъ дать султану просимую помощь, и Австрія въ этомъ случаѣ сдѣлала бы точно то-же. Что сказала бы Франція, если бы державы воспретили ей принимать участіе въ Портѣ. Метернихъ осудилъ поступокъ французскаго посла строже, чѣмъ Николай; онъ считалъ себя затронутымъ недовѣріемъ къ Россіи.

Въ Лондонѣ поступокъ Русеня встрѣтилъ одобреніе; Пальмерстонъ находилъ, что онъ прекрасно привелъ къ концу ссору Турціи съ Египтомъ, и хорошо поступилъ, отправивъ назадъ русскаго адмирала и запустивъ ему шпильку. Представленія Метерниха, однако, подѣйствовали на англійскаго премьера и лордъ Посонби, по своемъ прибытіи въ турецкую столицу, сталъ также содѣйствовать мирному окончанію распри. Общими усиліями удалось убѣдить вице-короля письменно высказать свой отказъ отъ малоазіятскихъ областей; а въ

Константинополѣ также пошли на уступки. Желаніе какъ можно скорѣе удалить русскихъ изъ Босфора вліяло на дѣятельность дипломатовъ.

Закончившаяся турецко-египетская распря была для Порты новымъ пораженіемъ. Къ тому же Россія съумѣла эксплоатировать свое положеніе и получить вознагражденіе за предложенную поддержку; во время пребыванія русскихъ войскъ и флота на Босфорѣ состоялся съ Портою 26 Іюня 1833 года договоръ, цѣлью котораго было поддержаніе міра и укрѣпленіе дружескихъ отношеній между обѣими державами. Главныя статьи этого договора произвели въ Лондонѣ и Парижѣ сильное впечатлѣніе. Право, предоставленное Россіи сосредочивать войска на турецкой границѣ, возбудило тревогу, такъ какъ безкорыстіе сѣверной державы подвергалось сильному сомнѣнію и ее подозрѣвали въ намѣреніи вызвать въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Турціи волненія съ тѣмъ, чтобы подавить ихъ и такимъ образомъ держать Порту подъ русской опекой. Когда же западныя державы узнали секретныя статьи, по которымъ закрытіе Дарданеллъ признавалось основаніемъ международнаго права, то онѣ усмотрѣли въ этомъ мѣры, прямо направленныя противъ нихъ.

27 Августа Русенъ передалъ Рейсъ-Эфенди ноту, въ которой высказывалось, что Франція съ искреннимъ сожалѣніемъ освѣдомилась о заключеніи договора, и многозначительно прибавлялось, что этотъ трактатъ вноситъ существенную перемѣну въ отношенія Порты къ Россіи; что европейскія державы не могутъ дать на него своего согласія; а поэтому французскій кабинетъ считаетъ его недѣйствительнымъ и сохраняетъ за собою право дѣйствовать согласно обстоятельствамъ. Лордъ Посонби высказался въ томъ же духѣ. Австрія и Пруссія не примкнули къ ихъ протесту, но высказали желаніе, чтобы Россія не пользо-

валась предоставленнымъ ей по договору правомъ прохода чрезъ проливъ.

Договоръ Гункіаръ-Скелеси доставилъ сильный перевѣсъ русскому вліянію на Босфорѣ; боязнь Россіи взяла съ тѣхъ поръ перевѣсъ въ политикѣ Порты, убѣжденной, что всѣ вопросы могутъ рѣшаться лишь при согласіи на нихъ петербургскаго кабинета. Русскіе владѣли Силистріей, такъ какъ установленное андріанопольскимъ міромъ вознагражденіе за военныя издержки еще не было уплочено. Во время спора съ Магометомъ Али корпусъ русскихъ войскъ двинутъ былъ въ княжества и по возстановленіи міра не спѣшили приказомъ очистить ихъ. Только чрезвычайному послу Турціи удалось 14 Января 1834 года заключить въ Петербургѣ договоръ, которымъ была урегулирована граница въ Азіи и установлены условія, касавшіяся Дунайскихъ княжествъ, а именно: во время занятія ихъ русскими состоялись въ Молдавіи и Валахіи національныя собранія, выработавшія органическій статутъ, на который Порта могла только дать свое согласіе. Затѣмъ лишь по вступленіи въ управленіе избранныхъ господарей Россія вывела свои войска. Новая дань, слѣдующая съ княжествъ, была съ 1 Января 1836 года установлена въ три милліона піастровъ. За эти важныя уступки Россія отказалась отъ двухъ милліоновъ червонцевъ военнаго вознагражденія, а остальные четыре милліона согласилась получить посредствомъ ежегодной уплаты по 500 т. червонцевъ.

Россія разсчитывала въ близкомъ будущемъ на неизбѣжное паденіе Турціи и на этотъ случай вошла въ соглашеніе съ Австріей. Когда въ Февралѣ 1833 года Россія готовилась поддержать Порту, царь въ раговорѣ съ Фикельмонтомъ высказалъ, что въ интересахъ обѣихъ имперій онѣ обязаны не допускать, чтобы судьба Турціи рѣшилась безъ ихъ участія; а послѣ того, какъ Россія отреклась отъ екатерининскихъ плановъ, не трудно будетъ намѣтить согла-

шеніе. „Я желаю сохраненіи Турціи“, говоритъ Николай; „ежели она разрушится, я не требую себѣ ничего, мнѣ ничего не надо; но что же предпринять? Мысль о раздѣлѣ всегда занимала державы.“

На замѣчаніе посла, что было бы трудно подѣлить всю Турцію, царь призналъ это вѣрнымъ, но присовокупилъ: „Турецкая имперія заняла мѣсто греческой посредствомъ завоеванія; ея корни неглубоки, и даже на азіатскомъ берегу Босфора большинство населенія христіанское. Ежели Турція падаетъ по собственной неспособности, почему не должны мы стремиться къ возстановленію греческой имперіи? И безъ того уже существуетъ греческое государство.“

Эти откровенныя выраженія царя могли только удивлять Вѣну. Точно ли было въ намѣреніяхъ Николая расширеніе юнаго греческаго королевства? тогда какъ этотъ планъ былъ въ противорѣчіи съ бывшимъ доселѣ направленіемъ русской политики. Метернихъ высказалъ по этому поводу русскому послу, что Австрія не порветъ своего расположенія къ Россіи, но возстановленіе греческой имперіи на развалинахъ Турціи не входитъ въ ея планы; поддержаніе оттоманской имперіи наивозможно долѣе будетъ составлять основаніе ея политики до тѣхъ поръ, пока будетъ въ виду угроза, что на мѣстѣ Порты возникнетъ болѣе сильное государство. Затѣмъ пусть предлагается всякая другая комбинація, хотя бы, напримѣръ, образованіе незначительныхъ государствъ Молдавіи, Валахіи, Босніи, Болгаріи, Албаніи. Христіанскія населенія должны управляться христіанскими государями, а магометанскія—ханами. Какому бы князю ни достался Константинополь, онъ не долженъ принимать титула императора.

Свиданіе государей Австріи и Россіи въ Мюнхенгрецѣ казалось какъ бы наградой за поведеніе Австріи въ восточномъ вопросѣ. Уже нѣсколько лѣтъ императоръ Францъ высказывалъ живое желаніе встрѣтиться съ Николаемъ. Въ Сен-

тябрѣ 1833 года царь отправился въ Богемію и привѣтствовалъ Метерниха словами: „Я прибылъ сюда, чтобы отдать себя въ распоряженіе моего шефа, и расчитываю на Васъ, что Вы мнѣ подадите знакъ, ежели я сдѣлаю какой либо промахъ".

Въ продолженіе многодневнаго пребыванія царя, по всѣмъ вопросамъ намѣчено было полное единогласіе. Касательно востока, состоявшееся свиданіе опредѣлило, что оба императорскіе двора остаются при своемъ рѣшеніи поддерживать турецкую имперію подъ главенствомъ нынѣшней династіи, и для этой цѣли употреблять всѣ средства, находящіяся въ ихъ распоряженіи. Императорскіе кабинеты обязываются сообща противудѣйствовать всякому плану, который затрогивалъ бы независимость повелителя правовѣрныхъ, и сговориться на счетъ способовъ предупредить опасности, которыя могли бы возникнуть для пограничныхъ съ Турціей областей. Въ секретной же статьѣ было постановлено, что Австрія и Россія будутъ препятствовать тому, чтобы авторитетъ египетскаго паши не распространился на европейскія владѣнія Турціи, и если бы, не смотря на желанія и общія усилія императорскихъ кабинетовъ, турецкая имперія пала, то договаривающіяся стороны принимаютъ рѣшеніе держаться полнаго согласія и солидарности во всемъ, что касается устройства новаго порядка вещей взамѣнъ нынѣ существующаго [3]).

Въ Петербургѣ были въ высшей степени довольны поведеніемъ Австріи; Нессельроде въ своемъ годовомъ отчетѣ поставилъ на видъ, что оно отвѣчало всѣмъ желаніямъ Россіи, и мюнхенгрецкая конвенція даетъ надежду, что при могущихъ возникнуть на востокѣ замѣшательствахъ, Австрія пойдетъ съ Россіей, а не противъ нея.

Въ вознагражденіе за второстепенную роль, которую

---

3) Въ первый разъ полный отчетъ у Мартенса Т. IV стр. 448.

приняла Австрія въ восточномъ вопросѣ, она получила поддержку въ борьбѣ противъ либерализма [4]). Если когда являлось подозрѣніе въ эгоистическихъ планахъ Россіи относительно Порты, то объясненія царя разгоняли всякое сомнѣніе. Старый, искренній союзъ между обоими кабинетами, казалось, укрѣпился на вѣкъ; Метернихъ уповалъ, что всѣ разногласія прежнихъ дней вполнѣ миновали и обѣ державы выйдутъ побѣдительницами изъ борьбы съ нарушителями порядка. Но все же первенствующая роль была похищена у Австріи, и вмѣсто нея руководительницею сдѣлалась Россія. Въ теченіи позднѣйшей распри Магомета-Али съ Портою, Метернихъ держался направленія, даннаго русскимъ кабинетомъ; попытка его принять руководящую роль разбилась о сопротивленіи царя.

Погасить всякую вражду въ Европѣ было живѣйшимъ желаніемъ канцлера, и его неутомимая изобрѣтательность выискивала для того все новыя комбинаціи. Между прочимъ, Метернихъ вздумалъ предоставить Портѣ самой выпутаться изъ затрудненій, рекомендуя ей непосредственное соглашеніе съ Магометомъ. Обѣщая министрамъ турецкимъ моральную поддержку, онъ говорилъ имъ, что Порта можетъ ссылаться при переговорахъ съ вассаломъ на постановленія державъ. Въ депешѣ 7 Августа 1839 года Метернихъ рекомендовалъ предоставить Магомету-Али наслѣдственность лишь въ Египтѣ; Пальмерстонъ настаивалъ на томъ, чтобы пашѣ былъ предоставленъ одинъ Египетъ, и чтобъ его заставили возвратить Портѣ задержанный флотъ; французское правительство, при различіи взглядовъ стоявшее на сторонѣ Англіи, возражало противъ принудительныхъ мѣръ какъ по вопросу о возвращеніи флота, такъ и по приведенію въ исполненіе постановленій пяти державъ. Исполненная глубочайшаго недовѣрія къ Россіи,

---

4) Мартенсъ Т. IV стр. 467. Докладъ Нессельроде на 1834 г.

Франція сдѣлала въ Петербургѣ заявленіе, что ежели хоть одно русское судно появится въ Мраморномъ морѣ, то Франція и Англія вмѣстѣ съ Австріей прорвутся чрезъ Дарданеллы. Съ трудомъ удалось Фикельмонту убѣдить французскаго посла въ Петербургѣ не сообщать полученныхъ имъ инструкцій. Метернихъ поручилъ графу Аппони передать при случаѣ маршалу Сульту, чго ему надо менѣе рубить саблей тамъ, гдѣ обыкновенныя представленія могутъ достигнуть предположенной цѣли.

Англія и Франція предложили Турціи общую гарантію великихъ державъ. Мысль эта мелькала въ умѣ Метерниха еще во время вѣнскаго конгреса, но Россія ей воспротивилась. Да и какъ могла сѣверная держава согласиться на актъ, который составлялъ почти отреченіе отъ ея преобладающаго вліянія въ Константинополѣ и возвращалъ прочимъ державамъ утраченную ими почву. Общая гарантія связывала Россіи руки; только на частную гарантію сдѣлки между Магометомъ-Али и Портою высказали готовность въ Петербургѣ, и то подъ условіемъ, что всѣ державы признаютъ Дарданеллы и Босфоръ запертыми какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Подъ этимъ условіемъ Россія соглашалась не возобновлять довора Гункіаръ-Скелеси.

Въ Сентябрѣ началось сближеніе Россіи съ Англіей, и оно было непріятно канцлеру по той причинѣ, что можно было опасаться, какъ бы Пальмерстонъ не вырвалъ изъ его рукъ веденія дипломатическихъ переговоровъ. Въ англійскомъ премьерѣ Метернихъ видѣлъ воплощеніе тѣхъ же либерально-революціонныхъ принциповъ, которые возмущали его въ Канингѣ; съ увовольствіемъ выслушивалъ онъ извѣстія изъ Лондона, что между Пальмерстономъ и Бруновымъ не устанавливается полнаго согласія, потому что въ то время, какъ Россія брала на себя исключительное право защищать турецкую столицу отъ нападенія съ

моря противъ Магомета-Али, англійскіе министры требовали и для англійскаго флота права появляться предъ Константинополемъ для его защиты. Россія упорствовала на закрытіи Дарданеллъ для всѣхъ державъ, тогда какъ Пальмерстонъ настаивалъ на принятіи принципа, что оба пролива остаются закрытыми для иностранныхъ военныхъ судовъ; но ежели одинъ былъ открытъ для Россіи, то одновременно и другой долженъ быть открытъ для судовъ Англіи. Предположеніе Метерниха, что Россія не приметъ англійскихъ предложеній, оказались, однако, ошибочными: 10 Декабря царь велѣлъ передать въ Лондонѣ вполнѣ удовлетворительное объявленіе.

Въ большинствѣ дѣлъ, касавшихся Турціи и возникавшихъ со времени турецко-египетскаго спора, Метернихъ заботливо держался одного направленія съ Россіей, и даже тамъ, гдѣ собственные его взгляды рознились, онъ подчинялъ ихъ мнѣнію, преобладавшему въ Петербургѣ

Со стороны Сербіи сдѣланъ былъ запросъ въ Вѣну, какъ думаетъ поступить Австрія, ежели Сербія, недовольная русскимъ протекторатомъ, будетъ искать австрійскаго покровительства? Отвѣтъ былъ слѣдующій: „Какъ бы ни было выгодно для имперіи по многимъ соображеніямъ распространить свое вліяніе непосредственно на сосѣднія государства, но не слѣдуетъ забывать, что покровительство Россіи основано на торжественныхъ обязательствахъ между Турціей и Россіей; поэтому не отъ произвола Сербіи зависитъ самовольно и безъ формальнаго согласія обѣихъ договорившихся державъ отъ нихъ отречься, или одновременно броситься въ объятія третьей державы“. Метернихъ высказалъ готовность только къ подачѣ совѣтовъ.

Въ 1842 году Порта сдѣлала попытку возстановить свой потерянный авторитеръ въ Сербіи. Михаилъ Обреновичъ былъ смѣщенъ и Карагеоргіевичъ, сынъ Георгія Чернаго, избранъ сербскимъ княземъ; событіе, которому Порта не

замедлила дать ратификацію. Михаилъ въ Августѣ 1842 года удалился въ Австрію. Ежели сербское движеніе и осуждалось австрійскимъ канцлеромъ съ точки зрѣнія принципа, то есть переворота, въ которомъ народъ игралъ выдающуюся роль, то самое событіе не противурѣчило австрійскимъ интересамъ. Австріи могло только быть выгоднымъ, чтобы Порта пріобрѣла болѣе вліянія въ Сербіи, а фамилія Карагеоргіевичей всегда прежде высказывала расположеніе къ Австріи; Метернихъ былъ бы не прочь помириться съ перемѣною, совершившеюся въ Бѣлградѣ. Когда же Россія усмотрѣла въ этомъ со стороны Порты нарушеніе трактата, то Метернихъ старался повліять на императора Николая въ такомъ смыслѣ, чтобы не былъ задѣтъ авторитетъ султана: удаленіе виновника возмущенія и назначеніе новаго выбора могли согласить права Россіи и интересы Порты.

Восточная политика канцлера нашла многихъ поклонниковъ и его вліянію приписывали умѣренный образъ дѣйствій русскаго правительства во дни греческаго возстанія; но сомнительно, чтобы это можно было отнести къ его заслугамъ; никогда на берегахъ Невы не отрекались отъ преслѣдованія восточныхъ плановъ, и лишь по временамъ благоразуміе пріостанавливало ихъ исполненіе. Выжидая благопріятныхъ событій и принимая видъ, что желаетъ поддержанія Турціи, Россія зорко слѣдила за развитіемъ восточнаго кризиса, ревниво охраняя неизлечимо больнаго отъ постороннихъ вліяній.

Метернихъ перенесъ на востокъ основанія политики Австріи, обращенныя прежде на западъ. Прошлое служило ему урокомъ, но у него недоставало прозорливости для будущаго. Во многомъ виноватъ канцлеръ, ежели на Тимокѣ и Моравѣ, въ Букарестѣ и Яссахъ противъ Австріи составилось враждебное настроеніе, а въ важныхъ вопросахъ прибѣгали къ Россіи за совѣтами. Что Австрія про-

тивудѣйствовала Греціи въ ея стремленіи къ расширенію, это понятно; потому что надо было принимать всѣ мѣры противъ новаго столкновенія на востокѣ. Стремленія грековъ къ конституціонному образу правленія не встрѣтило въ Вѣнѣ сочувствія, и это укрѣпило въ ихъ королѣ Оттонѣ убѣжденіе въ необходимости неограниченной власти. До тѣхъ поръ, пока Оттонъ слѣдовалъ совѣтамъ Метерниха, отношенія послѣдняго къ юному королевству отличались благосклонностью. Были минуты, когда онъ сулилъ Греціи блестящую будущность. „Мой планъ составленъ“, говорилъ онъ Прокешу въ Декабрѣ 1839 года; „Константинополь можетъ быть только греческимъ городомъ, и Аѳины слѣдуетъ перенести на Босфоръ.“ Метернихъ рекомендовалъ королю „благоразумную политику“, говоря, что она должна удаляться отъ всякихъ крайностей, быть греческой консервативной, но не завоевательный и далекой отъ дипломатической игры. „Мои усилія“, говоритъ онъ, „зключаются въ томъ, чтобы создать изъ Греціи вліятельное государство, но для этого необходимо, чтобы оно проводило жизнь въ покоѣ, постепенно переходя изъ дѣтства въ юношеству и потомъ въ возмужалость.“ Усиленно убѣждалъ онъ короля удаляться отъ кандіотскихъ поползновеній. Греческое правительство происхожденія революціоннаго, но силою обстоятельствъ оно получило крещеніе законности, поэтому слѣдуетъ какъ королю, такъ и всякому просвѣщенному греку держаться болѣе принципа крещенія, чѣмъ происхожденія.

Восточная политика Метерниха имѣла бы полное оправданіе, если бы онъ самъ былъ убѣжденъ въ возможности возрожденія Турціи. Въ этомъ разнится онъ отъ Пальмерстона, съ которымъ діаметрально расходился почти во всѣхъ вопросахъ. Англійскій премьеръ объяснялъ свое поведеніе въ дѣлѣ Магомета-Али соображеніемъ, что слѣдуетъ устранять всѣ элементы продолжающагося упадка Турціи. Никакое государство не разрушится легко, ежели бу-

детъ предоставлено само себѣ; съ нѣкотораго времени въ ней положены основанія къ улучшенію, а при сношеніяхъ съ цивилизованными странами будутъ еще сдѣланы нѣкоторые шаги.

Взглядъ австрійскаго канцлера на Порту высказанъ въ нотѣ Мейзенбугу отъ 14 Мая 1841 года: „Оттоманская имперія есть государство въ состояніи упадка, причины котораго кроются въ ложности основанія ислама, не содержащаго въ себѣ творческой силы, въ скопленіи различныхъ народностей, составляющихъ имперію, въ самомъ духѣ востока съ его разъѣдающими пороками, въ пораженіяхъ, понесенныхъ турками во всѣхъ войнахъ въ теченіи столѣтія. Но вся масса этого зла переполнена реформами на европейскій образецъ, которые обнаруживаютъ полное невѣжество и бездну иллюзій. Австрійскій кабинетъ рѣшается дать Портѣ слѣдующій совѣтъ: основывайте ваше управленіе на уваженіи къ религіозному чувству, которое служитъ надежнѣйшей связью между султаномъ и его мусульманскими подданными; оставайтесь турками, но предоставьте христіанскимъ подданнымъ надежное покровительство; относитесь къ нимъ съ снисхожденіемъ; не давайте ихъ въ обиду пашамъ низшимъ и чиновникамъ; не вмѣшивайтесь въ ихъ религіозныя дѣла и держитесь обязательствъ, которыя приняли, выдавая имъ фирманъ Гюльхане“.

Метернихъ былъ убѣжденъ, что открылъ истину, послѣ того, какъ царь высказалъ полное единомысліе съ вышеизложенными основаніями, и въ инструкціи, данной графу Медему 24 Іюля 1841 года изложилъ тотъ же образъ мыслей. Но предъ своими приближенными Николай не скрывалъ близости паденія общей политической постройки Турціи; по его мнѣнію, она похожа была на безнадежно больнаго, потому что исламъ разрушилъ въ вней весь государственный организмъ.

ГЛАВА VI.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА.

Императоръ Николай былъ убѣжденъ въ необходимости поддержать турецкую имперію, и однако въ продолженіи всего своего царствованія занимался больнымъ человѣкомъ и неоднократно поднималъ вопросъ о возможности паденія Турціи, что привело къ заключенію, что онъ желаетъ этого событія. Въ этомъ дѣлѣ Россіи приходилось считаться съ двумя державами, Австріей и Англіей. Свиданіемъ въ Мюнхенгрецѣ достигнуто было соглашеніе съ первою изъ нихъ, а вслѣдствіе сближенія Россіи съ Англіей во время турецко-египетскаго столкновенія приступлено было къ обмѣну мыслей и съ лондонскимъ кабинетомъ.

Въ 1841 году тори замѣнили виговъ и управленіе иностранными дѣлами было ввѣрено Абердину, симпатіей котораго къ Россіи возбудили на берегахъ Невы розовыя надежды. Поѣздка самодержца сѣвера въ 1844 году въ Лондонъ повела къ обмѣну мыслей на счетъ восточнаго вопроса *); царь высказался въ томъ смыслѣ, какъ говорилъ впослѣдствіи съ лордомъ Сеймуромъ. „Турція“, говорилъ онъ Абердину, „человѣкъ умирающій; можно стараться поддержать въ немъ жизнь, но онъ долженъ скоро умереть. Я не желаю наслѣдства больнаго, но не допущу также, чтобы другія державы чѣмъ либо попользовались“. Нико-

*) Изъ бумагъ барона Христіана Фридриха Штекмара, Брауншнейгъ. 1872 г.

[illegible] опасался Франціи, приписывая ей обширные [illegible] въ Африкѣ, въ Средиземномъ морѣ и даже на востокѣ.

Памятная записка графа Нессельроде, переданная англійскому правительству, заключала полный конспектъ этихъ переговоровъ. „Россія и Англія имѣютъ живой интересъ въ охраненіи независимости и цѣлости турецкой имперіи; съ этой цѣлью слѣдуетъ ее оставить въ покоѣ, не смущая [illegible]атическими дрязгами и вмѣшиваясь какъ можно менѣе въ ея внутреннія дѣла. Но не слѣдуетъ упускать изъ [illegible], что Порта постоянно стремится уклониться отъ обязательствъ принятыхъ ею по договору съ державами; она [illegible] дѣлать это безнаказанно, разсчитывая на взаимное недовѣріе державъ; поэтому въ интересахъ нашихъ [illegible] дать ей почувствовать заблужденіе. Другою причиною замѣшательствъ является трудность согласить постановленія мусульманства съ интересами христіанскихъ народностей; для этого надо представить Портѣ доказательство, что она только тогда можетъ разсчитывать на дружбу и поддержку державъ, когда выкажетъ кротость и [illegible] относительно своихъ христіанскихъ подданныхъ. [illegible] всѣ великія державы будутъ держаться этой системы, то явится основательная надежда добиться успѣха.

Нельзя, однако, скрыть, какъ много элементовъ распа[illegible] заключаетъ въ себѣ турецкая имперія. Непредвидѣнные событія могутъ ускорить его и европейскіе кабинеты [illegible] силахъ воспрепятствовать этому; человѣческая предусмотрительность не можетъ заранѣе составить плана на [illegible] отдѣльный случай; къ тому же было бы несвоевременно совѣщаться о случайностяхъ, которыя могутъ и не состояться. Но тѣ опасности, которыя могутъ послѣдовать отъ турецкой катастрофы, будутъ значительно уменьшены, [illegible] Россія съ Англіей условятся заранѣе. Между [illegible] и Россіей уже существуетъ единомысліе въ прин-

ципахъ; теперь желательно было-бы присоединеніе Англіи
для этого основанія не сложны: Россія имѣетъ перевѣсъ
силъ на сушѣ, Англія на морѣ. Дѣйствуя отдѣльно, каж
дая можетъ значительно помѣшать злу, а соединивъ силы,
онѣ могутъ сдѣлать много добра".

Эти девизы, казалось, произвели впечатлѣніе на англій
скій кабинетъ. Рѣчь царя дышала такимъ миролюбіемъ,
его открытая личность производила такое глубокое впечат
лѣніе, что принято было рѣшеніе договориться на счет
мѣръ, ежели въ Турціи произойдетъ что либо неожиданное.
При этомъ сошлись на двухъ пунктахъ: существованіе
Турціи въ ея настоящемъ видѣ слѣдуетъ поддерживать до
тѣхъ поръ, пока эта политическая комбинація возможна;
когда же сдѣлается очевиднымъ, что она рушится, то нам
будетъ сообща рѣшать объ устройствѣ новаго порядка
вещей взамѣнъ стараго.

Этимъ, хотя и словеснымъ, договоромъ достигнуто бы
единомысліе между Россіей и Англіей; но, разумѣется, с
петербургскій кабинетъ придавалъ болѣе значенія второму
вопросу говорившему о новомъ порядкѣ, тогда какъ лон
донскій желалъ поддержать настоящее положеніе Турціи.
Въ этомъ смыслѣ лордъ Абердинъ сдѣлалъ сообщеніе Ме
терниху, въ глазахъ котораго мюнхенгрецкій трактат
имѣлъ большое значеніе, потому что онъ связывалъ Рос
сію. Опредѣленія австро-русскаго договора почти дослов
сходились съ англо-русскимъ соглашеніемъ. Сдѣлка Росс
съ Англіей и Австріей, благодаря политическимъ обстоя
тельствамъ, не могла ни откуда встрѣтить серьезнаго про
тиводѣйствія; нельзя было предполагать, чтобы Франц
отказалась приступить къ ней, а еслибы и вздумала встат
въ изолированное положеніе, то все-же она не могла во
препятствовать дѣйствіямъ союзниковъ. Столкновеніе дер
жавъ было предупреждено и миръ обезпеченъ такими п

дробностями, какъ будто бы уже договорились на счетъ добычи.

Никогда положеніе Россіи не было внушительнѣе, какъ въ революціонный годъ, и оно еще болѣе возвеличилось, когда буря 1848 года миновала имперію, не потревоживъ дуновеніемъ сѣвернаго колосса. Россія была готова повсюду вступиться за спокойствіе и порядокъ и явиться на помощь монархамъ, угрожаемымъ переворотомъ.

Валахія имѣла также въ этомъ году свою революцію; русскія войска стояли въ готовности на границѣ, чтобы идти туда, гдѣ потребуется. Конечно, для этого прежде всего нужно было требованіе со стороны государей. Въ области, принадлежащія Портѣ, царь считалъ себя въ правѣ вступить на основаніи адріанопольскаго трактата, чтобы заботиться о благосостояніи христіанскаго народонаселенія. Въ скоромъ времени появился манифестъ, которымъ Николай извѣщалъ, что Россія будетъ соблюдать нейтралитетъ относительно революціоннаго движенія въ государствахъ; но такъ какъ Молдавія и Валахія стремятся къ независимости, чего Россія не можетъ допустить въ виду своихъ обязательствъ относительно Турціи, то съ согласія Порты, русскія войска займутъ княжества до тѣхъ поръ, пока тамъ не возстановится спокойствіе и порядокъ.

Однако, когда затѣмъ Порта ввела свои войска въ Дунайскія княжества и требовала отступленія русскихъ, то генералъ Людерсъ не выказалъ намѣренія исполнить требованіе. На настоятельные запросы державъ, петербургскій кабинетъ отвѣчалъ уклончиво, а между тѣмъ велъ въ Константинополѣ переговоры, пока ему не удалось заключить въ Балта-Лиманѣ сдѣлку, по которой срокъ управленія господарей опредѣлялся семилѣтній, собранія бояръ отмѣнены Диваномъ и имѣвшійся въ виду пересмотръ органическаго статута поставленъ въ зависимость отъ согласія Россіи.

Едва этотъ призракъ сошелъ со сцены, какъ европейская дипломатія должна была заняться другимъ вопросомъ, касавшимся востока:

„При противурѣчивыхъ интересахъ греческой и латинской церквей, въ эту минуту грозитъ возникнуть вопросъ, который, вѣроятно, поведетъ къ большимъ спорамъ“. Такъ писалъ 20 Мая 1850 года Пальмерстону сэръ Стратфордъ-Коннингъ. Рѣчь шла о правѣ владѣнія различными частями церкви у святаго гроба. Грековъ обвиняли въ присвоеніи имущества, принадлежащаго католикамъ; Франція вступилась за права латинской церкви и требовала для французскихъ монаховъ права исправить и украсить куполъ церкви святаго гроба. Все это должно было быть приведено въ состояніе, въ какомъ находилось до пожара 1808 года; а въ подкрѣпленіе своихъ требованій она ссылалась на капитуляцію 1740 года, которую сами французскіе дипломаты признавали весьма шаткою.

Въ 1851 году Порта назначила комиссію изъ французскихъ и греко-турецкихъ членовъ для опредѣленія претензій; заключеніе комиссіи было въ пользу латинянъ. Окончаніе разногласія должно было закончиться переговорами между маркизомъ Лавалетомъ и Али-пашей, какъ получилось письмо царя къ султану, гдѣ высказывалось ожиданіе, что ничто въ statu quo не будетъ измѣнено. Титовъ, русскій посланникъ, далъ при этомъ понять, что всякое измѣненіе повлечетъ за собою перерывъ политическихъ сношеній. Въ виду этого, Порта прекратила переговоры съ Лавалетомъ и выказала готовность предоставить всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ святыню въ общее пользованіе, но это предложеніе не было принято ни одною изъ сторонъ. Смѣшанная комиссія была распущена и составлена новая. Лавалетъ требовалъ рѣшенія до 24 Декабря, и по истеченіи срока объявилъ о перерывѣ дипломатическихъ сношеній съ Портою.

Въ первыхъ недѣляхъ новаго 1852 года, рѣшеніе комиссіи получило утвержденіе султана и Лавалетъ высказалъ ему свое одобреніе, но Титовъ воспротивился. Чтобы удовлетворить послѣдняго, Порта издала фирманъ, ограждавшій право грековъ; теперь Россія была удовлетворена, но протестовалъ Лавалетъ; это новое разногласіе было отстранено, когда на требованіе французскаго посла Порта дала увѣреніе, что фирманъ не имѣетъ цѣлью уклоняться отъ обѣщаній, данныхъ Франціи, а подписанъ лишь для успокоенія Россіи. Тогда Титовъ предъявилъ требованіе, чтобы фирманъ былъ прочитанъ въ Іерусалимѣ, и ежели этого не исполнятъ, то все дѣло будетъ сочтено несостоявшимся и выяснится нарушеніе Портою даннаго слова. Лавалетъ сталъ грозить присылкою флота, если фирманъ будетъ прочтенъ; Порта, однако, уступила угрозѣ Россіи и затѣмъ обратилась къ англійскому повѣренному въ дѣлахъ, съ просьбою о посредничествѣ. Вліянію послѣдняго удалось достигнуть того, что посланники Франціи и Россіи повели болѣе умѣренный разговоръ и явилась надежда, что по спорному вопросу состоится соглашеніе.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ приняли рѣшеніе принудить Порту исполнить всѣ требованія. Въ исходѣ 1852 года, Нессельроде высказалъ англійскому посланнику, что вопросъ о святыхъ мѣстахъ весьма непріятенъ, что императоръ не можетъ этого болѣе переносить, и одновременно съ тѣмъ произведено было вооруженіе и войска двинуты къ турецкой границѣ. Сэръ Сеймуръ переслалъ русскому канцлеру меморандумъ, въ которомъ указывалъ на послѣдствія, ежели русская армія будетъ сосредоточена на границѣ. Нессельроде призналъ эти опасенія преувеличенными, доказывая, что императоръ не желаетъ паденія Турціи, но необходимо, чтобы русская дипломатія была поддержана вооруженною силою, чтобы противодѣйствовать незаконнымъ требованіямъ Франціи. Въ депешѣ къ Брунову

русскій кабинетъ указывалъ на пункты, которые приведутъ къ удовлетворенію. „Къ соболѣзнованію всего христіанскаго населенія греческой вѣры, ключи Вифлеемскаго храма переданы латинянамъ, чѣмъ удостовѣряется на востокѣ ихъ религіозное первенство; всѣ права православныхъ чрезъ то нарушены и не исполнено слово, данное султаномъ императору. Россія не прибѣгнетъ къ оружію, но примѣняетъ болѣе быструю систему".

Лордъ Джонъ Руссель, въ своемъ возраженіи на русскую депешу, сдѣлалъ справедливое замѣчаніе, что Англія должна глубоко сожалѣть о всякой ссорѣ, которая можетъ повести къ столкновенію между Франціей и Россіей; но когда подумаешь, что вражда касается исключительно привилегій тѣхъ мѣстъ, гдѣ Христосъ проповѣдывалъ людямъ миръ на землѣ и братскую любовь; когда видишь враждующія церкви, оспаривающія первенство на томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ умеръ за человѣчество, то мысль объ подобной комедіи, въ сущности, весьма печальна.

По положенію дѣлъ въ началѣ 1853 года, прекращеніе ссоры могло легко состояться, но въ Петербургѣ принято было рѣшеніе воспользоваться обстоятельствами, чтобы придать такое толкованіе постановленіямъ Кучукъ-Кайнарджскаго договора, которое значительно переступало текстъ документа, и утвердились въ мысли взяться за оружіе, ежели Порта окажется неуступчивою на русскія требованія. Съ этою цѣлью былъ составленъ планъ посылки Меньшикова въ Константинополь. Но прежде исполненія его, слѣдовало освѣдомиться о мнѣніи англійскаго премьера, чтобы согласно съ нимъ дать инструкціи русскому послу. Съ 9 Января, императоръ Николай завелъ съ англійскимъ посломъ рядъ разговоровъ, находившихся въ связи съ тѣмъ обмѣномъ мыслей, который онъ имѣлъ за нѣсколько лѣтъ назадъ въ Лондонѣ. Разговоры эти имѣли цѣлью выпытать, насколько можно разсчитывать на содѣйствіе Англіи.

„Дѣла Турціи“, говорилъ Николай, „находятся въ ужасномъ разстройствѣ, страна грозитъ обратиться въ развалины и паденіе ея было бы великимъ несчастіемъ; поэтому полезно, чтобы Англія и Россія пришли къ полному единомыслію, не дѣлая одна безъ другой ни шага. Вѣрьте мнѣ, у насъ на рукахъ больной человѣкъ, очень больной; было бы большимъ несчастьемъ, еслибы онъ рухнулъ прежде, чѣмъ мы приняли необходимыя мѣры“. Нѣсколько дней пустя, во вторичномъ разговорѣ, императоръ говорилъ: не наслѣдовалъ видѣній и фантазій Екатерины; моя мперія обширна, во всѣхъ отношеніяхъ счастливо расположена, и было бы неблагоразумно желать бо̀льшаго. Опасность для Россіи заключается именно въ ея обширности; она прилегаетъ къ Турціи и для русскихъ интересовъ ничего нельзя желать лучшаго; намъ нечего бояться фанатическаго духа или военной предпріимчивости мусульманъ; но въ этой имперіи находятся милліоны христіанъ, интересы которыхъ поставлены договорами подъ мою защиту, и отъ этой обязанности я не могу уклониться. Если-бы удалось Россіи сговориться съ Англіей, то до другихъ намъ мало дѣла. Конечно, если вы разсчитываете обладать Константинополемъ, то я этого не потерплю, но готовъ прь и на себя обязательство не брать его въ собствень, и только развѣ въ крайнемъ случаѣ принять его, ь залогъ“. На уклончивый отвѣтъ, данный Сеймуромъ, съ выраженіемъ сомнѣнія, чтобы больной былъ уже при смерти, императоръ возразилъ: „Англійское правительство мѣетъ ложныя свѣдѣнія, ежели вѣритъ, что Турція заключаетъ въ себѣ какіе либо элементы существованія; больной при смерти, и теперь болѣе, чѣмъ когда либо, можно утверждать, что подобное событіе застанетъ державы въ расплохъ. Мнѣ не нужно протокола или договора; общее согласіе достаточно между честными людьми“.

Содержаніе разговора Сеймуръ изложилъ въ своей де-

пешѣ въ Лондонъ, прибавя замѣчаніе что, государь, разсчитывающій съ такимъ упорствомъ на предстоящее паденіе сосѣдняго государства, видимо твердо принялъ собственное рѣшеніе. Представитель Англіи выводилъ заключеніе, что между Россіей и Австріей уже существуетъ соглашенія по этому предмету.

Не подлежитъ сомнѣнію, что русскій императоръ считалъ обстоятельства благопріятными, чтобы дать Портѣ почувствовать значеніе Россіи, и только отъ принятія ея идей въ Лондонѣ ставилъ въ зависимость тѣ мѣры, которыя намѣревался принять. Можетъ быть, что вслѣдствіе холоднаго пріема англійскимъ кабинетомъ его плановъ, онъ бы ихъ временно отсрочилъ, если бы не возникло новое усложненіе.

Въ Черногоріи Даніилъ Петровичъ, съ согласія народнаго собранія и предварительнаго одобренія Россіи, объявилъ себя свѣтскимъ наслѣдственнымъ княземъ. Порта сочла случай удобнымъ заставить эту горную страну признать верховное владычество султана, которое оспаривалось. Новый князь далъ тоже Портѣ поводъ къ вмѣшательству, вступивъ въ владѣніе Спужемъ и Жаблякомъ, и Омеръ-паша получилъ приказаніе двинуться противъ Черногоріи. Извѣстіе о нашествіи турокъ вызвало въ южныхъ славянахъ сильнѣйшее возбужденіе. Одержи турки побѣду или испытай пораженіе, Австрія тоже была бы затронута или возстаніемъ славянъ противъ владычества Порты, или по поводу овладѣнія турками Клекомъ и Суториною, на которые Турція предъявляла права, оспариваемыя Австріей. Кромѣ того, отношенія ея къ Портѣ съ 1849 года были натянуты, такъ какъ Турція отказалась выдать укрывшихся въ ней руководителей венгерскаго возстанія, и даже нѣкоторые изъ нихъ, вступя на службу, находились по близости австрійской границы. Въ Вѣнѣ рѣшились воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы возстановить на востокѣ

значеніе Австріи, значительно пострадавшее со времени венгерскаго возстанія.

Опасеніе нарушенія австрійскихъ границъ со стороны турокъ казалось не безосновательнымъ; правительство предписало строжайшее наблюденіе и усилило важный пограничный пунктъ Драгалъ. Войска, находившіяся въ Далматіи, были поставлены на военную ногу; капитанъ Фауцъ получилъ приказъ съ эскадрой отправиться въ Тополу, для охраны австрійскаго берега отъ возможной высадки турокъ или отъ прибытія турецкихъ судовъ въ гавани; а въ распоряженіе Іелашича, бана Кроатіи, поставлены были значительныя силы на Уннѣ.

Въ Сербіи и князь, и министры высказались непріязненно противъ событій въ Черногоріи, но въ сосѣднихъ областяхъ извѣстіе о военныхъ мѣрахъ вызвало сильное волненіе. Христіане надѣялись, а турки опасались наступленія австрійцевъ. Въ Босніи напряженно слѣдили за черногорскими событіями, чтобы тоже подняться и вступиться за общее дѣло. „Христіанское населеніе“, говорится въ донесеніи попа Торткевича, „никогда еще съ такими надеждами не взирало на императора Австріи; никто знать не хочетъ Россіи, Сербіи или Черногоріи, каждый питаетъ надежды, что его освободитъ юный австрійскій императоръ или кроатскій банъ“.

Въ Январѣ 1853 года въ Вѣнѣ склонны были поддержать южныхъ славянъ въ случаѣ, если бы они сообща возстали противъ Порты. „Я считаю долгомъ донести вамъ“, писалъ Грюнъ бану Кроаціи, „что императорское правительство не намѣрено относиться враждебно и дѣлать препятствія народному движенію, и что оно гораздо болѣе расположено дать справедливую поддержку христіанскимъ подданнымъ Турціи, избѣгая, однако, всякихъ манифестацій“.

Въ Январѣ Омеръ-паша овладѣлъ монастыремъ Острымъ, высшимъ пунктомъ Цетской горной площади; черногорцы

должны были отступить на гору, лежащую на прямомъ берегу Цеты, гдѣ стоялъ князь Данило съ 1500 юнаковъ. Главари четырехъ нахій покорились туркамъ; дѣла черногорцевъ были плохи и значительная часть народа колебалась между сопротивленіемъ и покорностью.

Маіоръ Каликъ и капитанъ Іовановичъ, посланные къ Омеру пашѣ изъ австрійской главной квартиры, прибыли 5 Февраля въ Спужъ, гдѣ предувѣдомленный Омеръ-паша принялъ ихъ со всѣми почестями. Каликъ потребовалъ отъ турецкаго главнокомандующаго точнаго объясненія на счетъ назначенія выставленныхъ силъ, и извѣстилъ его объ распоряженіи двинуть армію на Унну, объявивъ, что австрійскія войска немедленно перейдутъ границу, ежели турецкія войска нарушатъ австрійскую территорію или сдѣлаютъ попытку овладѣть Клекомъ или Суториной.

Омеръ-паша увѣрялъ, что онъ заботится лишь о покореніи Черногоріи; противъ Австріи ни онъ, ни турецкое правительство никакой вражды не питаютъ. Вопросъ о Клекѣ и Суторинѣ можетъ быть разрѣшенъ только дипломатическимъ способомъ, и онъ не думаетъ о захватѣ этихъ мѣстностей. Въ Босніи и Албаніи онъ отдалъ строжайшія приказанія на счетъ австрійской границы, такъ какъ для Порты составляетъ высокій интересъ жить въ мирѣ и дружбѣ съ такимъ сосѣдомъ. Австріи можетъ быть только желательнымъ возстановленіе законнаго порядка въ Черногоріи, такъ какъ она имѣетъ столько же причинъ, какъ и Турція, быть недовольною черногорцами. „Борьба противъ южно-славянскихъ тенденцій и противъ русскаго вліянія въ европейской Турціи,“ прибавилъ Омеръ-паша, „составляютъ нашъ общій интересъ. Что же касается Клека и Суторины, то Порта будетъ довольна, ежели ей будутъ обезпечены договорныя права, по которымъ она можетъ изъ этихъ мѣстъ продовольствовать войска, находящіяся въ Босніи и Герцоговинѣ“.

Маіоръ Каликъ завелъ рѣчь о томъ, что въ турецкихъ войскахъ находятся венгерскіе и польскіе государственные преступники, замѣтивъ, что поведеніе турецкаго правительства относительно бѣглецовъ противно договорамъ, а размѣщеніе ихъ вдоль границы во всякомъ случаѣ составляетъ противъ Австріи враждебный шагъ. Ежели отозваніе этихъ людей внутрь страны не будетъ немедленно приведено въ исполненіе, то можно будетъ заключить, что покореніе Черногоріи служитъ ширмами недружелюбнымъ намѣреніямъ противъ Австріи; что вѣнскій кабинетъ ходатайствовалъ въ Константинополѣ за черногорцевъ, и поэтому пусть Омеръ-паша не затѣваетъ новыхъ нападеній, пока не сдѣлается извѣстнымъ результатъ переговоровъ.

Казалось, что турецкому военачальнику извѣстна была посылка Лейнингена на Босфоръ, и онъ отвѣчалъ, что не упускалъ случая убѣждать черногорцевъ стать на добрый путь и покориться, но его прокламаціи получали наглый и насмѣшливый отвѣтъ, такъ какъ черногорцы фанатики и разбойники.

Посылкою Калика къ Омеру-пашѣ Австрія хотѣла выиграть время, пока не сдѣлается извѣстенъ результатъ посольства графа Лейнингена, которому было поручено поставить слѣдующія требованія: выводъ турецкихъ войскъ изъ Черногоріи; возстановленіе status quo въ этой странѣ; уравненіе христіанъ въ правахъ съ могометанами на всемъ пространствѣ турецкой имперіи; покровительство въ свободномъ отправленіи обрядовъ христіанской религіи. Одновременно съ тѣмъ Австрія требовала вознагражденія австрійскимъ подданнымъ за ежегодныя разбойничьи нападенія. оставленія status quo въ вопросѣ Суторины и Клека, отстраненія затрудненій и ограниченій, установленныхъ въ послѣднее время для австрійской торговли, и наконецъ, удаленія отъ границъ политическихъ бѣглецовъ, принятыхъ Турціей.

Первые шаги графа Лейнингена не имѣли успѣха и въ Вѣнѣ рѣшились не уступать. 21 Февраля Іелашича спросили по телеграфу, въ сколько времени будетъ онъ готовъ съ пятнадцатитысячнымъ корпусомъ перейти Унну и выдвинуться впередъ на трехдневный маршъ? Затѣмъ Мамула въ Далмаціи получилъ инструкціи объявить черногорцамъ и Омеру-пашѣ, что Австрія принимаетъ на себя возстановленіе положенія, бывшаго до начала военныхъ дѣйствій; отъ Омера потребовать очищенія Черногоріи и увѣдомить его, что Іелашичъ переходитъ Унну и вступаетъ въ Боснію. Войска стояли уже въ готовности, какъ получилось извѣстіе, что Порта приняла австрійскій ультиматумъ, и что между Турціей и Австріей не существуетъ болѣе разногласій.

Поводомъ къ посольству Лейнингена, вѣроятно, послужило рѣшеніе царя отправить въ Константинополь чрезвычайнымъ посломъ князя Меньшикова; пріѣздъ его на Босфоръ произвелъ повсюду удивленіе, въ особенности, когда разгласились точныя свѣдѣнія о его настоятельныхъ требованіяхъ. Въ Петербургѣ разсчитывали, что до появленія Меньшикова австро-турецкое несогласіе еще не будетъ покончено, и тѣмъ легче добьются рѣшенія многолѣтняго спора о святыхъ мѣстахъ. Отъ Англіи петербургскій кабинетъ ожидалъ скорѣе поддержки, чѣмъ препятствія, и старался дать въ Лондонѣ успокоительныя увѣренія на счетъ цѣли посылки Меньшикова.

Въ началѣ 1853 года Несельроде увѣрялъ Сеймура, что Россія стремится лишь къ сдѣлкѣ, которая поставила бы оба вѣрованія въ одинаковыя условія въ Іерусалимѣ, безъ ущерба для котораго либо изъ нихъ; инструкціи, данныя Меньшикову, умѣренны, да и самъ свѣтлѣйшій князь проникнутъ миролюбивыми взглядами. Нѣсколько времени спустя, Несельроде заговорилъ о вознагражденіи за привилегіи, утраченныя греками, не объясняя прямо, въ чемъ онѣ состояли. На вопросъ сэра Гамильтона Сеймура, по-

ручено ли Меньшикову разрѣшить еще какіе либо спорные вопросы, Несельроде отвѣчалъ, что еще не знаетъ, что они еще обсуждаются и, вѣроятно, будутъ состоять изъ частныхъ претензій, подлежащихъ разсмотрѣнію; при этомъ дано увѣреніе, что царь неизмѣнно желаетъ соблюдать независимость и цѣлость Турціи, и еслибъ въ этомъ намѣреніи произошла перемѣна, то англійскій кабинетъ будетъ о томъ извѣщенъ; что и султану была обѣщана защита Россіи противъ нападенія Франціи. Въ подобномъ же смыслѣ высказался въ Лондонѣ и Бруновъ.

Видимо откровенное объясненіе цѣли порученія Меньшикова произвело на берегахъ Темзы благопріятное впечатлѣніе; тамъ находили понятнымъ, что русскій кабинетъ требуетъ на будущее время гарантій для православной церкви. Но Несельроде не сказалъ посланникамъ державъ, что удаленіе Фуада-Паши и предложеніе оборонительнаго и наступательнаго союза Россіи и Турціи также входятъ въ число требованій русскаго посла. Тѣмъ сильнѣе было изумленіе, когда узнали, что при первомъ своемъ свиданіи съ великимъ визиремъ 16 Февраля, князь предъявилъ требованіе, касавшееся Фуада. Англійскій посланникъ на Босфорѣ со своимъ французскимъ коллегой дѣлали всевозможныя усилія, чтобы воспрепятствовать удаленію турецкаго государственнаго человѣка; но султанъ принялъ отъ Фуада добровольное прошеніе объ отставкѣ и назначилъ на его мѣсто Рифата-пашу. Англійскій повѣренный въ дѣлахъ, полковникъ Роза предугадалъ дальнѣйшее порученіе Меньшикова и нашелъ положеніе на столько серьезнымъ, что призвалъ англійскую эскадру; но адмиралъ Дундасъ воспротивился приказанію, и англійское правительство одобрило его. Въ Лондонѣ вѣра въ царя еще не была поколеблена, и когда Франція поспѣшила выслать свой флотъ къ Саламину, представя его въ распоряженіе посла, то этотъ шагъ не былъ одобренъ лордомъ Кларендономъ.

Сосредоточеніе русскихъ войскъ на югѣ Россіи утвердило французскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ его мнѣніи, что на берегахъ Невы разсчитываютъ на возможность войны. Меньшиковъ оставилъ Константиноноль въ ночь на 22 Мая, а 26-го Решидъ-паша передалъ посламъ державъ ноту, въ которой выражена была твердая воля султана охранять права и свободу греческой церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ высказано нежеланіе подтверждать эти права особымъ договоромъ. Разрывъ дипломатическихъ сношеній со стороны Россіи и ея приготовленія принудили Порту также готовиться къ войнѣ, въ надеждѣ, что державы, подписавшія трактатъ 1841 года, признаютъ право на ея сторонѣ. На основаніи этого трактата Франція дѣлала попытку согласить участницъ-державъ къ общему дѣйствію, и ей это удалось относительно Англіи, такъ какъ лордъ Странгфордъ былъ уполномоченъ призвать флотъ, ежели Россія объявитъ войну, и нѣсколько дней спустя адмиралъ Дундасъ получивъ приказаніе приблизиться къ Дарданелламъ, а Франція предложила своему представителю въ Константинополѣ дѣйствовать согласно съ англійскимъ посломъ.

Вѣнскій кабинетъ судилъ о событіяхъ востока почти одинаково съ англійскимъ министромъ и находилъ понятнымъ, что Россія требуетъ гарантій*). Извѣстіе о прибытіи русскаго посла хотя изумило вѣнскіе кружки, но полагали, что Меньшиковъ превысилъ инструкціи и сгоряча увлекся иниціативой. Стратфордъ-Каннингъ, проѣздомъ чрезъ Вѣну въ Константинополь, слышалъ отъ самого императора, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ честныхъ намѣреніяхъ русскаго царя. До конца Мая Буоль считалъ дѣйствія Меньшикова поспѣшными; нота Нессельроде 31 Мая къ Решиду-пашѣ, въ которой высказывалось намѣреніе рус-

*) Аугсбургскія всеобщія вѣдомости 1854.—№ 106.

скаго кабинета двинуть войска въ Дунайскія княжества, ясно показало, однако, что русскій посолъ дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ инструкціями. Извѣстія изъ Россіи говорили о приготовленіяхъ и готовности войскъ къ походу; что между офицерами царствуетъ энтузіазмъ, и даже старые, увѣчные генералы ни о чемъ не бредятъ, какъ о желаніи покончить съ Турціей, вступить въ Цареградъ и водрузить православный крестъ на храмѣ святой Софіи.

Послѣ того, какъ между Франціей и Англіей установилось согласіе во взглядахъ, державы эти обратились къ Австріи съ предложеніемъ присоединиться къ нимъ. Очевидно было, что положеніе, которое займетъ Австрія, сильно повліяетъ на дѣла востока; скорое рѣшеніе вѣнскаго кабинета могло остановить войну. „Единообразное положеніе четырехъ великихъ державъ“, говорится въ депешѣ 10 Іюня 1853 года къ Буркене изъ Парижа, „направленное къ тому, чтобы сдѣлать невозможною войну или стѣснить кругъ непріязненныхъ дѣйствій, должно имѣть послѣдствіемъ возстановленіе мира между Россіей и Турціей. Въ особенности положеніе Австріи будетъ имѣть на это большое вліяніе“.

Наполеонъ сдѣлалъ удачный выборъ, назначивъ въ Вѣну Буркене, особенно преданнаго союзу Франціи съ Австріей. Сдѣланный ему пріемъ возбудилъ въ Парижѣ радостныя надежды. Графъ Буоль сказалъ французскому послу, что когда въ Константинополѣ отношенія явственнѣе обозначаются, то все должно быть рѣшено пятью державами; но если одинъ или два кабинета вздумаютъ особо устраивать свои интересы, то будутъ имѣть противъ себя всю Европу.

Къ сожалѣнію, австрійскій министръ былъ медлителенъ и вмѣсто того, чтобы принять скорѣе рѣшеніе, онъ старался лишь успокоить Францію и Англію; въ Константинополѣ совѣтовалъ не начинать враждебныхъ дѣйствій, если бы даже русскіе перешли Прутъ, и намекалъ, что въ случаѣ вой-

ны Австрія принуждена будетъ озаботиться обезпеченіемъ своихъ границъ, что составляло свого рода угрозу. Когда петербургскій кабинетъ увѣдомилъ Вѣну о походѣ русскихъ войскъ, то Буоль умолялъ о пріостановкѣ ихъ и одновременно просилъ въ Парижѣ и Лондонѣ не дѣлать изъ этого повода къ войнѣ. Когда же французскій кабинетъ, основываясь на трактатѣ 1841 года, выводилъ право для европейскихъ державъ воспротивиться нападенію Россіи, то Буоль сталъ на ея сторону, и на вопросъ Буркене, какое положеніе приметъ Австрія въ случаѣ войны, не далъ опредѣлительнаго отвѣта; а на предложеніе Франціи созвать конференцію, объявилъ эту мѣру безцѣльною.

Образъ дѣйствій Австріи укрѣпилъ Россію въ ея поступкахъ; въ Петербургѣ разсчитывали на одобреніе вліятельныхъ вѣнскихъ кружковъ, на привязанность и благодарность Франца Іосифа, на извѣстное сочувствіе къ Россіи военныхъ; и ежели графъ Буоль не высказывалъ безусловно единомыслія съ Россіей, то все же на берегахъ Невы почти съ увѣренностью разсчитывали, что въ рѣшительную минуту австрійскій монархъ скорѣе отстранитъ своего совѣтника, чѣмъ согласится на враждебный шагъ противъ Николая.

Императоръ Францъ Іосифъ рѣшился послать графа Гіуная въ Петербургъ, чтобы убѣдить царя отложить вступленіе войскъ въ Дунайскія княжества; но Гіунаю пріемъ оказанъ былъ не дружественный. Царь укорительно отзывался объ образѣ дѣйствій Австріи, и находилъ его не согласнымъ съ обязанностями союзника и съ услугой, оказанной Россіей въ 1849 года при усмиреніи Венгріи. Тѣмъ не менѣе, расположеніе Іосифа къ Россіи не уменьшилось; и хотя поступокъ Николая нанесъ даже ему уколъ, потому что повелѣніе о вступленіи русскихъ войскъ въ княжества было отдано въ самый день передачи царю императорскаго письма, но австрійскій императоръ высказалъ

только сожалѣніе, что царь не обращаетъ вниманія на совѣты союзника. Нота графа Нессельроде къ Решиду-пашѣ, отъ 31 Мая, извѣщала, что русскія войска переходятъ турецкую границу, чтобы имѣть въ рукахъ матеріальное обезпеченіе. Манифестъ русскаго царя краснорѣчиво высказывалъ заботы о правахъ православной церкви и обвинялъ Порту въ нарушеніи этихъ правъ. Этотъ манифестъ произвелъ въ Вѣнѣ неблагопріятное впечатлѣніе.

Австрійскій министръ изыскивалъ способы для прекращенія разногласія. Движимый желаніемъ поддержать Турцію, какъ необходимый элементъ европейскаго равно[illegible], такъ-же, какъ и сохранить дружескій союзъ, связывающ[illegible]встрію съ Россіей въ видѣ оплота противъ революціоннаго духа, графъ Буоль съумѣлъ согласить представителей державъ на составленный имъ посредническій планъ, который и былъ пересланъ Портѣ 24 Іюня; а на слѣдующей недѣлѣ принялъ онъ за основаніе посредничества французскій проектъ, и также послалъ его въ Константинополь. Въ это время со всѣхъ сторонъ предлагались проэкты нотъ, которыми можно было бы удовлетворить Россію. Петербургскій кабинетъ принялъ добрыя услуги Австріи, и Вѣна была избрана мѣстомъ для совѣщаній. Буоль пригласилъ посланниковъ Россіи, Франціи и Пруссіи, но Мейендорфъ отклонилъ отъ себя всякое участіе въ переговорахъ, указавъ на различіе инструкцій, и объявилъ, что Россія, принимая услуги Австріи, отклоняетъ таковые отъ прочихъ державъ. Такимъ образомъ появилась на свѣтъ столь извѣстная вѣнская нота отъ 31 Іюля, которую Друэнъ де Люшъ окрестилъ названіемъ „нота арлекина“ [3]).

2 Августа полковникъ Руффъ отправился въ Константинополь къ султану съ собственноручнымъ письмомъ императора, въ которомъ усиленно рекомендовалось приня-

---

3) Josmund: Акты къ восточному вопросу., Стр. 149.

тіе посредническихъ предложеній. Въ Петербургѣ, гдѣ графъ Буоль обезпечилъ себѣ согласіе на произведеніе вѣнской конференціи, австрійскій императоръ поручилъ передать увѣреніе, что онъ сохраняетъ прежнее дружеское расположеніе, и ежели Порта не приметъ условій, то ей трудно будетъ выпутаться изъ усложненій. На берегахъ Невы быстро рѣшились на принятіе предложеній, и 3 Августа Мейендорфъ былъ объ этомъ извѣщенъ по телеграфу. Шестаго числа Нессельроде выпустилъ циркуляръ, въ которомъ объявлялъ, что Россія присоединяется къ вѣнской нотѣ, но подъ условіемъ, что ее безъ измѣненій приметъ Порта; въ противномъ случаѣ Россія не будетъ считать себя связанною.

Случилось, однако, нѣчто неожиданное: Решидъ-паша отказался отъ принятія ноты безъ измѣненій, настаивалъ на очищеніи княжествъ и требовалъ гарантій для будущаго. Русскіе писатели утверждаютъ, будто лордъ Стратфордъ убѣдилъ великаго визиря отвѣчать отказомъ. Ежели это предложеніе справедливо, то оно обнаруживаетъ въ англійскомъ посланникѣ болѣе предусмотрительности, чѣмъ во всѣхъ дипломатахъ, собравшихся въ Вѣнѣ. Представители европейскихъ державъ на Босфорѣ получили инструкціи настаивать на непремѣнномъ принятіи вѣнской ноты, и усердно дѣйствовали въ этомъ духѣ; но хотя Турція казалась вполнѣ одинокою, Решидъ остался непоколебимъ. Тогда дипломатія обратила свою дѣятельность по другому направленію: она атаковала Петербургъ, чтобы убѣдить на принятіе измѣненій, предложенныхъ Портою. Баронъ Мейендорфъ полагалъ, что русское правительство ничего не будетъ имѣть противъ этого, и сообщилъ въ русскую столицу замѣчаніе, что слѣдовало бы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для очищенія обоихъ княжествъ, и тѣмъ удалить щекотливый вопросъ между Австріей и Россіей, напоминая русскому канцлеру, что занятіе въ бы-

лое время Молдавіи и Валахіи помѣшало содѣйствію Австріи въ войнѣ противъ Наполеона I.

Въ Петербургѣ стояли на принятіи ноты безъ измѣненій, хотя императоръ Николай высказалъ было готовность раздѣлить взгляды своего вѣнскаго представителя. Тогда-то [illegible]ась депеша Нессельроде отъ 7 Сентября, съ изложеніемъ взгляда на ноту 31 Іюня. Изъ нея обнаружилось, что измѣненіе, требованное Рашидомъ, было весьма основательно. Французскій министръ говорилъ, что невозможно принуждать Порту къ принятію ноты, которая по русскому толкованію имѣетъ совершенно иной смыслъ. Еще 10 Сентября лордъ Кларендонъ упрекалъ Порту за ея упорство, а десять дней спустя вполнѣ оправдывалъ ее.

Австрія осталась вѣрна своей посреднической роли и Пруссія поддерживала ея усилія. Понятно, что на берегахъ Невы старались сохранить расположеніе Австріи и успокоить опасенія, возбужденныя толкованіемъ вѣнской ноты; поѣздка царя въ Ольмюцъ предпринята была съ этою цѣлью. Николай постарался убѣдить Франца Іосифа, что Россія не стремится къ завоеванію какой бы то ни было турецкой области, и это ему удалось. Внушительная личность царя сдѣлало глубокое впечатлѣніе на повелителя Дунайскаго царства; а его откровенная рѣчь отстранила всякое недовѣріе. Подъ вліяніемъ состоявшагося въ Ольмюцѣ обмѣна мыслей явились новыя попытки посредничества: „Портѣ слѣдуетъ принять вѣнскую ноту, а державы въ дополнительной нотѣ выскажутъ убѣжденіе, что верховныя права и достоинство султана нисколько не нарушаются, и что Россія не имѣетъ намѣренія вызывать къ жизни привиллегій греческой церкви, которыя отъ времени пришли въ забвеніе“. Но лондонскій кабинетъ отклонилъ планъ Буоля: „Безполезно было бы“, сказалъ лордъ Кларендонъ „предпринимать новый шагъ и рекомендовать Портѣ редакцію ноты, въ виду толкованія, даннаго ей графомъ Нессельроде“. Наполеонъ III примкнулъ къ англійскому взгляду.

Порта съ своей стороны закрыла всѣ пути къ посредничеству. Послѣдніе мѣсяцы были употреблены ею на сосредоточеніе войскъ; уже въ Сентябрѣ на Дунаѣ стояло 70,000 съ 210 орудіями. Варна, Силистрія, Рущукъ и Видинъ были приведены въ оборонительное положеніе и ожидалось еще до 170,000 подкрѣпленія. 25 и 26 Сент[illegible] въ собраніи трехъ сотъ чиновъ государства принято было рѣшеніе прекратить дальнѣйшіе переговоры и объявить войну. Доселѣ баронъ Брукъ усердно убѣждалъ министровъ Порты дѣйствовать примирительно; но теперь онъ самъ отказался переубѣдить турокъ въ ихъ преувеличенной оцѣнкѣ собственныхъ силъ, или заставить отказаться отъ принятаго отчаяннаго рѣшенія. Министры Порты ссылались на то, что страсти были слишкомъ возбуждены, чтобы возможно было безъ опасенія за внутреннее спокойствіе и за самую жизнь султана дѣлать какія либо уступки. 4 Октября 1853 года Порта объявила Россіи войну.

Не смотря на всеобщее возбужденіе, въ Вѣнѣ преобладало мирное настроеніе, и не предвидѣлось даже впослѣдствіи возможности участія Австріи въ войнѣ. Конечно, она была заинтересована, чтобы территоріальное положеніе на ея восточной границѣ не подверглось измѣненію, но для этого служило достаточнымъ ручательствомъ слово русскаго императора, вѣрнаго друга и союзника. Нейтральное положеніе Австріи было до того очевидно, что явилась возможность привести въ исполненіе предполагавшееся сокращеніе состава арміи. Сперва вѣнскій кабинетъ предложилъ Пруссіи заключить наступательный и оборонительный союзъ, а когда предложеніе это было отклонено, то возбудилъ вопросъ не только о нейтралитетѣ Австріи и Пруссіи, но и о предложеніи его всему германскому союзу. 10 Ноября, графъ Буоль сообщилъ сейму о рѣшеніи Австріи сократить численность арміи, чтобы дать Европѣ залогъ своего миролюбія, а вмѣстѣ и убѣдить всѣхъ въ

отсутствіи всякихъ завоевательныхъ плановъ со стороны Россіи. Въ Константинополѣ австрійскій министръ также заявлялъ о миролюбивомъ настроеніи царя, который даже послѣ объявленія войны не считалъ переговоры прерванными; дипломаты Австріи одновременно работали также въ Лондонѣ и Парижѣ, чтобы сговориться на счетъ ноты, которая бы убѣдила Порту вступить въ переговоры. Вслѣдствіе этого, четыре великія державы соединились, чтобы предложить свои добрыя услуги воюющимъ сторонамъ; въ основаніе ноты принимались увѣренія царя объ отсутствіи съ его стороны посягательства на цѣлость оттоманской имперіи. Говорилось, что Россія не имѣетъ намѣренія навязывать Турціи новыхъ обязательствъ, что авторитетъ султана не будетъ униженъ, и отъ Порты требуется только объясненіе, которое бы на будущее время отстранило возможность двумысленнаго толкованія договора.

Въ послѣдній день 1853 года, Порта формулировала слѣдующія условія, какъ основаніе для переговоровъ: скорѣйшее очищеніе княжествъ; утвержденіе религіозныхъ привиллегій христіанъ фирманомъ, который бу[illegible] предъявленъ державамъ для свѣдѣнія; переговоры д[illegible]ы происходить въ нейтральномъ городѣ; Порта должна быть принята въ европейскую конфедерацію и договоръ 1841 года подтвержденъ и возстановленъ. Тринадцатаго Января, вѣнская конференція подписала протоколъ, которымъ признавалось тождество условій Порты съ основаніями, изложенными въ актѣ 5 Декабря; а на другой день Буоль переслалъ эти акты въ Петербургъ, съ усиленной просьбой приступить къ соглашенію, состоявшемуся между четырьмя державами.

Съ самаго начала компликацій императоръ Николай еще надѣялся привлечь на свою сторону Австрію и Пруссію или, по крайней мѣрѣ, побудить ихъ къ строгому нейтралитету. Что Австрія старалась помѣшать европейскому

столкновенію, это было ему понятно; но когда сдѣлалось несомнѣннымъ, что Франція сообща съ Англіей стремятся къ войнѣ, то онъ заключилъ, что старинный союзникъ станетъ на сторону Россіи. Чрезъ Мейендорфа переслалъ онъ императору Францу Іосифу письмо и подробный меморандумъ, въ которомъ предлагалъ дѣйствовать за одно. Такъ, въ то время, когда Россія займетъ княжества, Австрія овладѣла бы Сербіей, Босніей и Герцеговиной, согласно бывшему плану Іосифа и Екатерины. На случай, еслибы Австрія подверглась нападенію въ Италіи или на другихъ пунктахъ, Николай выражалъ готовность оказать поддержку, а также употребить всѣ средства для убѣжденія Пруссіи и германскаго союза гарантировать Австріи цѣлость всѣхъ ея областей, не входящихъ въ составъ союза. Россія могла надѣяться, что эти предложенія встрѣтятъ въ Вѣнѣ сочувствіе; но Францъ Іосифъ круто отклонилъ ихъ. Захватъ Сербіи и Босніи онъ считалъ ничѣмъ не оправдываемымъ нападеніемъ; вмѣсто того, чтобы сгладить русско-турецкую распрю, это вызвало бы развитіе новаго чейскаго вопроса и дало бы поводъ Франціи протянуть руку на Бельгію или Италію.

Отказъ Австріи отъ русскихъ предложеній вызвалъ на берегахъ Невы сильное порицаніе. Тамъ говорили, что только трусость графа Буоля виною тому, что Австрія теряетъ случай занять такую вліятельную роль; что въ Вѣнѣ должны бы рѣшиться на миръ или войну, ставши на сторону Россіи; что тамъ не поняли своей миссіи, или не имѣли достаточно на то бодрости.

Возобновленіе этого предложенія послѣдовало чрезъ графа Орлова. Посольство его въ началѣ 1854 года имѣло видимою цѣлью объявленіе условій, на которыхъ Россія готова покончить свой союзъ съ Турціей. Протоколъ 5 Декабря былъ въ Петербургѣ отвергнутъ; тамъ возмутились противъ соглашенія четырехъ державъ и противъ

требованія, поставленнаго во главѣ условій: очистить княжества, тогда какъ Россія хотѣла вывести войска послѣ того, какъ Турція исполнитъ русскія требованія. Но кромѣ изложенія этого плана, Орловъ въ Вѣнѣ, а Будбергъ въ Берлинѣ имѣли порученіе побудить Австрію и Пруссію къ заключенію конвенціи, по которой обѣ державы, въ случаѣ участія Англіи и Франціи въ войнѣ противъ Россіи, формально обязались бы соблюдать строжайшій нейтралитетъ, защищая его противъ всякаго, кто вздумалъ бы его нарушить. Три сѣверныя державы должны были сообща смотрѣть на всякое нападеніе Франціи или Англіи на Австрію и Пруссію, какъ на нарушеніе неприкосновенности ихъ собственныхъ земель, и давать другъ другу взаимную помощь. Россія завѣряла о своемъ желаніи окончить войну, какъ только ея достоинство будетъ удовлетворено; но ежели бы дальнѣйшее развитіе событій измѣнило положеніе дѣлъ въ Турціи, то русскій императоръ обязывался не принимать никакихъ рѣшеній безъ предварительнаго соглашенія со своими союзниками. Россія слѣдующимъ образомъ опредѣлила этотъ нейтралитетъ: онъ не долженъ быть неопредѣленнымъ, колеблющимся или выжидательнымъ.

Императоръ Францъ Іосифъ нашелъ эти предложенія неудовлетворительными. „Ежели только славянскія населенія придутъ въ броженіе“, говорилъ онъ Орлову, „то Россія будетъ не въ состояніи ограничить ихъ стремленія“. А когда Орловъ отвѣтилъ, что Россія расположена сообща съ Австріей принять надъ ними протекторатъ, Францъ Іосифъ справедливо замѣтилъ, что вѣра и племенная связь обезпечиваютъ перевѣсъ вліянію Россіи, что, слѣдовательно, протекторатъ Австріи будетъ чисто номинальный и въ будущемъ дастъ поводъ къ пререканіямъ между имперіями. Въ заключеніе императоръ объявилъ, что будетъ соблюдать нейтралитетъ выжидательный, а Буоль присо-

вокупилъ, что Австрія непосредственно заинтересована въ восточномъ вопросѣ и не можетъ связать себя строгимъ нейтралитетомъ, такъ какъ успѣхи русскихъ войскъ и желанія подвластныхъ Турціи народовъ могутъ привести къ такому положенію дѣлъ, что императоръ вынужденъ будетъ на вооруженное вмѣшательство, если только не желаетъ своею бездѣятельностью утратить достоинство и жизненные интересы имперіи.

Отвѣтъ Франца Іосифа данъ былъ подъ вліяніемъ извѣстій, полученныхъ изъ Сербіи. Въ Бѣлградѣ образовались два теченія: князь Карагеоргіевичъ былъ приверженецъ Австріи, а энергическое вмѣшательство ея во время черногорской войны съ Турціей укрѣпило это расположеніе; но населеніе не раздѣляло этихъ чувствъ и обращало взоры свои на Петербургъ, ожидая отъ предстоящей войны Россіи съ Турціей исполненія своихъ надеждъ. Въ Вѣнѣ пробудилось естественное недовѣріе противъ этого національнаго стремленія, и оно еще усилилось вслѣдствіе пребыванія въ Бѣлградѣ венгерскихъ эмигрантовъ. Петербургскому кабинету сербское движеніе также не могло быть пріятно, потому что онъ зналъ о настроеніи, преобладающемъ въ Вѣнѣ. Членъ русскаго посольства Фонтонъ былъ посланъ въ Бѣлградъ съ инструкціей успокоить сербовъ и отговорить ихъ отъ всякаго участія въ войнѣ, въ особенности же отъ какой либо связи съ революціонными пропагандистами. Русскій канцлеръ писалъ сербскому князю, что Россія не допуститъ Сербію сдѣлаться очагомъ безпокойнаго движенія.

Добровольно отказываясь отъ вѣрной поддержки въ предпринятой войнѣ, Россія давала честное доказательство своего вниманія къ интересамъ Австріи: посылка Фонтона состоялась по соглашенію съ Буолемъ, и даже инструкціи были ему сообщены. Оффиціальная Россія старалась укротить возбужденныя чувства; но не смотря на всѣ увѣре-

нія, расточаемыя въ Вѣнѣ, и на дружескія заявленія царя въ Ольмюцѣ, гдѣ сербскій вопросъ составлялъ предметъ обсужденій,—въ Россіи сочувствовали народнымъ стремленіямъ дунайскихъ странъ, а этого было достаточно, чтобы недовѣріе не покинуло австрійскаго министра.

Графъ Орловъ могъ убѣдиться, что Австрійскій императоръ также не скрываетъ своего безпокойства, и Буоль потребовалъ гарантій, что Россія не воспользуется сербскими симпатіями. Кажется, что вліяніе сѣдаго канцлера, въ теченіи полувѣка заправлявшаго внѣшнею политикою Австріи, снова пріобрѣло значеніе въ высшихъ сферахъ. Метернихъ, вернувшійся изъ изгнанія и приглашенный императоромъ для совѣта, высказалъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ слѣдующими словами: „Слѣдуетъ, маневрируя, удалить русскихъ изъ княжествъ“ [4]).

Въ разговорѣ съ императоромъ Францемъ русскій посланникъ баронъ Мейендорфъ высказалъ ему, что хотя Россія ввѣряетъ свои интересы Австріи, но собственно не имѣетъ въ ней друга; настроеніе ея печати враждебно, а графъ Буоль не скрываетъ того, что подготовляетъ соглашеніе съ Франціей; декабрьскій протоколъ служитъ тому доказательствомъ. упрекаютъ Россію, что она приняла въ свое войско шесть сотъ добровольцевъ, тогда какъ Турція принимаетъ подъ свои знамена тысячи бѣглецовъ; да и Австрія въ 1787 году включила въ свои войска 30,000 сербовъ. „Это правда“, отвѣтилъ императоръ, „но возстаніе балканскихъ христіанъ для меня опасно; оно направлено противъ status quo, которое одно сносно; а распространеніе русскаго покровительства на турецкую имперію не можетъ быть спокойно принято Австріей; этимъ была бы задѣта какъ она, такъ и европейское равновѣсіе“.

„Однако, Сербія и Дунайскія княжества“, возражалъ

---

4) Etude diplomatique, Bd. 1, p. 502.

Мейендорфъ, „получили независимое управленіе; развѣ отъ этого пострадало европейское равновѣсіе? и Россія желаетъ общаго съ Австріей протектората надъ Сербіей“.

„Да“, сказалъ императоръ, „но благодаря племеннымъ симпатіямъ и одинаковой вѣрѣ, Россія была бы всѣмъ, а Австрія ничѣмъ“.

„Это происходитъ оттого, высказалъ Мейендорфъ, что Россія оказала народонаселенію чувствительныя услуги, тогда какъ Австрія сочувствовала туркамъ“.

Императоръ призналъ это, сказавъ: „Это была ложная политика, но разъ пришли къ такому положенію, слѣдуетъ уже имъ руководствоваться, и если я себя заблаговременно не обезпечу, то прійду, когда уже будетъ поздно. Русскіе готовятся перешагнуть Дунай, а въ Букарестѣ для вооруженія христіанъ имѣется въ готовности 16,000 ружей. Для меня съ первыхъ словъ графа Орлова стало ясно, что Россія приняла рѣшеніе, не смотря на то, что было сказано въ Ольмюцѣ и Варшавѣ; поэтому я вижу себя принужденнымъ принять мѣры, тогда какъ до сихъ поръ держался нейтралитета“.

Графъ Орловъ не имѣлъ полномочія дать требуемыя Буолемъ ручательства и 8 Февраля оставилъ Вѣну, а нѣсколько дней спустя, Австрія приняла рѣшеніе выставить армію въ Семиградіи и Банатѣ.

Попытки склонить Австрію блюдомъ чечевицы были неудачны, и донесенія Орлова и Мейендорфа вызвали царя изъ самообольщенія, что русской дипломатіи удастся привязать Австрію къ Россіи. Петербургскіе военные авторитеты убѣждали не обращать вниманія на Австрію и не останавливать хода событій. Русскія войска должны были перейти Дунай у Виддина, вступить въ Сербію, вызвать возстаніе въ Черногоріи, Эпирѣ и Ѳессаліи, напасть на тылъ турецкой арміи и чрезъ Софію идти въ Константинополь. Другія лица были, напротивъ, того мнѣнія, что въ

Константинополь можно попасть только чрезъ Вѣну. Паскевичъ высказалъ своему государю, что съ той минуты, какъ война стала неизбѣжной, слѣдовало начать съ Австріи, взять Вѣну и, уже раздробивъ имперію, приниматься за Турцію.

Посольство Орлова, не достигнувъ цѣли, даже ухудшило положеніе: доселѣ поведеніе Австріи относительно Россіи было дружественное, и усилія графа Буоля направлялись на пользу дружественной державы. Не было ни малѣйшаго намѣренія воспользоваться усложненіями, чтобы пріобрѣсти выгоды на Балканахъ; только въ продолженіи пребыванія русскаго посла въ Вѣнѣ удалось лучше разсмотрѣть игру Россіи. Съ Марта 1854 года паролемъ Австріи сдѣлалось моральное сочувствіе къ западнымъ державамъ; надежды на миръ стали немыслимы, и было бы нечестно долѣе морочить большинство публики; но еще не было рѣшено, когда Австрія вступитъ въ дѣло. Всѣ предположенія, дѣлавшіяся по этому поводу въ Англіи и Франціи, были преждевременны.

Нѣсколько дней спустя, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ были выработаны основанія для руководства печати въ восточномъ вопросѣ и сообщены въ газеты. „Австрія“, говорилось въ нихъ, „не одобряетъ политики Россіи относительно Турціи; занятіе Дунайскихъ княжествъ есть нарушеніе народнаго права. Отъ Россіи нечего ожидать, чтобы она обращала вниманіе на нѣмецкіе интересы. Англія и Франція уже приняли рѣшеніе, и чрезъ это ссора приметъ такое развитіе, что нельзя предвидѣть, какъ далеко будемъ мы въ нее вовлечены. Австрія не можетъ желать ослабленія или униженія Россіи, но изъ за этого нельзя же давать ей поддержку, представляя исключительный перевѣсъ на востокѣ“ [5]).

[5]) 18 Марта 1854 года отъ министра Баха, пересланное эрцгерцогу Альбрехту. (Hs).

Но въ Лондонѣ и Парижѣ все таки не вполнѣ были довольны поведеніемъ Австріи; тамъ ожидали принятія рѣшительнаго участія противъ Россіи. Лордъ Кларендонъ настаивалъ на рѣшеніи Австріи, такъ какъ въ ея рукахъ находилось возстановленіе мира безъ войны. Требованіе западныхъ державъ примкнуть къ ультиматуму, направленному противъ Россіи, объ немедленномъ очищеніи княжествъ, Австрія оставила безъ послѣдствій. Успокоительныя увѣренія французскаго Монитера, что Франція вовсе не преслѣдуетъ двуличной политики и не идетъ на встрѣчу революціоннымъ движеніямъ, не произвели вліянія. Графъ Буоль обѣщалъ только свою поддержку и послалъ въ Петербургъ депешу, въ которой высказывалъ, что ежели надежды Австріи на скорое возстановленіе мира не оправдаются, то она будетъ дѣйствовать согласно своимъ интересамъ.

Пруссія стѣсняла дѣйствія австрійскаго кабинета; въ Берлинѣ работалъ Будбергъ, убѣждая Пруссію подписать протоколъ; а король объявилъ въ Лондонѣ, что онъ не допуститъ впутать себя въ войну съ Россіей и его къ этому не принудятъ, такъ какъ онъ можетъ выставить 400,000 войска. Онъ также отклонилъ предложеніе Австріи заключить съ Англіей и Франціей конвенцію на основаніи декабрьскаго протокола; но безъ затрудненій согласился на возобновленіе ольмюцкаго договора, которымъ обезпечивались взаимныя владѣнія державъ, включая тутъ же Венгрію и Италію. Австрійскій монархъ удовольствовался этимъ.

Мекленбургскій герцогъ и австрійскій генералъ Гессъ одновременно прибыли на берега Шпре, первый изъ нихъ съ предложеніями отъ царя, второй для переговоровъ о союзномъ договорѣ. Великодушный король Фридрихъ Вильгельмъ IV, у котораго на сердцѣ лежало улучшеніе быта христіанъ въ Турціи, съ начала восточной распри п[о]
[д]овалъ мысль объ общей гарантіи державъ за христіанъ,

и старался вовлечь въ этотъ планъ своего шурина Николая. Принцъ Георгъ Мекленбургскій привезъ на это благопріятный отвѣтъ царя; сверхъ того, онъ долженъ былъ удержать Пруссію отъ дальнѣйшаго сближенія съ Австріей и западными державами. Пруссія требовала отъ Россіи очищенія княжествъ, чтобы получить полную свободу дѣйствій, такъ какъ по воззрѣніямъ того времени, Дунай считался германскою рѣкою, и занятіе княжествъ существенно затрогивало нѣмецкіе интересы.

Договоръ между Австріей и Пруссіей, какъ бы составленный для охраны нѣмецкихъ интересовъ, послѣ многотрудныхъ нотъ приведенъ былъ къ заключенію. Преданная Россіи партія, состоящая изъ лицъ близкихъ прусскому королю, чуяла грозу и затрудняла работу генералу Гессу; король старался изъ предложеній Австріи устранить всякій оборотъ, направленный противъ Россіи, медлилъ дать согласіе на добавочный параграфъ, и предъ подписаніемъ поставилъ условіемъ, что одновременно съ требованіемъ отъ Россіи очищенія княжествъ, западнымъ державамъ будетъ предложено оставить Черное море и проливы. Но эта взаимность, выговоренная королемъ, не была выражена въ договорѣ; генералъ Гессъ ограничился обѣщаніемъ, что въ объяснительной австрійской нотѣ будетъ высказано ея согласіе.

Въ тотъ же день была заключена военная конвенція, которая обязывала Австрію сверхъ 150,000 человѣкъ, уже выставленныхъ въ Венгріи и на Дунаѣ, мобилизировать еще 100,000 для образованія второй арміи. Пруссія же обязывалась взамѣнъ этого сосредоточить 100,000 человѣкъ въ тридцати шести дневный срокъ, и на случай довести армію до двухъ сотъ тысячъ. Такимъ образомъ, по ходу дѣлъ съ одной стороны Англія съ Франціей, съ другой Пруссія съ Австріей соединились противъ Россіи. Однородность союзныхъ договоровъ была выяснена на вѣнской конферен-

ціи 23 Мая, и эта же однородность указана въ объявленіи 24 Мая, представленномъ германскому союзу. „Оба кабинета“, говорится въ немъ, „сошлись съ парижскимъ и лондонскимъ въ убѣжденіи, что ссора Турціи и Россіи не можетъ долѣе продолжаться безъ потрясенія всеобщихъ европейскихъ интересовъ. Поддержаніе цѣлости турецкой имперіи и независимости султана составляютъ необходимое условіе политическаго равновѣсія, и война ни въ какомъ случаѣ не должна измѣнить территоріальныхъ положеній. Продолженіе развитія военнаго могущества Россіи на нижнемъ Дунаѣ не только повліяетъ на политическія отношенія державъ въ смыслѣ, неблагопріятномъ для Германіи, но и отзовется на ея матеріальномъ благосостояніи.“

Нѣмецкимъ государствамъ предложено было приступить къ апрѣльскому договору. Министры Баваріи, Саксоніи, Виртемберга, Ганновера, Бадена, обоихъ Гессенствъ и Нассау собрались подъ предсѣдательствомъ Баваріи въ Бамбергѣ, чтобы договориться объ общихъ дѣйствіяхъ. Соглашеніе, состоявшееся между Австріей и Пруссіей, не было ими безусловно одобрено, но они признали необходимость сопротивляться всѣми силами и повсюду, гдѣ окажется опасность общимъ интересамъ.

Австрія не разсчитывала встрѣтить затрудненія въ германскомъ союзѣ. Приказъ о постановкѣ арміи въ Венгріи и Галиціи послѣдовалъ 15 Мая, и о томъ одновременно извѣщалась Пруссія [6]); поводомъ къ тому служило сосредоточеніе русскаго обсерваціоннаго корпуса вдоль Буковины и верхней Молдавіи и усиленіе войскъ въ царствѣ Польскомъ. Въ то время изъ Вѣны посланъ былъ въ Берлинъ Мейерхоферъ; въ данной ему инструкціи высказывалось, что австрійская армія къ концу Іюля будетъ мобилизирована въ размѣрѣ 250,000 человѣкъ, и сверхъ того посто-

---

[6]) Императоръ Францъ Іосифъ Буолю. 15 Мая 1854.

янно 50,000 будетъ находиться въ Галиціи и Семиградіи въ готовности къ бою; ожидаютъ, что и Пруссія къ тому же времени будетъ имѣть условленное войско въ 200,000 человѣкъ.

Третьяго Іюня послана была въ Петербургъ нота, составленная въ очень умѣренномъ тонѣ; въ ней говорилось: „Занятіе княжествъ русскими войсками составляетъ главнѣйшую причину развитія внѣшней ссоры и дѣлаетъ невозможными всякія попытки къ мирному разрѣшенію вопроса. Императоръ Николай не можетъ не сознавать, сколько уже пострадали интересы Австріи и связанные съ нею интересы Германіи въ политическомъ, промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ. Австрійскій императоръ, озабоченный интересами своихъ народовъ, принялъ на себя обязанность употребить всѣ усилія, чтобы русская армія не распространяла своихъ операцій за Дунай и въ близкомъ времени очистила княжества. Продолжая занятіе ихъ на неопредѣленный срокъ, или связывая очищеніе ихъ съ условіемъ гарантіи, императоръ Николай тѣмъ самымъ возлагаетъ на австрійскаго императора тяжелую обязанность самому отыскивать средства къ огражденію угрожаемымъ интересамъ“. Генералъ Гессъ высказалъ русскому посланнику свое сожалѣніе, что Австрія вынуждена къ подобному шагу; но какъ только послѣдуетъ очищеніе княжествъ, то императоръ Францъ Іосифъ обратится къ мирному настроенію. По увѣренію русскихъ писателей, Гессъ далъ честное слово, что Австрія нисколько не связана съ западными державами.

Пруссія желала, чтобы рѣшенія не принимались такъ быстро, и Альвенслебенъ появился въ Вѣнѣ съ цѣлью отсовѣтовать дальнѣйшіе самостоятельные шаги. Кажется, въ Берлинѣ питали обманчивую надежду, что на основаніи взглядовъ, высказанныхъ на германскомъ сеймѣ, можно будетъ также отъ западныхъ державъ потребовать удале-

нія ихъ флотовъ. Переговоры на счетъ этой взаимности повели къ свиданію Фридриха Вильгельма съ Францемъ Іосифомъ въ Тешенѣ. Австрія воспротивилась подобному спаиванію обоихъ требованій, и прусскій король послалъ Манштейфеля къ царю, убѣждая его очистить добровольно княжества, и предложилъ свое посредничество въ Лондонѣ Парижѣ. Николай рѣшительно отклонилъ это; въ мемора думѣ, переданномъ Будбергомъ королю, говорилось, ч „было бы несправедливо ставить Россіи одностороннее тр бованіе, не получивъ отъ западныхъ державъ равносил наго обѣщанія. Жалобы Австріи на возбужденіе славян скаго населенія неосновательны; не на Россію падаетъ вина; затрудненія Австріи существуютъ издавна, и они вызваны не войною, а возникли по винѣ самой Австріи, которая не принимала въ разсчетъ желаній славянъ и симпатизировала туркамъ. Если же Австрія склонится къ союзу противъ Россіи, то этимъ только ухудшитъ положеніе; наилучшій путь составляетъ соглашеніе съ Россіей для охраненія и ограниченія славянскихъ стремленій".

Между тѣмъ и среднія германскія государства убѣждали петербургскій кабинетъ къ уступчивости безъ всякихъ контръ-предложеній. Утверждаютъ, что Австрія въ секретной депешѣ также дала увѣреніе, что какъ только Россія выведетъ войска и ограничится линіей Прута, то и она готова будетъ потребовать, чтобы Порта и ея союзники отступили за Дунай. Графъ Буоль объявилъ русскому посланнику, что Австрія не превысила обязательствъ, истекающихъ изъ протокола 9 Апрѣля, и по очищеніи княжествъ выкажетъ Россіи свое старинное дружеское расположеніе.

Эти всестороннія настоянія настолько произвели вліяніе на берегахъ Невы, что австрійскія предложенія не были безусловно отклонены. Въ депешѣ Нессельроде къ князю Горчакову было сказано: „Ежели занятіе княжествъ

по мнѣнію Австріи, есть поводъ къ войнѣ, то слѣдуетъ съ той минуты, какъ занятіе прекратится, пріостановить и враждебныя дѣйствія; посему является вопросъ, въ состояніи ли Австрія ручаться за это? Принимая во вниманіе желанія и интересы Германіи, Россія расположена вступить въ переговоры о срокѣ очищенія княжествъ. Императоръ не желаетъ длить неопредѣленное время это занятіе, а тѣмъ менѣе присоединять княжества къ имперіи; онъ не прочь примкнуть къ основаніямъ, изложеннымъ въ протоколѣ 9 Апрѣля".

Изъ донесенія Эстергази видно, что потребовалось все вліяніе Нессельроде, чтобы вынудить у Николая согласіе на этотъ отвѣтъ. Императоръ опасался дурнаго впечатлѣнія, которое подобная уступка произведетъ въ Россіи. Когда Нессельроде выразилъ надежду, что отвѣтъ его на депешу 3 Іюня будетъ принятъ благопріятно, то Эстергази возразилъ, что во всякомъ случаѣ онъ представляетъ основу для устройства мира, такъ какъ Россія даетъ согласіе на три пункта, хотя тутъ недостаетъ опредѣлительности выраженій на счетъ очищенія княжествъ, котораго требуетъ Австрія. „Горчаковъ имѣетъ на этотъ счетъ инструкціи", отвѣчалъ русскій министръ, „и очищеніе зависитъ отъ обязательствъ и гарантій Австріи".

Послѣ отсылки отвѣта, Эстергази имѣлъ случай говорить съ императоромъ Николаемъ. Пріемъ его былъ въ высшей степени ледяной; съ строгимъ тономъ говорилъ императоръ, что онъ чрезвычайно оскорбленъ враждебнымъ поведеніемъ Франца-Іосифа противъ Россіи; это тѣмъ непонятнѣе, что обѣ имперіи имѣютъ на востокѣ общіе интересы. Кажется, императоръ Австріи забылъ совершенно, что царь для него сдѣлалъ; въ особенности австрійскія военныя приготовленія глубоко и тяжело отозвались на его сердцѣ. Ежели произойдетъ война, то Богъ будетъ судьей между обоими государями; довѣріе, существовавшее

доселѣ между обоими императорами на благо ихъ государствъ, разрушено и дружескія отношенія не могутъ болѣе существовать. На совѣтника австрійскаго императора падаетъ тяжелая отвѣтственность за враждебное отношеніе Австріи къ Россіи [7]).

Въ Вѣнѣ разсчитывали на полную уступчивость Россіи. Князь Горчаковъ, доставивъ русскіе документы, далъ словесное объясненіе, какъ понимать требуемыя Россіей гарантіи: она требуетъ удостовѣренія, что ее не будутъ преслѣдовать въ очищаемыхъ областяхъ, и что державы не употребятъ освободившихся такимъ образомъ войскъ для нападенія на азіятскіе и европейскіе берега Россіи. Требованіе основано на томъ, что Россія не можетъ добровольно уступить безъ вознагражденія военное положеніе, которое дастъ ей возможность наступательными дѣйствіями возстановить равновѣсіе въ свою пользу.

Съ Мая мѣсяца въ Константинополѣ велись переговоры между интернунціемъ и турецкими министрами о предоставленіи Австріи права занять нѣкоторыя турецкія области. Въ Вѣнѣ имѣли въ виду Скутарійскій округъ, а также намѣревались послать морскія силы въ Арту и Превезу. Турція выразила желаніе придать этимъ переговорамъ силу въ формѣ конвенціи, и Диванъ увѣдомилъ своего комиссара въ Албаніи о предстоящемъ появленіи австрійскихъ военныхъ судовъ въ турецкихъ водахъ и о вступленіи австрійскихъ войскъ. Но этого событія не послѣдовало, потому что западныя державы, занявъ Грецію, предупредили Австрію въ ея намѣреніяхъ на счетъ Албаніи.

---

7) Донесеніе Эстергази отъ 6 Іюля 1854 г. Въ заключеніи сказано: «Изъ словъ императора Николая я вывожу, что онъ допускалъ возможность войны съ Австріей. Вообще же его самолюбіе было сильно уязвлено по случаю отступленія русскихъ войскъ изъ Турціи, а болѣе всего ему тягостна была мысль, что, вѣроятно, самъ императоръ Францъ приметъ начальство надъ войсками, назначенными дѣйствовать противъ русскихъ.»

Тѣмъ не менѣе, 14 Іюня между интернунціемъ и турецкими министрами было заключено въ Константинополѣ условіе, которое признаютъ какъ бы началомъ новой эры въ восточной политикѣ Австріи. Оно выразилось ея преобладаніемъ на полуостровѣ и вытѣсненіемъ русскаго вліянія изъ Дунайскихъ княжествъ. Вступительная фраза договора выражена слѣдующимъ образомъ:

„Императоръ Австріи, вполнѣ признавая, что для поддержанія европейскаго равновѣсія необходимо сохраненіе Турціи въ ея настоящихъ границахъ, и что очищеніе Дунайскихъ княжествъ составляетъ одно изъ непремѣнныхъ условій цѣлости имперіи,—принимаетъ обязательство употребить всѣ способы, чтобы достигнуть очищенія княжествъ отъ иностранной арміи, ихъ нынѣ занимающей, и въ случаѣ нужды, для достиженія этой цѣли употребить свои войска. Австрія обязуется сообща съ турецкимъ правительствомъ возстановить въ княжествахъ законный порядокъ, не входя ни въ какія соглашенія съ Россіей".

Сдѣланы были распоряженія о походѣ австрійскихъ войскъ, если бы отвѣтъ Россіи на ноту былъ неудовлетворителенъ; Гесса снабдили на этотъ счетъ инструкціями. Въ Орсовѣ отдалъ онъ 5 Іюля окончательный приказъ о вступленіи въ Валахію, которое должно было послѣдовать 12 Іюля. Натурально, разсчитывали на единогласіе Пруссіи: но въ этомъ ошиблись. Фридрихъ Вильгельмъ объявилъ себя удовлетвореннымъ русскимъ отвѣтомъ и далъ знать въ Вѣну, что, по его мнѣнію, Россія исполнила свои обязательства предъ Австріей и Пруссіей, и что онѣ теперь могутъ свободно отдѣлиться отъ западныхъ державъ. Въ это-же время въ Берлинѣ получены были первыя свѣдѣнія объ австро-турецкомъ договорѣ, что вызвало сильное возбужденіе. Альвенслебенъ получилъ приказаніе объявить, что этотъ шагъ Австріи признается за нарушеніе апрѣльскаго договора, а когда въ Берлинѣ узнали, что Австрія отдала уже

нужныя приказанія о вступленіи войскъ въ княжества, король по телеграфу далъ знать въ Вѣну, что теперь онъ считаетъ себя свободнымъ отъ всѣхъ обязательствъ. Вслѣдствіе этого Гессу телеграфировали 8 Іюля, чтобы онъ остановился и ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній.

Въ депешѣ, посланной Буолемъ 9 Іюля въ Петербургъ, выказывается сожалѣніе, что принятіе австрійскихъ предложеній Россія связала съ условіемъ, которое Австрія не въ состояніи гарантировать. Между тѣмъ требованіе Россіи нельзя назвать несправедливымъ, и императорскій кабинетъ употребилъ все вліяніе, чтобы устроить соглашеніе; но ежели Англія и Франція отъ него откажутся, то Австрія принуждена держаться требованій, предъявленныхъ Россіи.

Австрія рѣшилась добиться во что бы то ни стало очищенія княжествъ. Въ то время, какъ австрійское требованіе прибыло въ Петербургъ, главная русская армія была сосредоточена предъ Силистріей и напрягала усилія, чтобы овладѣть крѣпостью. Внезапно послѣдовалъ приказъ сняться лагеремъ, чтобы соединить силы у Плоешты для фланговаго прикрытія отступленія изъ Валахіи. Очищеніе лагеря подъ Силистріей дозволило Омеру-Пашѣ собрать войска у Рущука и перейти на лѣвый берегъ Дуная, а потомъ овладѣть и Джурджой. Вслѣдствіе этого главнокомандующій русскою арміею Горчаковъ долженъ былъ сдѣлать распоряженіе объ отступленіи, и перевести главную квартиру въ Букарестъ. Получивъ въ княжествахъ подкрѣпленія, Горчаковъ предпринялъ 17 Іюля усиленную рекогносцировку и намѣревался предпринять энергическое наступленіе, какъ вдругъ полковникъ Адлербергъ прибылъ 24 Іюля въ главную квартиру съ приказаніемъ отступить къ русской границѣ. 8 Августа представитель Россіи при вѣнскомъ дворѣ, князь Горчаковъ, объявилъ графу Буолю, что по стратегическимъ соображеніямъ Россія очищаетъ княжества.

Политическія соображенія были не безъ вліянія на это рѣшеніе Николая; но въ первой линіи оно было ускорено распоряженіями австрійскаго полководца; на границѣ Галиціи и Буковины были собраны значительныя военныя силы австрійцевъ; двѣ арміи, каждая состоящая изъ трехъ армейскихъ и одного артилерійскаго корпусовъ, стояли въ готовности; укрѣпленные лагери у Кракова, Пршемысля и Залещика дополняли оборонительную и наступательную позицію австрійцевъ, а галиційскія желѣзныя дороги, занятыя войсками, обезпечивали вѣрное и скорое сообщеніе.

Уже нѣсколько времени въ Парижѣ шли переговоры объ общихъ дѣйствіяхъ. Въ первыхъ числахъ Августа все было подготовлено, чтобы въ случаѣ надобности добиться очищенія княжествъ силою оружія ([8]). Подполковникъ Каликъ былъ посланъ въ лагерь союзниковъ къ Сентъ-Арно и лорду Раглану, чтобъ сговориться на счетъ ихъ содѣйствія. Гессъ намѣревался ударить на правый флангъ русскихъ войскъ, тогда какъ турки, французы и англичане стали бы дѣйствовать на ихъ лѣвомъ флангѣ. 12 Августа Каликъ прибылъ въ Варну, но союзники дали отрицательный отвѣтъ: „Мѣсяца два назадъ мы были расположены принять предложеніе, но теперь уже рѣшились дѣйствовать въ Крыму“.

Въ донесеніи Гессу Каликъ описывалъ положеніе англо-французовъ далеко не въ блистательномъ видѣ; истинная причина отказа заключалась въ несовершенствѣ организаціи французскихъ войскъ, у которыхъ недоставало перевозочныхъ средствъ. При малодушіи французовъ, потери отъ болѣзней дѣйствовали на нихъ подавляющимъ обра-

---

([8]) Депеша Гюбнера 15 Іюня 1854 г.: «Извѣстія о движеніи русскихъ очень смутны; вѣрно только, что они сосредоточиваются отъ юга къ сѣверу вдоль границы, угрожая Австріи на которую обрушится первый ударъ. Не поддержать ея войскъ было бы не рыцарски, недобросовѣстно и неполитично.»

зомъ; холера ежедневно уносила по шестидесяти человѣкъ, а всего французы потеряли безъ боя до семи тысячъ.

Вслѣдствіе отступленія русскихъ войскъ изъ Валахіи положеніе измѣнилось. Австрійцы сосредоточивали войска въ Буковинѣ, но при извѣстіи объ очищеніи княжествъ послѣдовала пріостановка въ исполненіи плана; ничто не мѣшало движенію впередъ австрійскихъ войскъ, но только 14 Августа послѣдовалъ приказъ о вступленіи ихъ въ Валахію. Гессъ все еще желалъ, чтобы западныя державы ему въ томъ содѣйствовали, но теперь въ Вѣнѣ составился уже другой взглядъ; Буоль писалъ 18 Августа главнокомандующему: „Въ политическомъ отношеніи думаю я, что отказъ англо-французовъ дѣйствовать сообща съ нами въ княжествахъ, нельзя признать невыгоднымъ, потому что наше положеніе чрезъ то обрисовывается правильнѣе и будетъ свободно отъ многихъ практическихъ затрудненій, неизбѣжныхъ, если бы наши войска дѣйствовали вмѣстѣ съ войсками султана“.

Очищеніе княжествъ отъ русскихъ войскъ послѣдовало болѣе всего по настоянію Пруссіи и Германіи. Николай опасался тѣснаго союза нѣмецкихъ государствъ съ западными державами; дѣлая уступку Пруссіи, онъ этимъ отдѣлялъ ее отъ Австріи. Фридрихъ Вильгельмъ былъ очень доволенъ и писалъ австрійскому императору, что германскіе интересы теперь удовлетворены, требованія западныхъ державъ не имѣютъ основанія и Пруссія не сдѣлаетъ имъ никакихъ уступокъ, не считая себя болѣе связаннею апрѣльскимъ договоромъ.

Безъ сомнѣнія, Австрія добилась большаго успѣха, но русское высокомѣріе возставало даже противъ вида, что очищеніе княжествъ произошло по требованію Австріи. На вопросъ, обращенный къ Горчакову, что слѣдуетъ понимать подъ выраженіемъ „стратегическія соображенія“, онъ отвѣчалъ, что это есть общія военныя мѣры. „Но въ такомъ

случаѣ", замѣтилъ Буоль, „онѣ могутъ быть одинаково направлены и противъ Австріи?" „Несомнѣнно!", отвѣчалъ Горчаковъ.

Весьма вѣроятно, что надменное поведеніе русскихъ побудило австрійскій кабинетъ не прерывать переговоровъ, бывшихъ въ ходу съ западными державами.

По полученіи русскаго отвѣта на австрійскія требованія, графъ Буоль намѣревался созвать конференцію, но попытка эта не удалась вслѣдствіе сопротивленія Пруссіи, посланникъ которой отказался прибыть на засѣданіе. Оставляя въ сторонѣ Пруссію, Буоль послалъ представителямъ Австріи въ Лондонѣ и Парижѣ ноту, въ которой предлагалъ возбудить вопросъ въ смыслѣ составленнаго имъ предложенія; но съ точки зрѣнія Англіи и Франціи дѣло представлялось совершенно въ другомъ видѣ: французское правительство нашло русское предложеніе не имѣющимъ значенія и требовало, чтобы протекторатъ Россіи на Сербію и княжества прекратился, а ихъ привиллегіи были поставлены подъ охрану всѣхъ державъ; чтобы судоходство въ устьяхъ Дуная было свободно отъ всякихъ стѣсненій, и всѣ принципы, принятые вѣнскимъ конгрессомъ, измѣнены; требовался пересмотръ трактатовъ съ 1841 года, въ духѣ ограниченія русскаго могущества на Черномъ морѣ, и отказъ Россіи отъ оффиціальнаго покровительства надъ подданными султана, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали; наконецъ предлагалось общее соглашеніе пяти великихъ державъ на счетъ религіозныхъ привиллегій различныхъ христіанскихъ общинъ, безъ нарушенія достоинства и независимости верховныхъ правъ султана.

Французская депеша въ первый разъ формулировала четыре пункта, которые отнынѣ стали исходною точкою всѣхъ переговоровъ. Австрійскій кабинетъ усвоилъ этотъ взглядъ, и нотою отъ 8 Августа обязался не вступать съ Россіей ни въ какія сдѣлки, которыя не заключали бы въ

себѣ полнаго признанія ею этихъ условій. Въ депешѣ отъ 10 Августа австрійскому послу при русскомъ дворѣ было поручено настаивать на безусловномъ ихъ принятіи. Если русскій кабинетъ примкнетъ къ этимъ четыремъ пунктамъ, то онъ можетъ разсчитывать, что Австрія сдѣлаетъ морскимъ державамъ настойчивыя представленія къ немедленному открытію переговоровъ, съ пріостановленіемъ непріязненныхъ дѣйствій.

Хотя Пруссія также высказалась за эти условія, но въ Петербургѣ рѣшили не принимать ихъ, частію изъ враждебности къ Австріи, частію же и потому, что французскій Монитеръ объяснялъ пересмотръ договора 1841 года въ смыслѣ ограниченія морскихъ силъ Россіи въ Черномъ морѣ. Условія эти предложены были въ томъ разсчетѣ, что продолжительная война ослабила Россію; Россія же полагала, что она истощила мѣру уступокъ, и ничто ее не принуждаетъ уступать въ вопросахъ, зависящихъ отъ случайностей войны [9]).

Отказъ въ принятіи условій западныхъ державъ, рекомендованныхъ Австріей и Пруссіей, былъ, вѣроятно, слѣдствіемъ положенія, принятаго берлинскимъ кабинетомъ. Нежеланіе его участвовать въ конференціи показывало, что Пруссія воздержится отъ дальнѣйшихъ шаговъ. Русскій кабинетъ надѣялся вызвать полный разрывъ между Австріей и Пруссіей, и старался заручиться письменнымъ объявленіемъ, что Пруссія не будетъ болѣе считать себя связанною апрѣльскимъ договоромъ въ смыслѣ федеральнаго вопроса, ежели Австрія сдѣлаетъ нападеніе на Россію. Какъ ни былъ, однако, Фридрихъ Вильгельмъ преданъ Николаю, но русская дипломатія встрѣтила препятствіе въ неизмѣнномъ отказѣ его идти по пути къ разрыву между двумя нѣмецкими державами.

---

[9]) Депеша Нессельроде Горчакову 14—26 Августа 1854.

Между тѣмъ обнаружилось различіе взглядовъ Австріи и Пруссіи: первая считала, что можетъ требовать отъ Пруссіи поддержки на Дунаѣ, ежели въ Молдавіи и Валахіи она придетъ въ столкновеніе съ русскими войсками, доказывая, что этимъ охраняются нѣмецкіе интересы, тогда какъ Пруссія оспаривала это мнѣніе. Австрія придавала большое значеніе тому, чтобы германскій союзъ примкнулъ къ четыремъ пунктамъ; но Пруссія не соглашалась на внесеніе въ сеймъ этого предложенія, хотя предписала своему представителю на сеймѣ идти съобща съ Прокешемъ. Не безъ труда состоялось между Прокешемъ и Бисмаркомъ соглашеніе въ видѣ дополнительнаго договора, изъ котораго истекалъ смыслъ, что Пруссія обязана представить сейму условія западныхъ державъ.

Между Австріей и Пруссіей съ одной стороны, и нѣмецкими государствами съ другой послѣдовала самая оживленная переписка. Пруссія высказывала сожалѣніе, что Россія не приняла четырехъ пунктовъ за основаніе мирныхъ переговоровъ; но послѣ того, какъ войска ея очистили княжества, и она объявила, что останется на границѣ въ чисто оборонительномъ положеніи, опасенія нападенія на Австрію были устранены, и дополнительный пунктъ союза, основанный на этомъ предположеніи, упразднялся. Къ тому же Пруссія не можетъ рекомендовать союзникамъ присоединиться къ четыремъ пунктамъ, потому что это наложило бы на нихъ тягости и обязательства, которыя не истекаютъ изъ духа и цѣли союза.

Австрійскій взглядъ высказывался совершенно иначе: вѣнскій кабинетъ въ циркулярной депешѣ отъ 13 Сентября 1854 года аргументировалъ, что Россія до сихъ поръ не отказалась отъ своихъ притязаній и не дала никакихъ ручательствъ въ соблюденіи европейскихъ и нѣмецкихъ интересовъ; она можетъ снова занять княжества и захватить тотъ залогъ, отъ котораго отказалась по необходимости.

Поэтому Австрія должна быть поддержана союзомъ, чтобы быть въ состояніи оградить себя и германскіе интересы отъ всякихъ случайностей.

Въ половинѣ Сентября, когда союзный совѣтъ снова собрался, политическое положеніе измѣнилось. Россія уже отклонила четыре пункта и намѣреніе произвести давленіе на нее. ежели бы предложеніе было принято союзнымъ совѣтомъ, не состоялось. Въ Петербургъ были слишкомъ увѣрены въ настроеніи нѣмецкихъ государствъ, чтобы колебаться; а во время перерыва засѣданій совѣта она была необыкновенно дѣятельна, чтобы укрѣпить въ свою пользу общее мнѣніе, и безъ того мало расположенное къ Австріи. Когда члены совѣта собрались, Австрія могла убѣдиться, что ей трудно разсчитывать не только на единогласіе, но даже на большинство. Разсчеты на соглашеніе съ Пруссіей, которое одно могло благопріятно повліять на союзный совѣтъ, не осуществились; съ другой стороны западныя державы настаивали на дѣятельномъ участіи Австріи. Послѣ отказа Россіи въ принятіи условій мира, ожидали даже, что Австрія отзоветъ графа Эстергази изъ Петербурга; но безъ увѣренности въ содѣйствіи германскаго союза Австрія не рѣшалась на разрывъ съ Россіей. Военные авторитеты не считали средствъ Австріи достаточными, чтобы съ полною увѣренностію предпринять войну. Цѣлый рядъ появившихся памятныхъ записокъ высказывалъ, что Австрія не въ состояніи вести наступательной войны; иные указывали даже на возможность союза Пруссіи съ Россіей.

Среднія нѣмецкія государства были Австріей завербованы: Баварія, Саксонія и Ганноверъ склонились на ея сторону, и на Россію со всѣхъ сторонъ было произведено давленіе для принятія ею четырехъ пунктовъ за основаніе переговоровъ. Саксонскій министръ Бейстъ представилъ русскому посланнику въ Дрезденѣ необходимость принять ихъ; ежели въ Петербургѣ откажутъ въ согласіи, то бу-

детъ имѣться въ виду война съ Австріей, и даже ежели бы временно Пруссія осталась въ сторонѣ, то все же она не допуститъ перехода русскихъ войскъ чрезъ австрійскую границу. При согласіи же вступить въ переговоры, хотя война съ западными державами и будетъ продолжаться, но при успѣхѣ русскаго оружія, четыремъ пунктамъ можно будетъ придать благопріятное толкованіе.

Въ Берлинѣ имѣли основаніе думать, что Россія не откажется принять четыре пункта за основаніе мира, такъ какъ Нессельроде въ депешѣ отъ 8 Ноября, не отклоняя вполнѣ предложенія, требовалъ лишъ нѣкоторыхъ измѣненій. Поэтому Пруссія рѣшилась уступить Австріи, и 26 Ноября къ апрѣльскому договору былъ добавленъ пунктъ, по которому Пруссія не только признавала за собою обязанность поддержать Австрію, ежели ея земли подвергнутся нападенію, но даже и въ томъ случаѣ, если бы русскіе вступили въ княжества.

Занимая Валахію, Австрія надѣялась предотвратить всякое столкновеніе турокъ съ русскими, и желала, чтобы всѣ военные отряды Омера-паша, вступившіе туда до австрійцевъ, очистили бы страну; но Омеръ паша предупредилъ въ Букарестѣ вступленіе австрійцевъ и не соглашался выводить оттуда войскъ. Въ Вѣнѣ желали придать своему вступленію не стратегическій характеръ, но видъ мирнаго занятія страны, и даже въ оффиціальныхъ вѣдомостяхъ высказывалось, что отнынѣ всякій поводъ къ участію въ войнѣ противъ Россіи устраненъ. Послѣдовали рѣзкія объясненія съ турецкимъ главнокомандующимъ, приведшія къ соглашенію, по которому были указаны мѣстности, оставленныя за турками; но маршалъ Сентъ-Арно и лордъ Раглапъ настойчиво рекомендовали Омеру-пашѣ наступательное движеніе къ Пруту, чтобы помѣшать находящимся тамъ русскимъ войскамъ двинуться въ Крымъ. Омеръ-паша сообщилъ графу Коронини, что онъ хочетъ дѣйствовать противъ

Серета и Прута, для поддержанія диверсіи, предпринятой англичанами и французами на Таврическомъ полуостровѣ, и съ этой цѣлью заявилъ притязанія на занятіе Галаца и Браилова. Французскій посолъ Бенедетти имѣлъ по этому поводу объясненіе съ интернунціемъ, барономъ Брукомъ, и лордъ Стратфордъ также оспаривалъ у Австріи исключительное право занятія Дунайскихъ княжествъ. Поэтому Гессъ получилъ изъ Вѣны инструкцію не препятствовать турецкому полководцу занять Браиловъ и Галацъ, сохранивъ, однако, за Австріей право содержать въ обѣихъ крѣпостяхъ гарнизоны. Такимъ образомъ Австрія приняла на себя двойную обязанность: охранять княжества отъ всякаго на нихъ нападенія русскихъ, и въ тоже время не препятствовать операціямъ, которыя воюющія державы ведутъ противъ Россіи.

Это положеніе не было въ противорѣчіи съ тѣмъ, что Австрія обѣщала Россіи а также другимъ державамъ: гда отъ русскихъ потребовали отступленія изъ Мол. Валахіи, Австрія опредѣлительно выяснила, что съ ... дѣломъ не можетъ быть связано никакое обязательство, гарантія котораго лежала бы внѣ круга власти Австріи. Затѣмъ Россія выразила готовность очистить княжества, объявивъ, что дѣлаетъ это по стратегическимъ соображеніямъ. Слѣдовательно, она не передала княжествъ Австріи, но предоставила ихъ на произволъ судьбы, и Австрія не была обязана сообразоваться ни съ чѣмъ инымъ, какъ со своими интересами; но при этомъ она была связана опредѣлительными договорами съ морскими державами и съ Турціей.

На молдаво-валахской землѣ австрійская армія являлась союзницей султана, и ея положеніе отличалось лишь тѣмъ, что она предоставляла туркамъ возможность нападать на русскія владѣнія, а сама какъ бы охраняла Прутъ отъ перехода русскихъ войскъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что от-

ношенія Австріи къ Россіи, со времени отказа послѣдней отъ принятія четырехъ пунктовъ, сдѣлались затруднительны и опасны. До тѣхъ поръ, пока Россія уклонялась отъ переговоровъ, дѣлая демонстраціи противъ Австріи, какъ напримѣръ походъ гвардіи въ Польшу, до тѣхъ поръ и Австрія должна была быть на сторожѣ, не охлаждать своихъ отношеній къ западнымъ державамъ и имѣть чрезъ то виды на поддержку ихъ, которая могла по положенію дѣлъ оказаться нужною. Что всѣ отношенія были ненормальны, заключая въ себѣ много непріятнаго, этого отрицать нельзя; но это крылось именно въ запутанности положенія, по которому Австрія была политическимъ противникомъ Россіи, не будучи съ нею въ войнѣ и, не желая называться союзницею западныхъ державъ, она стояла съ ними на одинаковой почвѣ принциповъ.

Между тѣмъ съ половины Октября между Франціей, Англіей и Австріей велись переговоры о полномъ союзѣ; вѣнскій кабинетъ требовалъ объясненій, какія условія будутъ поставлены сверхъ четырехъ пунктовъ; хотя западныя державы и объяснили, что ограничатся ими, но Буоль оспаривалъ необходимость договора, считая его излишнимъ съ тѣхъ поръ, какъ Россія дала на нихъ свое согласіе. Чтобы одолѣть сопротивленіе Франца Іосифа, Буркене и Вестмореландъ стали угрожать тѣмъ, что потребуютъ свои паспорты, но императоръ отказывался отъ новыхъ обязательствъ; и только послѣ заявленія Буоля, что онъ долженъ будетъ просить объ отставкѣ, далъ свое согласіе на подписаніе договора.

Въ условіи, подписанномъ 2 Декабря между тремя державами, было высказано обязательство не вступать въ соглашеніе съ Россіей, не договорившись сперва сообща. Австрія обязывалась защищать Дунайскія княжества отъ вступленія въ нихъ русскихъ войскъ; занятіе ихъ австрійцами не должно было препятствовать свободному движенію со-

южныхъ войскъ въ этихъ земляхъ. Въ случаѣ, ежели бы между Австріей и Россіей возникли военныя дѣйствія, договаривающіяся стороны заключатъ оборонительный и наступательный союзъ. Ежели въ теченіи года миръ не будетъ возстановленъ, то слѣдуетъ договориться о средствахъ къ достиженію его. Договоръ будетъ сообщенъ Пруссіи и ея вступленіе въ него принято, ежели она выскажетъ согласіе къ достиженію общей цѣли.

Договоръ 2 Декабря довершилъ разрывъ съ традиціонною политикою Австріи, которая прежде видѣла спасеніе и политическую мудрость въ искреннемъ союзѣ съ Россіей. Въ осьмнадцатомъ столѣтіи, интересы обѣихъ имперій въ вопросахъ внѣшней политики были, такъ сказать, мнимые; со времени же сверженія Наполеона I, одинаковость взглядовъ на внутреннюю политику связывала кабинеты между собою: какъ на Дунаѣ, такъ и на берегахъ Невы существовало противудѣйствіе стремленію къ свободѣ. Николай былъ человѣкомъ совершенно въ духѣ австрійскихъ государственныхъ людей, и вѣра въ его правительственныя способности укрѣпилась еще болѣе, когда въ теченіи бурнаго революціоннаго года Россія осталась непоколебимою, что, естественно, было приписано превосходству ея политической системы. Россія явилась защитницею порядка противъ разрушительныхъ силъ Европы, и Австрія въ особенности имѣла основаніе чувствовать благодарность къ царю, послѣ того какъ онъ, повидимому съ безкорыстною цѣлью, оказалъ ей помощь въ подавленіи венгерской революціи.

Ежели съ возникновенія восточныхъ усложненій нѣкоторыя лица находили обстоятельства благопріятными, чтобы сломить перевѣсъ Россіи на востокѣ, возвративъ Австріи ея вліятельное положеніе, то не было также недостатка въ голосахъ, которые не скрывали симпатій къ Россіи и въ рѣшительныя минуты дѣлали затрудненія къ союзу съ за-

падными державами. Особенно между военными Россія пользовалась большимъ сочувствіемъ; таковы были Радецкій, по званію главнокомандующаго въ Италіи не имѣвшій непосредственнаго вліянія на восточныя дѣла, и Гессъ, пользовавшійся величайшимъ авторитетомъ въ Вѣнѣ; въ разговорахъ и письмахъ они стояли противъ союза съ западными державами.

Нѣсколько недѣль до подписанія декабрьскаго договора Гессъ изложилъ въ послѣдовательной запискѣ взгляды свои противъ дѣятельнаго участія Австріи въ войнѣ. Указывая, что въ различныхъ пунктахъ и крѣпостяхъ Россія располагаетъ 820 т. солдатъ и 2300 орудіями, онъ замѣчаетъ, что Австрія можетъ противуставить имъ лишь 350 т. и 1100 орудій. Поэтому для достиженія военныхъ успѣховъ слѣдуетъ, согласно апрѣльскому договору, разсчитывать на содѣйствіе 200 т. прусскаго войска и до 100 т. человѣкъ германскаго союза, что составитъ всего 650 т.; и лишь присоединяя къ нимъ 100 т. англо-французовъ и 100 т. турокъ является нѣкоторый перевѣсъ силъ. Но ежели нельзя разсчитывать съ увѣренностью на помощь Пруссіи, то равновѣсія не окажется, и тогда придется играть рискованную игру, предоставивъ 300 т. французовъ пройдти чрезъ австрійскія земли.

Что касается военно-политической стороны дѣла, то нынѣшнее могущество Россіи покоится на установившемся уже полвѣка ея военномъ положеніи на западѣ и завоеваніи ею привислянской и придунайской равнинъ. Разсчитывать на возможность вести наступательную войну, не отнявъ у Россіи этого положенія, было бы промахомъ. Къ тому же, рѣшившись на войну, Австрія должна уяснить себѣ, желаетъ-ли она измѣненія территоріальныхъ владѣній всѣхъ державъ, и будетъ ли это ей полезно? Съ военной точки отъ наступательной войны нельзя ожидать ничего добраго; обладаніе Бессарабіей было бы скорѣе грузомъ, чѣмъ по-

лезнымъ пріобрѣтеніемъ; если же имѣть въ виду завоеваніе вислянскаго района, то это принесетъ Австріи только ущербъ въ военномъ отношеніи, и объ руку съ нимъ послѣдуетъ политическій упадокъ. Связь съ Франціей, замѣнивъ союзъ съ консервативною Россіей, можетъ имѣть въ послѣдствіи большія невыгоды, потому что моральное первенство средней Европы, которое въ будущемъ должно принадлежать Австріи, прійдется навсегда раздѣлить съ Франціей. Съ возникновеніемъ польскаго королевства, Австрія, кромѣ западной Франціи, будетъ имѣть въ сосѣдствѣ еще другую Францію на востокѣ, какъ это было во время Людовика XV. Австрія пойдетъ на буксирѣ Франціи, и первенствующее ея вліяніе въ Германіи, которое уже и теперь оспариваетъ Пруссія, будетъ утрачено навсегда. Если же русскую Польшу подѣлить между Австріей и Пруссіей, то Франція съ своей стороны, требуя вознагражденія, двинется къ востоку, захвативъ лѣвый берегъ Рейна. Гессъ въ заключеніе склонялся къ бывшей консервативной политикѣ Австріи, которая на благо человѣчества вызвала новую эру и сдѣлалась щитомъ противъ радикализма. По его мнѣнію, даже простая демонстрація противъ Россіи ведетъ на скользкій путь; поэтому если бы Россія не приняла четырехъ пунктовъ, то слѣдуетъ заключить съ западными державами только оборонительный союзъ.

Радецкій также возвысилъ свой предостерегательный голосъ: онъ одобрялъ поведеніе Пруссіи, хваля ее, что уклонясь отъ призыва войскъ, она сберегла финансовыя силы страны, тогда какъ Австрія, высказавшись слишкомъ поспѣшно противъ Россіи, возстановила ее противъ себя. „Австрія“, говорилъ фельдмаршалъ, „упустила благопріятную минуту, чтобы ратовать за себя; теперь она должна слить свои интересы съ германскими, и обезпечить какъ за австрійской, такъ и за нѣмецкой торговлей важную артерію Дуная, овладѣвъ крѣпостями по теченію отъ Браилова до

Силистріи. Для этого есть способъ: союзъ Австріи съ Россіей противъ Порты, вслѣдствіе чего можно тотчасъ двинуться за Дунай, въ то время, какъ русскіе прорвутся въ Бессарабіи, направляя общія усилія противъ Софіи. Если же Австрія пойдетъ рука объ руку съ западными державами, тогда ей невозможно будетъ удержаться на Дунаѣ, потому что русскіе, стоя на Прутѣ, лѣвымъ крыломъ будутъ упираться въ Аккерманъ, а правымъ примыкать къ Каменецъ-Подольску, грозя такимъ образомъ обойти австрійскія позиціи. Каждый наступательный шагъ Австріи сдѣлается сомнительнымъ, а оборонительное положеніе потребуетъ постановки большихъ силъ между Краковомъ и Ольмюцемъ. Слѣдуетъ также принять въ соображеніе, что для русскихъ останется открытою дорога изъ Кракова на Вѣну; слѣдовательно, Австрія поставитъ свою будущность на одну карту“.

На австрійскаго монарха, воспитаннаго въ традиціяхъ союза съ Россіей, эти мнѣнія не могли не произвести впечатлѣнія, и трудно было бы сторонникамъ союза съ западными державами одержать верхъ, если бы съ другой стороны не получилось убѣжденіе, что благодаря принятой политикѣ, съ Россіей произошло отчужденіе, а упорствуя въ нейтралитетѣ, можно было утратить симпатіи западныхъ державъ. Въ вѣнскихъ кружкахъ разсказывали, что царь предъ своимъ отъѣздомъ изъ Петербурга высказалъ намѣреніе вернуться не прежде, чѣмъ возстановитъ честь Россіи вполнѣ и блистательно.

„Въ трехъ промахахъ упрекаю я себя“, прибавлялъ онъ: „что двадцать лѣтъ шелъ за одно съ австрійскою политикой; что корону, валявшуюся на землѣ, поднялъ и поставилъ на мѣсто“ (намекъ на помощь, оказанную въ 1849 году) и, наконецъ, что такого преступника, какъ Наполеонъ, освободилъ изъ тюрьмы“.

Въ Лондонѣ и Парижѣ съ полною увѣренностью ожидали непосредственнаго наступленія австрійскихъ силъ, и въ депешахъ, отправляемыхъ въ Вѣну, излагались политическія и военныя требованія западныхъ державъ. Противникъ союза съ ними, Гессъ, до послѣдней минуты возражалъ противъ заключенія договора и подвергъ требованія западныхъ державъ безусловной критикѣ. Въ совѣщаніи онъ высказался противъ наступательной войны, но во всякомъ случаѣ полагалъ содѣйствіе Пруссіи необходимымъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ, по его словамъ, въ одномъ изъ домовъ не останется военнаго матерьяла, и послѣдствія этого будутъ вредны для самостоятельности Австріи.

При огромномъ значеніи, которое придавали содѣйствію Пруссіи въ случаѣ возможной войны съ Россіей, откровенное соглашеніе съ берлинскимъ кабинетомъ было-бы необходимо; но австрійская дипломатія надѣялась на свою ловкость, разсчитывая потребовать поддержку сосѣдней державы, не открывая заранѣе конечной цѣли своей политики.

Дополнительный пунктъ договора между Австріей и Пруссіей, подписанный 26 Ноября, былъ внесенъ въ союзный совѣтъ и имъ одобренъ и принятъ. Вмѣстѣ съ апрѣльскимъ договоромъ онъ могъ въ рукахъ Австріи служить полезнымъ орудіемъ, чтобы принудить Пруссію и Германію поддержать ее въ войнѣ противъ Россіи.

Тогда Гессу предложено было высказать мнѣніе: какія мѣры слѣдуетъ принять, чтобы заставить Пруссію приступить къ военнымъ приготовленіямъ; а также нельзя ли въ военной конвенціи германскаго союза ввести измѣненія такого рода, чтобы каждый изъ членовъ его могъ независимо другихъ оказывать Австріи помощь своими войсками. Рѣшеніе послѣдняго вопроса было важно потому, что баварскій министръ фонъ деръ Пфордтенъ въ бытность свою

въ Вѣнѣ заявилъ, что Баварія никогда не согласится поставить свои войска подъ начальство кого либо другого, кромѣ баварскаго или австрійскаго командира, и король предпочтетъ скорѣе выставить весь свой контингентъ, чѣмъ включить войска въ смѣшанный корпусъ. Отъ Вюртемберга также послѣдовало возраженіе противъ всякаго подчиненія войскъ.

Гессъ, какъ мы видѣли, придавалъ большое значеніе содѣйствію Пруссіи. „Пруссія“, отвѣчалъ онъ, „обязана въ теченіи 36 дней мобилизировать свои войска, и для этого достаточно соглашенія договорившихся сторонъ о наступленіи нужды въ этомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта нужда теперь дѣйствительно предстоитъ; Россія находится въ военной готовности на австрійской границѣ, и въ кратчайшее время можетъ свои, уже готовыя войска, сосредоточить для нанесенія сильнаго удара имперіи. Вслѣдствіе декабрьскаго договора положеніе политическихъ отношеній измѣнилось и ежедневно дѣлается настоятельнѣе, чтобы Пруссія исполнила свои обязательства. Прибытіе 100 т. прусскихъ войскъ значительно усилитъ австрійцевъ, расположенныхъ на восточной границѣ, и тогда съ вѣрною надеждой на успѣхъ можно будетъ выступить въ походъ“.

Непосредственно по полученіи этого отзыва Буоль обратился въ Берлинъ, чтобы получить опредѣлительный отвѣтъ, можетъ ли Австрія разсчитывать на исполненіе Пруссіей обязательствъ, истекающихъ изъ договора.

Въ Берлинѣ декабрьскій договоръ Австріи съ западными державами произвелъ сильное смущеніе. Мантейфель жаловался въ Вѣнѣ, что Австрія безъ предварительнаго соглашенія съ Пруссіей рѣшилась на подобный шагъ. Партія дружественная Россіи укрѣпила короля въ его недовѣріи, и употребила все вліяніе, чтобы удержать Пруссію отъ исполненія требованій, присланныхъ изъ Вѣны и отъ западныхъ державъ. Мантейфель отвѣчалъ, что Пруссія не мо-

жетъ исполнять обязательствъ, когда размѣръ ихъ неопредѣленъ, и надо сперва ознакомиться съ толкованіемъ, которое придается четыремъ пунктамъ; что большинство статей договора носитъ отпечатокъ спеціальнаго соглашенія Австріи съ западными державами, и если бы Пруссія приняла общую тенденцію договора и даже нѣкоторыя его толкованія, то все же она не приступила бы къ нему, а въ крайнемъ случаѣ заключила бы отдѣльно подобный же договоръ.

Вслѣдствіе такого уклончиваго отвѣта оставалось требовать исполненія только остальной незначительной части союзныхъ обязательствъ. Какое толкованіе придаетъ Австрія четыремъ пунктамъ, этого Берлину не объяснили уже потому, что и сами не вполнѣ ясно это сознавали; но къ Эстергази въ Берлинъ послана была депеша, почти дословно повторявшая записку Гесса, и отъ Пруссіи требовалось содѣйствіе къ скорѣйшему исполненію апрѣльскаго договора.

Декабрьскій договоръ вынуждалъ Россію къ полнѣйшей уступчивости. Въ Петербургѣ надѣялись, что, выказавъ предупредительность въ депешѣ отъ 6 Ноября, сдѣлали все возможное и прусскимъ желаніямъ дано полное удовлетвореніе. Пруссія сообщила русскія предложенія къ Вѣну, гдѣ они, однако, признаны были недостаточными, и Буоль требовалъ безусловнаго принятія четырехъ пунктовъ. Горчаковъ написалъ въ этомъ смыслѣ въ Петербургъ, и 28 Ноября былъ въ состояніи дать нотою объявленія, что императоръ принимаетъ четыре пункта, которые будутъ служить исходную точкою переговоровъ. Доселѣ въ Петербургѣ полагали, что Австрія не вполнѣ перешла въ противный лагерь, и Горчаковъ задался мыслью скрѣпить ослабшія нити, связывавшія петербургскій и вѣнскій кабинеты Нѣкоторыя объясненія высокопоставленныхъ личностей, не скрывавшихъ свое дружеское расположеніе къ Россіи, ут-

вердили въ немъ мнѣніе, что ему удастся ослабить союзъ Австріи съ западными державами. Тѣмъ сильнѣе подѣйствовало на него подавляющее извѣстіе о подписаніи декабрьскаго трактата. Буоль старался нѣсколько ослабить его значеніе замѣчаніемъ, что намѣреніе императора Франца Іосифа заключалось въ томъ, чтобы принудить западныя державы не идти далѣе четырехъ пунктовъ. При этомъ онъ высказалъ сожалѣніе, что подписаніе договора послѣдовало одновременно съ объявленіемъ Россіи о согласіи на нихъ; но Австрія не могла болѣе медлить потому, что тогда послѣдовалъ бы разрывъ съ западными державами.

Прошло нѣсколько недѣль прежде, чѣмъ Горчаковъ получилъ свѣдѣніе о толкованіи, которое союзники давали поставленнымъ пунктамъ. Въ случайномъ разговорѣ, происшедшемъ у Вестмореланда 28 Декабря, узналъ онъ объ условіяхъ, предъявляемыхъ Россіи; теперь они шли уже далѣе прежнихъ четырехъ пунктовъ. Въ первый разъ сдѣланъ былъ намекъ о требованіи земельной уступки отъ Россіи, и введено объясненіе, что пересмотръ трактата 1841 года имѣетъ цѣлью ослабить перевѣсъ русскаго могущества. Горчаковъ потребовалъ необходимаго времени для полученія инструкцій, и ему дано было четырнадцать дней.

Еще до истеченія срока прибылъ отвѣтъ изъ Петербурга. Седьмого Января 1855 года Горчаковъ далъ объясненіе на счетъ четырехъ пунктовъ, и когда имъ не удовлетворились, то принялъ толкованіе, рекомендованное 28 Декабря Франціей и Англіей, съ оговоркой, что свое предложеніе онъ сдѣлаетъ при подробномъ обсужденіи вопроса.

Не смотря на имѣвшееся въ виду открытіе переговоровъ съ Россіей, полной увѣренности въ миръ не существовало; и такъ какъ Пруссія отклонила общій шагъ съ Австріей относительно германскаго союза, то Австрія взяла на себя иниціативу убѣдить германскихъ владѣтелей циркулярною нотою отъ 14 Января быть на всякій случай готовыми къ

вооруженію, а послу своему, предсѣдательствующему въ союзѣ, послала инструкцію сдѣлать при собраніи сейма предложеніе мобилизировать хотя половину контингента, ежели не будетъ признано за лучшее всѣ войска союза привести въ готовность. Въ секретной депешѣ того же числа посольствамъ предложено было прямо поставить вопросъ, удостоиваютъ ли нѣмецкія правительства своимъ довѣріемъ Австрію, и присоединятся ли къ ея судьбѣ, если усилія къ достиженію мира окажутся неуспѣшными. Въ этомъ случаѣ Австрія давала торжественное обѣщаніе при всѣхъ событіяхъ гарантировать ихъ настоящія территоріальныя владѣнія; а ежели вслѣдствіе войны будутъ пріобрѣтены выгоды, то соразмѣрно участвующихъ силъ они будутъ раздѣлены между всѣми.

Но какъ усердно ни работали австрійскіе дипломаты, имъ не удалось въ союзномъ совѣтѣ соединить большинства въ пользу предложенія. Каждый членъ союза внесъ лепту для его неудачи; а тогдашній представитель Пруссіи при сеймѣ, Бисмаркъ, выказался ярымъ противникомъ своего австрійскаго коллеги. Несогласіе рѣзко выказалось въ самыхъ основаніяхъ союзныхъ постановленій; было ясно высказано, что необычайныя мѣропріятія находятъ свое оправданіе только въ защитѣ независимости Германіи, но нисколько не относятся къ нынѣшнимъ усложненіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слухъ о сосредоточеніи французскихъ войскъ и походѣ ихъ чрезъ Германію вызвалъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ дворахъ опасенія и тревогу, внушивъ сознаніе, что только въ тѣсномъ союзѣ съ Пруссіей можно найти охрану отъ насилія.

Вслѣдствіе отказа Пруссіи и суровой оппозиціи сейма, въ австрійскомъ настроеніи совершился переворотъ. Личное вліяніе князя Горчакова на императора Франца также подѣйствовало и помогло прорваться наружу мирнымъ стремленіямъ. Къ тому же пришло извѣстіе о вступленіи Сар-

диніи въ союзъ съ западными державами, и оно подѣйствовало рѣшительно. Наконецъ въ Россіи совершилась перемѣна царствованія и явилась надежда легче сгладить несогласія.

Конференціи начались 15 Марта; графъ Буоль, избранный предсѣдательствующимъ, открылъ переговоры перечисленіемъ четырехъ пунктовъ, какъ основанія мира. Принявъ ихъ къ свѣдѣнію, представитель Россіи объявилъ, что готовъ къ нимъ присоединиться, принимая ихъ за исходную точку переговоровъ. Но различіе воззрѣній выказалось уже съ перваго засѣданія, такъ какъ Буркене далъ понять, что переговоры ограничатся лишь приложеніемъ основаній, и при этомъ напомнилъ, что его правительство оставило за собою право кромѣ четырехъ пунктовъ пріискать особыя условія, которыя покажутся ему нужными для общихъ интересовъ Европы; къ этому заявленію присоединились оба представителя Англіи.

Горчаковъ рѣзко возразилъ, что собравшіеся имѣютъ общую исходную точку, и вѣроятно общую цѣль добиться мира, который будетъ имѣть практическое значеніе лишь тогда, если будетъ почетенъ для обоихъ сторонъ. Если же Россіи пожелаютъ предписать условія, несогласныя съ ея честью, то она никогда на нихъ не согласится, какъ бы ни были крайни послѣдствія. Горчаковъ высказалъ при этомъ, что онъ не видитъ въ засѣданіи представителя Пруссіи.

Тутъ же выказался нѣкоторый оттѣнокъ разницы положенія Австріи отъ западныхъ державъ. На замѣчаніе Горчакова, что сообразно объясненію австрійскаго двора онъ считаетъ себя обязаннымъ придерживаться лишь четырехъ пунктовъ, Буоль возразилъ, что въ настоящемъ фазисѣ дѣла Австрія не думаетъ выходить изъ этихъ границъ, но онъ долженъ сохранить за своимъ дворомъ полную свободу въ оцѣнкѣ условій, которыя по обстоятельствамъ и

въ интересахъ Европы могутъ быть поставлены воюющими, сверхъ четырехъ пунктовъ.

Принятіе безъ возраженій первыхъ двухъ пунктовъ было ловкимъ дипломатическимъ маневромъ со стороны Россіи, такъ какъ этимъ удовлетворялись желанія Пруссіи и мелкихъ нѣмецкихъ дворовъ. Именно эти два пункта и были поставлены въ предложеніяхъ, посланныхъ Австріей сейму, какъ существенныя требованія.

Большія затрудненія заключались въ третьемъ пунктѣ, къ обсужденію котораго приступили въ шестомъ засѣданіи. Въ началѣ конференціи между державами не было согласія о подробностяхъ. Графъ Буоль замѣтилъ, что ничто бы такъ не содѣйствовало достиженію соглашенія, какъ если бы уполномоченные Россіи и Турціи были подготовлены представить свои мнѣнія, какимъ способомъ можетъ быть сдержано неограниченное расширеніе морскихъ силъ обѣихъ черноморскихъ державъ, которое составляетъ предметъ безпокойства Европы. Горчаковъ объявилъ, что готовъ приступить къ переговорамъ, хотя не принимаетъ на себя иниціативы; но сдѣлавъ по этому предмету донесеніе своему двору, онъ по полученіи отвѣта сообщитъ его конференціи.

До присылки инструкцій изъ Петербурга нельзя было приступить къ упраздненію этого вопроса и Буоль въ седьмомъ засѣданіи предложилъ собрать необходимыя матерьялы для четвертаго пункта, называя этотъ трудъ подготовительнымъ, безъ предрѣшенія сущности вопроса. Западныя державы чуяли возможность поворота Австріи, и отказали въ своемъ согласіи, при чемъ повліяло и то обстоятельство, что предстояло прибытіе въ Вѣну французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ де-Луиса, который долженъ былъ принять участіе въ конференціи.

Между Франціей и Англіей въ послѣдніе дни Марта состоялся въ Лондонѣ дружескій обмѣнъ мыслей; француз-

скій министръ располагалъ отправиться въ Вѣну, и счелъ полезнымъ сначала опредѣлить сообща съ британскимъ кабинетомъ предстоящій образъ дѣйствій. Въ Парижѣ считали нейтрализацію Чернаго моря самымъ правильнымъ рѣшеніемъ, и старанія Друэна де-Луиса были сперва направлены на то, чтобы склонить англійскихъ министровъ на это мнѣніе. Щекотливость Россіи была бы этимъ требованіемъ менѣе задѣта, нежели требованіемъ ограничить ея морскія силы. Проливы оставались бы закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй, чему Россія придавала чрезвычайное значеніе.

Еще до прибытія французскаго министра въ Вѣну, австрійскій кабинетъ сообщилъ въ Лондонъ, что самымъ вѣрнымъ средствомъ къ достиженію цѣли преслѣдуемой союзниками было бы ограниченіе русскаго флота въ Черномъ морѣ, при чемъ можно было бы обязать Россію низвести свой флотъ до опредѣленнаго числа судовъ, или не превышать настоящаго количества. Сомнительною только казалась замѣтка, что нужно было бы договориться на счетъ того, необходимо ли продолженіе войны, ежели Россія выскажетъ рѣшительный отказъ по этому пункту, вполнѣ согласившись на остальные три. Говорилось, что Австрія не имѣла бы ни какой основательной причины объявлять войну, если бы единственной помѣхой миру былъ отказъ Россіи дать свое согласіе на прямое ограниченіе ея морскихъ силъ. Графъ Буоль предлагалъ систему равновѣсія, для исполненія которой имѣетъ много комбинацій.

Лордъ Кларендонъ рѣзко объявилъ, что предложенія графа Буоля не могутъ быть приняты, и замѣтилъ, что онъ съ удивленіемъ и горечью выслушалъ депешу австрійскаго министра, такъ какъ она содержитъ извѣщеніе, что Австрія не будетъ твердо придерживаться постановленій декабрьскаго договора, ежели западныя державы будутъ настаивать на третьемъ пунктѣ. Англійскій министръ из-

вѣщалъ также о твердомъ рѣшеніи Англіи и Франціи не щадить никакихъ жертвъ, чтобы достигнуть своихъ требованій, хотя бы даже онѣ лишились содѣйствія Австріи.

Дурнымъ признакомъ для дальнѣйшаго хода конференціи была невозможность съ увѣренностью разсчитывать на Австрію. Друэнъ де-Луисъ могъ при первомъ свиданіи съ Буолемъ убѣдиться, что въ Вѣнѣ мало расположены принять участіе въ войнѣ; но французскій министръ льстилъ себя надеждою, что ему удастся вызвать австрійцевъ изъ ихъ нерѣшительности. Нейтрализацію Чернаго моря Буоль рѣшительно отклонилъ, хотя Друэнъ де-Луисъ усиливался доказать большія отъ того выгоды именно для Австріи. На аудіенціи у императора Франца онъ выказалъ много краснорѣчія, чтобы ясно выставить необходимость соглашенія. Французскій министръ являлся сторонникомъ тѣснаго союза Австріи съ Франціей, изъ котораго, по его словамъ, проистекли бы для первой большія выгоды.

„Великая задача“, говорилъ Друэнъ де Луисъ, „заключается въ томъ, чтобы покончить съ революціей безъ помощи Россіи, и сдерживать Россію въ границахъ, не прибѣгая къ содѣйствію революціи. Уже тридцать лѣтъ, какъ стремятся къ этой цѣли, а задача разрѣшается союзомъ Франціи съ Австріей. Не миръ съ Россіей привелъ меня въ Вѣну, но желаніе укрѣпить союзъ съ Австріей; какъ ни важенъ восточный вопросъ, но онъ стоитъ тутъ на второмъ планѣ“.

Отвѣтъ императора вращался въ общихъ мѣстахъ. На замѣчаніе французскаго дипломата, что сообщенный изъ Вѣны стратегическій планъ встрѣтилъ полное одобреніе въ Парижѣ, и что къ подписанію конвенціи можно было бы приступить, императоръ отвѣтилъ, что слѣдуетъ сперва выждать исхода переговоровъ, потому что тогда выяснится, будетъ ли Австрія принимать участіе въ войнѣ.

Девятаго Апрѣля собрались представители Англіи, Австріи и Франціи, и графъ Буоль объявилъ, что дастъ полное объ-

ясненіе на счетъ австрійской политики. Планъ нейтрализаціи, какъ его развилъ французскій министръ, кажется ему очень удовлетворительнымъ и Австрія радовалась бы его принятію, но на это мало надежды; одинаково были бы въ Вѣнѣ довольны, если бы Россія дала согласіе на ограниченіе силъ. Ежели же это не состоится, то все же Австрія не намѣрена объявить войны. Буркене сдѣлалъ замѣчаніе, что ежели Австрія не намѣрена одинаково настаивать на принятіи третьяго пункта, то союзъ теряетъ всякую связующую силу. Лордъ Руссель указалъ на общественное мнѣніе Англіи, гдѣ этотъ вопросъ признается общеевропейскимъ и Австрія, какъ великая европейская держава, по своему особенному положенію, призвана вступить на первый планъ для защиты Турціи. Затруднительное положеніе Австріи принималось въ соображеніе; но все же являлось горькое чувство, когда видѣли, что она, стоя въ іюнѣ готовою къ войнѣ, допустила русскихъ отправлять изъ Бессарабіи въ Крымъ дивизію за дивизіей, не предпринимая ни чего на пользу союзниковъ. Доселѣ на Австрію надѣялись, но если она теперь откажется отъ своихъ обязательствъ, то на будущее время ей невозможно будетъ возстановить довѣріе. Слова эти, казалось, произвели глубокое впечатленіе на Буоля; онъ отвѣтилъ, что о третьемъ пунктѣ можно договориться, какъ и о первыхъ двухъ; но нельзя заранѣе дѣлать никакихъ заключеній на счетъ войны, такъ какъ два лишнихъ судна не могутъ служить поводомъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ.

Въ десятомъ засѣданіи Горчаковъ сообщилъ, что петербургскій кабинетъ отклоняетъ инпціативу предложеній, но уполномочилъ его достичь соглашенія, приступивъ къ пересмотру договоровъ. Союзники не могли еще дѣлать формулированныхъ предложеній, и Друэнъ де Лупсъ поставилъ только вопросъ: будетъ ли Россія считать нарушеніемъ своихъ верховныхъ правъ запрещеніе строить на Черномъ морѣ

неограниченное количество военныхъ судовъ? Горчаковъ отвѣтилъ, что Россія не согласится, чтобы ей опредѣлено по договору или другимъ способомъ численное состояніе ея флота.

Одиннадцатое засѣданіе было посвящено разбору этого пункта, который формулировался такъ, что Россія и Турція не должны имѣть въ Понтѣ Эвксинскомъ болѣе, чѣмъ по четыре линейныхъ корабля и по четыре фрегата. Послы употребили все свое краснорѣчіе, чтобы доказать Горчакову, что предложеніе не имѣетъ ничего оскорбительнаго для Россіи; графъ Буоль также объявилъ, что въ ограниченіи русской морской силы онъ видитъ дѣйствительное средство прекратить кровопролитіе. Тогда князь Горчаковъ обратился къ нему съ вопросомъ, думаетъ ли графъ Буоль, что надо будетъ приступить къ принудительному исполненію, ежели Россія откажется согласиться добровольно на предложеніе? Министръ отвѣчалъ, что Австрія поддерживаетъ въ преніяхъ предложенный проэктъ, но что онъ долженъ удержать за своимъ государемъ полную свободу въ выборѣ средствъ къ достиженію его. Горчаковъ понялъ, что Австрія изъ за этого пункта не затѣетъ войны, и потому, не отклоняя безусловно предложенія, объявилъ, что желаетъ въ слѣдущемъ засѣданіи высказаться по этому предмету. 21 Апрѣля князь Горчаковъ дѣлалъ встрѣчное предложеніе допустить свободный проходъ чрезъ Дарданеллы судамъ всѣхъ націй безъ исключенія. Али-паша объявилъ, что его инструкціи предписываютъ ему удержать принципъ закрытія проливовъ; а Друэнъ де Луисъ сказалъ; что не уполномоченъ къ обсужденію подробностей русскаго плана; лордъ Русель замѣтилъ, что не можетъ присоединиться къ русскому предложенію. Графъ Буоль выразилъ сожалѣніе, что Россія предлагаетъ отрыть Черное море; и такъ какъ пренія не привели къ соглашенію, то предсѣдательствующій закрылъ засѣданіе замѣчаніемъ, что различные

виды рѣшенія неудовлетворительны и Австрія займется пріисканіемъ способовъ къ сближенію.

Между уполномоченными Франціи, Англіи и Австріи состоялось совѣщаніе и они сошлись наконецъ на слѣдующихъ пунктахъ: Европейская гарантія независимости и цѣлости Турціи; закрытіе проливовъ для Россіи, но не для союзниковъ, изъ которыхъ каждый можетъ имѣть по два фрегата въ Черномъ Морѣ; если Россія превыситъ число нынѣ имѣющееся у нея судовъ въ Черномъ морѣ, то каждый изъ союзниковъ можетъ тамъ также довести число своихъ судовъ до половины этого размѣра; въ случаѣ опасности султанъ имѣетъ право призвать всѣ морскія силы державъ союзницъ; Франція, Австрія и Англія подпишутъ договоръ, по которому признанъ будетъ casus belli, ежели Россія приведетъ свой флотъ въ состояніе, превышающее его численность 1853 года.

Предложеніе это, исходившее отъ графа Буоля, хотя принятое послами въ Вѣнѣ, было признано въ Лондонѣ совершенно невозможнымъ. Принцъ Альбертъ назвалъ его безсмысленнымъ, а Пальмерстонъ счелъ за насмѣшку. Ежели Австрія возбуждала вопросъ, зависитъ ли война или миръ отъ нѣсколькихъ военныхъ судовъ и не рѣшалась принять участіе въ войнѣ при обстоятельствахъ вполнѣ благопріятныхъ, то какое ручательство могли имѣть державы, что чрезъ нѣсколько лѣтъ она приметъ другое рѣшеніе при менѣе выгодныхъ условіяхъ. Цѣль всѣхъ дѣйствій противъ Россіи—ограниченіе ея могущества въ Черномъ—морѣ не достигалась, если за Россіей оставалось право поддерживать тоже количество судовъ, какое она имѣла до войны.

У графа Буоля были связаны руки; мнѣнія вліятельныхъ сферъ совершенно измѣнились. Ежели прежде случайность войны принимали въ серьезное соображеніе, и даже сдѣлали распоряженія, чтобы бросить на вѣсы значеніе военныхъ силъ Австріи, то теперь руководились единственно жела-

ніемъ мира во что бы ни стало. На прощальной аудіенціи, данной Друэнъ де Луису, этотъ могъ убѣдиться, что значительнаго измѣненія въ воззрѣніяхъ Австріи ожидать нельзя; императоръ Францъ высказалъ ему сожалѣніе, что не можетъ выступить изъ плана, который изложилъ графъ Буоль; но онъ надѣется, что предолжительная связь Австріи съ Франціей будетъ имѣть болѣе значенія для защиты турецкой имперіи противъ Россіи, нежели опредѣленіе числа судовъ.

Положеніе, принятое княземъ Горчаковымъ, во всякомъ случаѣ доставило Россіи значительный результатъ; Австрія разошлась съ западными державами. Императоръ Францъ на аудіенціи, данной Горчакову, высказалъ ему благодарность за предупредительность Россіи, и намекнулъ, что вина въ неудачѣ переговоровъ падаетъ на западныя дѣржавы. Ежели Россія при будущихъ переговорахъ будетъ придерживаться четырехъ пунктовъ и не станетъ дѣлать попытокъ вступить въ Дунайскія княжества,то императоръ приметъ обязательство никого не допускать къ нападенію на Россію съ этой стороны. Но Францъ Іосифъ отклонилъ попытку Горчакова привлечь Австріи на сторону Росссіи; онъ не обѣщалъ ни сокращенія австрійскихъ военныхъ силъ, ни нейтралитета, но только объявилъ, что не имѣетъ въ виду положенія, враждебнаго Россіи.

Колеблющаяся политика Австріи объясняется извѣстіями о происках революціонныхъ партій въ Италіи и Венгріи. Съ самаго начала восточныхъ усложненій эмиграція выказала необычайную дѣятельность и мечтала, что наступилъ благопріятный моментъ для развитія ея плановъ. Свѣдѣнія о настроеніи Венгріи были неблагопріятны; Венгерское дворянство принадлежало къ старо-консервативной партіи, и при всѣхъ обстоятельствахъ выказывало пассивную роль, будучи проникнуто надеждою, что прежнее устройство со всѣми его заржавыми учрежденіями будетъ возста-

новлено; но все среднее сословіе было враждебно расположено къ Австріи и только не-мадьярское населеніе, впереди котораго стояли румыны, было за правительство. Приверженцы Австріи рѣшительно стояли за участіе ея въ войнѣ нротивъ Россіи, но указывали, что только съ помощью Венгріи и всего ея народа она можетъ вести успѣшую войну; если же желали разсчитывать на одушевленное содѣйствіе мадьяръ, то слѣдовало скорѣе удовлетворить ихъ стремленія, и предпринять полное преобразованіе системы, которой держались съ 1849 года; а на это правительство рѣшиться не могло. Это то положеніе и дѣйствовало на внѣшнюю политику Австріи разслабляющимъ образомъ, дѣлая государя ея нерѣшительнымъ. Страшный призракъ демократической революціи также грозилъ опасностями, а извѣстія изъ Италіи были тревожны; оттуда увѣдомляли, что предстоитъ революція, которая, исходя изъ Пьемонта, должна чрезъ Модену и Парму распространиться до Тосканы. Въ этомъ случаѣ приходилось значительно усилить армію, стоявшую на Аппенинскомъ полуостровѣ. Хотя Австрія заключила 22 Декабря договоръ съ Франціей, и чрезъ то получила гарантію, что та не окажетъ поддержки волненіямъ, но уже одинъ фактъ привлеченія Пьемонта къ участію въ восточной войнѣ подѣйствовалъ непріятно и внушилъ недовѣріе къ обѣщаніямъ Наполеона. Наконецъ и финансовыя соображенія имѣли вліяніе на рѣшеніе; изъ числа лицъ, стоявшихъ во главѣ гражданскаго управленія Австріи, только одинъ министръ внутренныхъ дѣлъ, Бахъ, стоялъ за войну, тогда какъ прочіе рѣшительно высказывались противъ нея, а министръ финансовъ представилъ неутѣшительную картину финансоваго положенія, сознавшись, что не можетъ доставить суммъ, потребныхъ на военныя издержки

Буоль но отказался отъ своихъ посредническихъ стремленій, не смотря на то, что вслѣдствіе энергическихъ настоя-

ній Англіи, Наполеонъ рѣшился продолжать войну. Но послѣдняя попытка австрійскаго министра пріискать новую форму соглашенія имѣла одинаковую участь съ прежними предложеніями, хотя Россія и показала видъ, что готова обсуждать новый проэктъ, по которому сущность третьяго пункта должна рѣшиться по соглашенію Россіи съ Турціей. Западныя державы въ послѣднемъ засѣданіи конференціи 4 Іюня отклонили эту комбинацію, и князь Горчаковъ своею миролюбивою предупредительностью достигъ того, что преданные Россіи кружки свободно высказывали ему свои симпатіи и рѣшительно возставали противъ всякаго рода участія Австріи въ войнѣ.

Въ Іюнѣ 1855 года состоялось частное сокращеніе австрійской арміи отпускомъ людей резерва, и этимъ отнята была у западныхъ державъ всякая надежда на участіе Австріи въ борьбѣ. Въ Лондонѣ лордъ Кларендонъ произнесъ рѣчь о разстройствѣ, которое произвелъ этотъ образъ дѣйствій; онъ высказалъ, что „Австрія лучше охранила бы свое достоинство и выгоды какъ относительно Россіи, такъ и Германіи, если бы съ самаго начала приняла твердое положеніе и повела бы сильную рѣчь“. Наполеонъ предъ законодательнымъ корпусомъ также высказался неблагопріятно на счетъ Австріи.

Въ Вѣнѣ почувствовали себя теперь изолированными, потому что политика Буоля не удовлетворяла ни Петербургъ, ни Лондонъ съ Парижемъ. Чтобы дать западнымъ державамъ доказательство, что продолжаютъ держаться четырехъ пунктовъ, какъ основанія будущихъ условій мира, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить себя отъ всякихъ случайностей, Австрія постаралась вызвать въ германскомъ союзѣ одобреніе своего образа дѣйствій. Для этого графъ Буоль отнесся къ нѣмецкимъ правительствамъ, не входя съ Пруссіей въ объясненія на счетъ общности дѣйствій. Но заключеніе союзнаго собранія не оправдало ожиданій Ав-

стріи. Правда, что вѣнскому кабинету была высказана благодарность за его сообщеніе и за его старанія возстановить миръ въ Европѣ, но тутъ же было объявлено, что настоящее положеніе восточныхъ дѣлъ не даетъ повода германскому союзу принимать на себя новыхъ обязательствъ.

Дѣятельность дипломатіи прекратилась, и снова оружію предоставлялось рѣшать вопросы. Можетъ быть, война и пришла бы къ концу, еслибы Австрія стала въ ряды противниковъ Россіи; но успѣхи западныхъ державъ весною не были на столько значительны, чтобы сознаніе необходимости мира созрѣло на берегахъ Невы. Въ первыхъ дняхъ Іюня, послѣ жестокихъ битвъ, большая часть земляныхъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ предъ Севастополемъ, перешла въ руки союзниковъ, и они разсчитывали приступить къ штурму втораго бастіона, названнаго французами Малаховымъ, и третьяго бастіона Редана; но послѣ упорной борьбы и жестокихъ потерь съ обѣихъ сторонъ, штурмъ былъ отбитъ русскими 18 Іюня.

Этотъ результатъ былъ тяжелымъ ударомъ для союзниковъ, и въ политическихъ сферахъ Европы начали допускать возможность, что Россія возьметъ верхъ надъ союзниками; но эти разсчеты изчезли послѣ того, какъ нѣсколько недѣль спустя союзникамъ удалось одержать побѣду надъ многочисленною русскою арміею при Черной. Въ приготовленіяхъ къ новому штурму прошло еще нѣсколько недѣль; онъ произведенъ былъ 8 Сентября, и паденіе Малахова кургана было результатомъ упорной битвы. Всякое дальнѣйшее сопротивленіе дѣлалось излишнимъ; главнокомандующій, Горчаковъ, предпринялъ отступленіе и Севастополь достался въ руки союзниковъ.

Паденіе Севастополя вызвало дипломатію изъ ея лѣтней дремоты. Обстоятельства казались благопріятными для возстановленія мира; въ одной Англіи, имѣвшей цѣлью

полное разстройство Россіи, желали продленія войны, и скромные успѣхи, пріобрѣтенные англичанами въ Крыму, были, можетъ быть, одною изъ причинъ, почему они не стояли за миръ. Имъ удалось, наконецъ, довести свои войска до значительной силы и являлась надежда въ новомъ походѣ украситься лаврами, въ которыхъ имъ доселѣ отказывала судьба.

Можетъ быть Франція и осталась бы вѣрна союзницѣ, если бы между вліятельными военными личностями не царствовало единодушное нежеланіе войны. Военная честь была удовлетворена, а въ этой войнѣ французская политика уклонилась отъ своей настоящей цѣли, такъ какъ востокъ не стоялъ на первомъ планѣ, когда Наполеонъ рѣшился взяться за оружіе. Французы были далеки отъ желанія ограничить русскую силу на востокѣ; если бы дѣло шло о Польшѣ, Италіи или лѣвомъ берегѣ Рейна, то они охотно перенесли бы дорогіе военные расходы. Еще въ первый фазисъ русско-восточныхъ усложненій Наполеонъ обдумывалъ проэктъ возстановленія Польши, и кажется, въ этомъ смыслѣ зондировалъ Австрію, предлагая Галицію замѣнить Дунайскими княжествами. Если же эта мысль не осуществлялась, то война теряла для Наполеона весь интересъ, и онъ былъ равнодушенъ къ тому, останется или нѣтъ за Россіей Крымъ.

Вѣрные источники, изъ которыхъ Россія почерпала свѣдѣнія, доставили ей извѣстіе о настроеніи Парижа и Лондона. Наполеонъ былъ не прочь отъ мирнаго соглашенія: тайные излюбленные планы императора относительно измѣненія карты Европы не находили сочувствія у заламанш-скихъ союзниковъ; слѣдовательно, дѣло состояло въ томъ, чтобы согласить Англію на миръ, не нарушая союза, которому Наполеонъ придавалъ большое значеніе. Затрудненіе заключалось въ томъ, чтобѣ пріискать формулу для ограниченія русскаго преобладанія на Черномъ морѣ. Въ бесѣдахъ

аксонскаго посла въ Парижѣ, барона Зеебаха, затя Нессельоде, съ Валевскимъ, также при обмѣнѣ мыслей Морни ъ Горчаковымъ въ Вѣнѣ, дѣлались различныя соображенія, акъ достигнуть этой цѣли. Графъ Буоль, извѣщенный Бейстомъ о переговорахъ, воспользовался этими свѣдѣніями, чтобы возобновить сближеніе Австріи съ западными державами, желая при заключеніи мира обезпечить себѣ вліятельный голосъ. Вслѣдствіе этого Россія преодолѣла свое нерасположеніе и сдѣлала въ Парижѣ предложеніе закрыть роливы и Черное море для всѣхъ военныхъ судовъ, за исключеніемъ того количества, которое обѣ прибрежныя державы признаютъ нужнымъ содержать для охраны, по взаимному соглашенію, безъ вмѣшательства третьей державы. Хотя въ Парижѣ были согласны на эти предложенія, но обѣщаніе Австріи принять отнынѣ болѣе дѣятельное стіе въ войнѣ и вліяніе Англіи воспротивились этому. русской стороны поняли, что Наполеонъ находитъ выгоднымъ для своихъ будущихъ политическихъ плановъ поддерживать между Австріей и Россіей глубокое отчужденіе.

Послѣдовала посылка графа Эстергази въ Петербургъ. дложенія, которыя дѣлались Россіи, имѣли характеръ льтиматума; въ сущности это были извѣстные четыре ункта, формулированные по иниціативѣ Австріи. Предложеніе дѣлалось не отъ лица воинствующихъ державъ, но имъ былъ приданъ видъ какъ-бы мнѣнія вѣнскаго кабинета; Англія и Франція дали только опредѣлительное завѣреніе, что въ случаѣ принятія ихъ Россіей, онѣ безусловно къ нимъ присоединятся; если же въ теченіи десяти дней не послѣдуетъ отвѣта, Эстергази имѣлъ инструкцію требовать въ другой десятидневный срокъ отвѣта, и по прошествіи его оставить русскую столицу.

Съ напряженіемъ ждали первыхъ извѣстій съ береговъ Невы. Новый годъ начался съ надеждами на миръ, потому что первыя объясненія съ русскимъ канцлеромъ давали

основаніе полагать, что отвѣтъ будетъ не отрицательный. Согласно полученнымъ инструкціямъ, Эстергази далъ понять канцлеру, что предложенія Австріи составляютъ ультиматумъ, и онъ, не вступая въ переговоры, долженъ только выслушать „да“ или „нѣтъ“.

Но протекли восемь тревожныхъ дней, а австрійскій посолъ не получалъ извѣстій о результатѣ своего порученія. Живя замкнуто въ своемъ отелѣ, онъ ждалъ истеченія перваго десятидневнаго срока; седьмаго Января получилъ онъ отъ русскаго канцлера словесное сообщеніе, что на сдѣланныя предложенія царь дастъ отвѣтъ въ Вѣнѣ чрезъ князя Горчакова.

Въ скоромъ времени Петербургскій кабинетъ получилъ дополнительный пятый пунктъ, по которому воинствующія державы оставляли за собою право въ интересахъ Европы поставить еще особыя условія. Отъ Нессельроде послѣдовало возраженіе противъ такъ называемаго исправленія границъ; указывалось, что Россія тоже имѣетъ въ рукахъ завоеванную область съ крѣпостью, которыя по своему значенію могутъ служить вознагражденіемъ при обмѣнѣ. Относительно третьяго пункта предложена была измѣненная редакція австрійскаго предложенія, по которой Россія „для охраны и для береговой службы“ имѣла право содержать необходимое число судовъ. Какъ ни были скромны русскія требованія, но Австрія не могла согласиться на нихъ, потому что приняла предъ западными державами обязательство стоять на принятіи предложеній безъ измѣненій, а въ случаѣ отклоненія ихъ прервать дипломатическія сношенія съ Россіей.

Въ теченіи этой недѣли австрійская дипломатія выказала необычайную дѣятельность, заботясь обезпечить за собою поддержку нѣмецкихъ государствъ. Баварія была уже на сторонѣ австрійцевъ, и ея министръ иностранныхъ дѣлъ объявилъ, что они примутъ участіе въ войнѣ, если Ав-

стрія станетъ на сторону Франціи. Наполеонъ поддержалъ требованіе вѣнскаго кабинета: французская циркулярная депеша къ посольствамъ Штутгарта, Дрездена и Мюнхена рѣзко высказывала, что Россія не выкажетъ уступчивости, если будетъ имѣть возможность разсчитывать на моральную поддержку нѣмецкихъ государствъ; поэтому Германія будетъ отвѣтственна за результатъ переговоровъ.

Курьеръ съ русскими контръ-предложеніями прибылъ въ Вѣну 12 Января; на другой день Горчаковъ сообщилъ ихъ Буолю. Правительства Франціи и Англіи были о томъ увѣдомлены по телеграфу; но отвѣтъ ихъ былъ отрицательный, и австрійскій министръ увѣдомилъ русскаго посланника, что посольство выѣдетъ изъ Петербурга, ежели до 18 Января предложенія не будутъ приняты. Положеніе Россіи сдѣлалось крайне натянутымъ послѣ того, какъ и Пруссія стала убѣждать ее принять безусловно мирныя предложенія. Въ Петербургѣ рѣшились уступить и 4—16 Января Нессельроде увѣдомилъ графа Эстергази о согласіи на условія мира. Въ 11 часовъ 15 минутъ вечера того-же дня парижскій и лондонскій кабинеты были извѣщены своими представителями при вѣнскомъ дворѣ о рѣшеніи Александра II.

Европа была въ опьяненіи отъ радости; парижская и лондонская биржи привѣтствовали извѣстіе значительнымъ возвышеніемъ курса; французскія трехпроцентныя поднялись на четыре франка, англійскія консоли на три процента; вѣнская биржа утопала въ блаженствѣ; всѣ бумаги значительно поднялись. Политическіе кружки Вѣны вслѣдствіе успѣха Австріи были въ радостномъ возбужденіи, и казалось, что въ дальнѣйшихъ переговорахъ вѣнскому кабинету предстоитъ первенствующая роль. Въ Вѣнѣ парафировали текстъ прелиминарныхъ условій и подписали протоколъ, по которому Австрія, Франція, Англія, Россія и Турція соглашались въ теченіи трехъ недѣль прислать въ Парижъ

уполномоченныхъ для заключенія перемирія, чтобы затѣмъ приступить къ мирному договору.

Первое засѣданіе конгресса 25 Февраля было чисто подготовительное. При началѣ переговоровъ Пруссія не имѣла представителя; только въ седьмомъ засѣданіи было рѣшено, въ европейскихъ интересахъ, чтобы Пруссія, подписавшая договоръ 13 Іюля, приняла участіе въ опредѣленіи окончательныхъ условій, и 18 Марта прусскіе министръ иностранныхъ дѣлъ и посланникъ уже присутствовали на засѣданіи. Графа Валевскаго выбрали предсѣдательствующимъ.

Выговорена была нейтрализація Чернаго моря и открытіе его для торговыхъ судовъ всѣхъ націй; его гавани и воды навсегда заперты для военнаго флота всѣхъ державъ. Особая конвенція между Россіей и Турціей опредѣляла силу и количество судовъ, нужныхъ для береговой службы; конвенція эта не могла быть безъ согласія другихъ державъ измѣнена или уничтожена. Торговля въ портахъ Чернаго моря становилась свободною отъ всякихъ стѣсненій, подлежа лишь вѣдѣнію учрежденій санитарныхъ, таможенныхъ и полицейскихъ, и въ портахъ воспрещалось устройство военно-морскихъ арсеналовъ. Принципы вѣнскаго конгресса, касавшіеся судоходства по рѣкамъ, протекающимъ чрезъ нѣсколько государствъ, примѣнялись къ Дунаю и его устьямъ и ставились подъ гарантію всѣхъ державъ. Коммисіи, составленной изъ уполномоченныхъ Австріи, Франціи, Англіи, Пруссіи, Россіи, Сардиніи и Турціи поручалось опредѣлить и привести въ исполненіе работы, освобождающія Дунай отъ всякихъ препятствій, также какъ и части примыкающаго къ нему моря.

Война должна была сломить преобладающее положеніе Россіи въ Балканахъ, и отстранить притязанія вступаться на защиту христіанскихъ населеній турецкой имперіи; договаривающіяся державы обязывались охранять незави-

зимость и цѣлость Турціи. Осьмымъ пунктомъ было условлено, что ежели между Высокою Портою и одною или нѣсколькими державами возникнетъ различіе воззрѣній, которое угрожаетъ нарушить ихъ отношенія, то Порта и каждая изъ этихъ державъ до принятія насильственныхъ мѣръ должны поставить другія державы въ возможность своимъ посредничествомъ отстранить эти недоразумѣнія.

По вопросамъ о привиллегіяхъ и правахъ райи, въ договорѣ стремились на мѣсто русской, поставитъ европейскую гарантію, безъ нарушенія независимости и достоинства султана. Противъ этаго взгляда Порта возставала. Въ памятной запискѣ отъ 15 Мая 1855, года представленной британскому кабинету, Али-паша находилъ противурѣчіе въ томъ, что послѣ столькихъ жертвъ, принесенныхъ для независимости Турціи, державы посредствомъ международнаго постановленія наносятъ ущербъ верховнымъ правамъ султана и ослабляютъ его власть. Представленіе это произвело впечатлѣніе, и со стороны Англіи, Франціи и Австріи была высказана готовность послѣ выдачи 18 Февраля 1856 года султаномъ гатти-гамайюна, которымъ обезпечивались права райи, содѣйствовать падишаху только совѣтами и свѣдѣніями. Декабрьскіе союзники душевно желали покончитъ съ этимъ вопросомъ, чтобы отнять у Россіи возможность возвысить на конгрессѣ свой голосъ въ пользу христіанъ. Такимъ образомъ конгрессъ стоялъ предъ совершившимся фактомъ, и потому ограничился въ мирномъ договорѣ принять его къ свѣдѣнію.

„Послѣ того“, говорится въ немъ, „какъ султанъ въ своей постоянной заботѣ о благѣ подданныхъ издалъ фирманъ, которымъ безъ различія вѣроисповѣданія и произхожденія улучшается ихъ положеніе, и сообщилъ о томъ державамъ, договаривающіяся стороны, признавая высокое значеніе этого сообщенія, заявляютъ, что онъ не дастъ ни въ какомъ случаѣ названнымъ державамъ права вмѣ-

шиваться въ отношенія султана къ его подданнымъ, или въ его внутреннія распоряженія".

Эта редакція не обошлась безъ выраженій со стороны Россіи, которая пріискивала формулу, изъ которой истекало бы право вмѣшательства; но энергическія замѣчанія Кларендона удержали русскаго уполномоченнаго отъ представленія своего проэкта въ засѣданіе. Во время преній, на замѣчаніе барона Брунова о особенномъ участіи, которое Россія принимаетъ въ христіанахъ Турціи, лордъ Каулей выразилъ, что участіе, которое другія державы не перестаютъ имъ также выказывать, никакъ не менѣе русскаго.

Въ засѣданіи осьмого Марта шли переговоры объ уступкѣ Бессарабіи. Русскіе дипломаты выказали лихорадочную дѣятельность, чтобы добыться смягченіи условій; они предлагали возвратить Карсъ, ежели союзники откажутся отъ претензій на Бессарабію. Это предложеніе отвергли; Англія, казалось, придавала большое значеніе уступкѣ этой области; но являлся вопросъ, будутъ ли Франція и Австрія, при энергическомъ сопротивленіи Россіи, послѣдовательны, и обнаружатъ ли готовность къ войнѣ, что вовсе не было вѣроятнымъ; поэтому и въ англійскомъ лагерѣ приняли мнѣніе, что лордъ Кларендонъ долженъ выказать умѣренность. Этотъ же взглядъ горячо отстаивала англійская королева въ противность мнѣнія Пальмерстона. Въ конференціи не было спора о принципѣ, а все дѣло заключалось въ размѣрѣ уступаемаго участка, который составилъ около двухъ сотъ квадратныхъ миль съ двумя стами тысячъ жителей.

Еще на вѣнской конференціи было намѣчено сліяніе Дунайскихъ княжествъ. Тогда французскій посолъ предлагалъ, чтобы при предстоящемъ соглашеніи не исключалась возможность ихъ соединенія, если оно окажется желательнымъ. Англійскій членъ конференціи не былъ противъ соединенія княжествъ, ограничась замѣчаніемъ, что иниціа-

тива подобнаго предложенія принадлежитъ Портѣ и разсмотрѣніе его должно быть до времени отложено.

Въ засѣданіи конгресса согласились опредѣлить только политическую и административную огранизацію княжествъ, а подробную выработку представить особой комиссіи послѣ заключенія мира. Въ шестомъ засѣданіи Франція возбудила вопросъ о соединеніи княжествъ; Англія присоединилась къ ея мнѣнію. Порта возстала противъ предложенія и къ ней примкнула Австрія. Русскій уполномоченный также высказался за соединеніе; но окончательнаго рѣшенія принято не было, такъ какъ турецкій и австрійскій представители сослались на недостаточность инструкцій.

Между тѣмъ Англія и Франція дѣйствовали въ Константинополѣ, чтобы убѣдить Турцію на соединеніе княжествъ; австрійскій интернунцій Прокешъ получилъ изъ Вѣны тоже порученіе по телеграфу противодѣйствовать этому предложенію, и Порта присоединилась къ Австрійскому мнѣнію, а 12 Марта послѣдовало по этому вопросу рѣшеніе султана, который отказалъ въ сліяніи.

Основанія, которыми руководствовалась Австрія, ясны: Со времени занятія княжествъ австрійскими войсками многократно поднимали вопросъ о ихъ будущей организаціи; но въ австрійскихъ интересахъ было невыгодно стоять за сліяніе. Какъ бы ни были ничтожны силы даже соединенныхъ княжествъ въ сравненіи съ силами сосѣда, но все же нельзя было оставить безъ вниманія направленіе духа въ значительномъ большинствѣ румынской молодежи, воспитанной на французскихъ воззрѣніяхъ и пропитанной революціонными мечтами. Къ тому же, въ виду сосѣдства ихъ съ Венгріей и валашскимъ населеніемъ австрійскихъ провинцій, Австріи приходилось бы противудѣйствовать дако-румынскимъ утопіямъ о сліяніи, которыя опирались бы на географическія права. Конечно, въ интересахъ благоденствія княствъ слѣдовало доставить возможное облегченіе ихъ тор-

товлѣ, чтобы они вдвинулись въ кругъ европейской хозяйственной жизни, подготовляясь для своего будущаго слія-нія; но для Австріи было бы опасно ввести къ нимъ новый элементъ стремленія къ самостоятельности, и только тогда можно было бы съ этимъ примириться, если бы оба княжества съ нѣмецкимъ принцемъ во главѣ примкнули къ германскому союзу, причемъ, конечно, слѣдовало еще удовлетворить двумъ уловіямъ: первое, чтобы Порта посредствомъ капитализаціи прекратила дань, согласившись на нихъ самостоятельность; второе, чтобы германскій союзъ и великія державы не противились осуществленію стремленія, возникшаго уже нѣсколько лѣтъ; а именно включенія Австріи въ полномъ ея составѣ въ германскій союзъ.

Въ княжествахъ слѣдовало бы также привести въ порядокъ ихъ запутанныя аграрныя отношенія, и тѣмъ оказать большую услугу сельскому населенію. Россія, подобно бдительному часовому, отстраняла отъ ихъ ненавистное и вредное вмѣшательствъ турокъ; эту же роль слѣдовало бы усвоить и Австріи.

Во французскомъ обществѣ преобладало живѣйшее желаніе скорѣе прійдти къ заключенію мирнаго договора; наконецъ по всѣмъ пунктамъ состоялось соглашеніе и 18—30 Марта 1856 года уполномоченные державъ могли приступить къ подписанію мира, достигнутаго послѣ жаркой борьбы.

ГЛАВА VII.

ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

Въ сравненіи съ огромными жертвами, вызванными войною, результаты ея были ничтожны. Намѣреніе вытѣснить Россію изъ Европы, составлявшее мечту англійскихъ государственныхъ мужей, видѣвшихъ въ этомъ цѣль войны, не только не было достигнуто, но даже не добились значительнаго ослабленія этой державы. Если бы Австрія и Пруссія приняли участіе въ войнѣ, тогда, конечно, можно было бы измѣнить карту Европы. Правда, въ продолженіи войны, время отъ времени появлялись брошюры, трактовавшія объ этихъ широко задуманныхъ планахъ Наполеона; но съ обоихъ береговъ Ламанша они подверглись жестокой критикѣ. Предъ англійскимъ премьеромъ Напоелонъ не скрывалъ этого желанія; но не найдя въ немъ сочувствія, долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что подорвалъ священный союзъ и утвердилъ свое первенствующее положеніе въ Европѣ. На счетъ турокъ онъ не предавался иллюзіямъ и не призналъ жизненности въ Портѣ. На глубокомъ отчужденіи Россіи отъ Австріи строилъ онъ свои планы, и съ его согласія поднятъ былъ Кавуромъ на конгрессѣ итальянскій вопросъ.

Утверждаютъ, что на парижскомъ конгрессѣ Наполеонъ предложилъ австрійскому уполномоченному возстановленіе Польши, но это предложеніе было отклонено. Въ начальной формѣ восточнаго кризиса французская дипломатія также дѣлала на это намеки, чтобы узнать мнѣніе вѣнскаго кабинета, но убѣдилась, что на Дунаѣ мало къ тому

расположены. Къ этимъ же слухамъ слѣдуетъ отнести предложеніе Наполеона Австріи обмѣнять итальянскія провинціи на Дунайскія княжества; но въ то время въ Вѣнѣ придавали большое значеніе Ломбардіи; поэтому преобразованіе карты Европы пришлось отложить.

Австрія могла быть довольна пріобрѣтенными успѣхами, хотя ея государственный долгъ значительно увеличился. Рѣшительное положеніе, принятое ею осенью 1855 года, сломило сопротивленіе Россіи, а въ продолженіи парижскаго конгресса въ Вѣнѣ ласкались надеждой, что Австрія имѣетъ достаточную опору въ своихъ дружескихъ отношеніяхъ къ Франціи и Англіи противъ возможныхъ усложненій, грозящихъ ей на Аппенинскомъ полуостровѣ. Та цѣль, на которую издавно указазылъ баронъ Гюбнеръ: возобновленіе союза Франціи съ Австріей, казалось, была достигнута; оффиціозная печать превозносила время, когда обѣ державы были въ союзѣ, и выхваляли геній Кауница, которому удалось прекратить ихъ соперничество [1]).

Дальновидные политики немедленно по заключеніи мира объявляли, однако, что всѣ усилія были напрасны, и ожидали, что въ недалекомъ будущемъ Россія возьмется за оружіе, чтобы возвратить себѣ утраченное положеніе. Благодаря торопливости, съ которою въ послѣднія недѣли конгресса покончили дѣло мира, нѣкоторые пункты не были достаточно обусловлены, но предоставлены позднѣйшимъ совѣщаніямъ, и русская дипламатія воспользовалась этимъ, чтобы попытаться выговорить себѣ нѣкоторыя льготы.

Согласно постановленіямъ договора, Карсъ долженъ былъ бытъ очищенъ, но русскіе удерживали его разрушили крѣпостные верки, усилили свои войска и удалили англійскаго коммиссара, желавшаго удостовѣриться въ по-

---

[1]) Во время парижскаго конгресса Наполеонъ говорилъ Кларендону› я ненавижу Австрію и возмущаюсь ея политикой›

ложеніи дѣлъ. Въ уступленной части Бессарабіи укрѣпленія были срыты, и въ опредѣленіи пограничной линіи явились препятствія. Споры за Бѣлградъ и Змѣиный островъ занимали европейскую дипломатію въ теченіи мѣсяцевъ, слѣдовавшихъ за заключеніемъ мира. Между Пальмерстономъ и новымъ русскимъ посломъ въ Лондонѣ произошли горячія объясненія, которыя едва не привели къ перерыву только что возстановленныхъ сношеній. Только вслѣдствіе рѣзкаго замѣчанія англійскаго премьера Россія спустила свой требовательный тонъ.

Ежели не принимать нѣкотораго колебанія, вызваннаго желаніемъ угодить Франціи, то Австрія стояла на сторонѣ Англіи. Британскій флотъ оставался въ Босфорѣ, а Австрійскія войска не очищали княжествъ на томъ основаніи, что и Россія не исполнила обязательствъ, принятыхъ ею по договору. Порта одобряла ихъ дѣйствія, но Франція рѣшительно высказалась противъ репрессалій, предпринятыхъ державыми. Впрочемъ, парижскій кабинетъ уклонился отъ дальнѣйшей распри съ Англіей, сойдясь на томъ, чтобы внести въ новую конференцію спорные вопросы. 31 Декабря 1856 года собрались вторые уполномоченные парижскаго конгресса, и въ заключительнымъ протоколѣ 6 Января было постановлено, что Болградъ долженъ отойти къ Молдавіи, тогда какъ Россія взамѣнъ получитъ участокъ земли на верхнемъ Ялтукѣ; острова Дунайской дельты перейдутъ подъ непосредственную власть султана; Змѣиный островъ выговоренъ въ пользу Турціи, которая приметъ обязательство содержать тамъ маякъ. До 30 Марта 1857 года исправленіе границъ должно быть окончено, австрійскія войска очистятъ княжества, а англійскій флотъ выйдетъ изъ Чернаго моря.

Основанія, которыми руководствовалась Австрія въ восточной политикѣ, не измѣнились и послѣ Крымской войны; она держались аксіомы, что положеніе дѣлъ на балканскомъ

полуостровѣ должно оставаться неприкосновеннымъ, такъ какъ это отвѣчаетъ австрійскимъ интересамъ. Турецкое правительство съ увѣренностью могло разсчитывать на поддержку Австріи, если бы въ Букарестѣ или Бѣлградѣ возникъ вопросъ о значеніи власти султана.

На счетъ настроенія, существовавшаго въ Дунайскихъ княжествахъ, Вѣна имѣла невѣрныя свѣдѣнія. Соединеніе княжествъ составляло цѣль не однихъ экзальтированныхъ головъ, но и спокойныхъ разсудительныхъ политиковъ, и возведеніе на престолъ иностраннаго князя было весьма распространеннымъ желаніемъ; говорили, что иностранный тиранъ лучше доморощеннаго Тита. Даже люди, которыхъ Австрія считала своими приверженцами, работали въ Букарестѣ и Константинополѣ въ противность австрійскихъ намѣреній. Партія сліянія распространяла безпрепятственно въ княжествахъ свою дѣятельность, и молдавскій господарь открыто высказывался за сліяніе. Россія и Франція также рѣшительно стояли за него; Англія же, не допуская политическаго единства, соглашалась на административное соединеніе, такъ что Австрія осталась изолированною.

Парижская конференція 1858 года примирила вопросъ; каждое изъ княжествъ должно было имѣть министерство и законодательное собраніе, хотя въ обѣихъ странахъ вводились однородныя учрежденія. Но когда приступили къ выбору господаря, то какъ въ Молдавіи, такъ и въ Валахіи выборъ палъ на одну и ту же личность Кузы, и Порта, послѣ долгаго сопротивленія, принуждена была въ этомъ исключительномъ случаѣ признать выборъ правильнымъ и выдать инвеституру въ двухъ отдѣльныхъ фирманахъ.

Въ Сербіи Австрія оставалась также вѣрна своей консервативной политикѣ. Когда въ Бѣлградѣ совершилась революція, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ призывъ стараго Милоша, а князь Александръ Карагеоргіевичъ долженъ былъ искать спасенія въ турецкой крѣпости, то въ

Вѣнѣ были не прочь вмѣшаться въ пользу послѣдняго. Въ Землинѣ стоялъ обсерваціонный корпусъ, готовый вступить въ Сербію, и начальствовавшій имъ графъ Коронини ожидалъ для этого только приглашенія турецкаго коменданта Бѣлграда; но оно не послѣдовало, потому что намѣренія Австріи были остановлены стараніями пословъ Англіи, Россіи и Франціи въ Константинополѣ; а съ перваго дня 1859 года гораздо болѣе важныя обстоятельства обратили на себя дѣятельность австрійскаго кабинета: съ запада надвинулась военная гроза. Порта уступила вліянію Франціи и Россіи, признавъ новый порядокъ вещей, и 6 Февраля 1859 года Милошъ вступилъ въ Бѣлградъ.

Стремленія Обреновича и сына его Михаила къ большей самостоятельности не встрѣчали одобренія Австріи; въ Вѣнѣ преобладало опасеніе, чтобы примѣръ Сербіи не повліялъ на прочія балканскія народности. Кромѣ того полагали, что въ Дунайскихъ княжествахъ, Босніи, Сербіи, Черногоріи и Болгаріи существуетъ послѣдовательная связь съ республиканскими стремленіями. Впослѣдствіи, когда возникли затрудненія между Сербіей и султаномъ и Бѣлградъ былъ бомбардированъ, на конференціи, по вопросу объ уступкѣ крѣпости сербамъ, австрійскій кабинетъ за одно съ англійскимъ стоялъ на почвѣ договора 1856 года, тогда какъ Франція приняла положеніе, благопріятное Сербіи, въ чемъ ей содѣйствовали Россія и Пруссія. Австрійскій интернунцій усердно поддерживалъ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ всякій успѣхъ сербскаго княжества приводилъ австрійскихъ сербовъ въ возбужденное состояніе.

Сербія на этотъ разъ не достигла осуществленія своихъ желаній; конференція пришла къ соглашенію, что для избѣжанія на будущее время столкновенія между сербами и турками, эти послѣдніе должны покинуть городъ Бѣлградъ, удержавъ цитадель, и между ними срыты всѣ дома и проведена нейтральная полоса.

Со вступленіемъ въ австрійское министерство Бейс совершился замѣчательный поворотъ въ восточной политики Австріи. Въ первомъ же обращеніи новаго министра къ делегаціямъ было высказано, что хотя парижскій трактатъ, и призналъ основанія цѣлости и независимости турецкой имперіи, поставя ее подъ общую гарантію, но тутъ же Европа высказывала свое участіе къ улучшенію положенія христіанъ на востокѣ. Хотя державамъ не предоставлялось права вмѣшательства въ отношенія султана къ его подданнымъ, но это невмѣшательство нельзя понимать безусловно: Европа не можетъ не интересоваться отношеніями оттоманскаго правительства къ христіанскимъ населеніямъ. Если же этотъ интересъ для всѣхъ державъ оправдывается общими человѣческими принципами, то для австрійской монархіи онъ пріобрѣтаетъ еще большее значеніе вслѣдствіе сочувствія, которое христіанскія населенія Австріи питаютъ къ родственнымъ имъ народамъ Турціи.

Сліяніе Дунайскихъ княжествъ состоялось въ противурѣчіе постановленія парижскаго договора. Фирманъ 7 Декабря 1861 года подъ извѣстными условіями призналъ соединеніе, пожизненно для Кузы, обоихъ господарствъ.

„Сліяніе совершилось“, говорила прокламація, „и наша романская національность утверждена; это знаменательное событіе, о которамъ мечтали прошлыя поколѣнія, признано высокою Портою и державами-поручительницами“. А когда въ 1862 году въ Букарестѣ было открыто первое національное собраніе, то князь высказывалъ въ тронной рѣчи увѣренность, что ни Порта, ни державы покровительницы не подумаютъ о томъ, чтобы разрушить союзъ и, конечно, отъ благоразумія румынъ зависитъ, чтобы это политическое положеніе было признано окончательною формою.

Излишне описывать правленіе Кузы; но въ Февралѣ 1866 года противъ него состоялся заговоръ и ему пришлось под-

писать свое отреченіе. Палаты избрали графа Фландрскаго, а когда этотъ отклонилъ предложеніе, то принцъ Карлъ Гогенцолернскій по общему согласію былъ избранъ правителемъ соединенныхъ княжествъ. Порта, на основаніи парижскаго трактата, протестовала противъ букарестскихъ событій и потребовала созыва конференціи. Взгляды державъ въ этомъ случаѣ разошлись: Россія предлагала посылку турецкаго коммисара въ Букарестъ въ сопровожденіи делегатовъ державъ; Порта требовала принудительныхъ мѣръ; французскій министръ оспаривалъ оба предложенія; Англія и Италія присоединились къ нему, Австрія же примкнула къ Россіи. Вслѣдствіе этого разногласія взглядовъ трудно было придти къ рѣшенію; представители Порты на конференціи требовали избранія временныхъ господарей для каждаго изъ княжествъ; между тѣмъ новоизбранный князь Карлъ Гогенцолернскій 22 Мая торжественно вступилъ въ Букарестъ. Французское правительство, со времени сверженія Кузы, стояло рѣшительно за сліяніе и избраніе иноземнаго князя, ссылаясь на выраженіе народной воли. Порта желала ввести въ княжество войска, но не рѣшалась сдѣлать этого шага безъ согласія державъ, а конференція не дала ей на то полномочія и единогласно постановила, что безъ согласія державъ поручительницъ Турція не должна вмѣшиваться. Тогда Порта отказалась отъ возраженій и требовала только исполненія формы, то есть, чтобы князь прибылъ въ Константинополь и получилъ отъ султана инвеституру.

Въ другихъ частяхъ турецкой имперіи христіанскія населенія готовились къ возстанію, ежели только въ княжествахъ дошло бы до вооруженнаго столкновенія; произошло возстаніе кандіотовъ, и на островъ посланы были значительныя силы. Французскій посолъ работалъ въ Константинополѣ и Букарестѣ надъ ускореніемъ разрѣшенія разногласій, и ему удалось убѣдить принца Карла предпринять

путешествіе въ столицу Турціи, гдѣ онъ немедленно по прибытіи былъ дружелюбно принятъ султаномъ и получилъ инвеституру на пожизненное княженіе въ Румыніи.

Эти событія въ княжествахъ разыгрались въ то время, когда Австрія была озабочена войною съ Пруссіей. Князь Карлъ, послѣ его избранія и признанія державами, отправилъ князя Стирбея въ Вѣну, и, благодаря Бейсту, между Австріей и Румыніей установились самыя дружескія отношенія. Важнѣйшій вопросъ—консульская юридикція—былъ не легко разрѣшимъ, потому что Австрія не желала лишать своихъ подданныхъ этой привиллегіи, и слѣдовало обсудить, представляютъ ли достаточныя гарантіи учрежденія княжества для правильнаго судопроизводства. Особенно пре дованіе евреевъ въ княжествахъ содѣйствовало тому чтобы смутить едва установившіяся добрыя отношенія. Бейстъ энергично вступился за евреевъ и не далъ себя увлечь представленіями и доказательствами молдо-валахскаго правительства. Подозрѣнія въ томъ, что Австрія стремится къ обладанію княжествами, онъ рѣшительно опровергнулъ и энергично требовалъ отказа отъ подозрѣній, высказанныхъ въ Яссахъ противъ австрійскаго консула а также вознагражденія евреевъ, пострадавшихъ отъ преслѣдованій, и добился удовлетворенія.

Хотя румынское правительство охраняло свои любезныя отношенія къ вѣнскому кабинету, но для Румыніи явилась новая непріятность, когда Австрія крѣпко побранила ее за равнодушіе, выказанное при видѣ формировавшихся отрядовъ волонтеровъ, предпринявшихъ въ 1868 году походъ въ Болгарію. Вѣнскій кабинетъ сдѣлалъ запросъ: „имѣетъ ли княжеское правительство желаніе и силу ненарушаемо поддерживать свои отношенія къ Портѣ.“ Казалось, что дѣло грозитъ серьезными послѣдствіями, потому что и въ Сербіи обнаружились признаки желанія пройдти къ разрыву съ Турціей. Бейстъ отнесся въ Берлинъ съ

особою сдѣлать серьезное увѣщаніе въ Букарестѣ, что-
тамъ не нарушали мира и спокойствія. Хотя Братіа-
оффиціально отрицалъ дако-румынскую фантазію и стрем-
ніе къ образованію обще—румынскаго царства, но убѣж-
ніе Бейста только укрѣпилось, когда оффиціозный „Рома-
лъ“ сталъ защищать попытки княжескаго правительства,
при этомъ называлъ болгаръ дорогими братьями. Вслѣд-
віе жалобъ Порты, Австрія высказала надежду, что бука-
естское правительство исполнитъ свои международныя
бязанности.

Относительно Сербіи въ австрійской политикѣ произо-
елъ полный переворотъ: сербское правительство воспольз-
лось распрями на Критѣ, вызвавшими на островѣ зна-
тельныя турецкія силы, чтобы потребовать отъ Порты
ищенія сербскихъ крѣпостей. Князь Михаилъ считалъ
то единственнымъ средствомъ для успокоенія народа: ка-
лось, что Сербія рѣшилась на разрывъ, если только въ
онстантинополѣ не выскажутъ уступчивости; распростра-
ась молва, что князь Михаилъ заключилъ съ Греціей и
ерногоріей оборонительный и наступательный союзъ; серб-
ія газеты повторяли крикъ: „крѣпости или война“. Все-
бщее замѣшательство на востокѣ имѣлось въ виду, и это-
у надо было помѣшать во что бы то ни стало; Франція
ятельно работала въ Константинополѣ, чтобы побудить
урокъ къ уступчивости и просила Австрію содѣйствовать ей.

Русскому послу Бейстъ также высказался въ духѣ, бла-
агопріятномъ для сербовъ, говоря, что развитіе автономіи
введеніе самоуправленія въ турецкихъ провинціяхъ, на-
леныхъ христіанами, составляетъ цѣль австрійской поли-
ки. Въ этомъ онъ заслужилъ полное одобреніе князя Гор-
акова.

„Это первый государственный дѣятель этой страны и
ашего вѣка, который отваживается сдѣлать опытъ ос-
авить почву мелкаго соперничества въ этомъ важномъ

вопросѣ. Мы можемъ только сочувствовать этому направленію"; такъ писалъ русскій канцлеръ послу въ Лондонъ 5 Декабря 1866 года.

Рѣшеніе Австріи давало рѣшительный толчекъ къ развязкѣ вопроса и встрѣтило сочувствіе у лорда Станлея. Порта, однако, оказалась неподатливой; въ обладаніи крѣпостей она видѣла остатокъ своего бывшаго господства надъ страною. Австрія убѣждала турокъ не отвергать безусловно сербскихъ требованій, и въ Бѣлградѣ совѣтовала дѣйствовать въ умѣренномъ духѣ.

Княжеская нота, переданная Ристичемъ великому визирю въ которой въ почтительномъ тонѣ высказывалась просьба султану объ уступкѣ крѣпостей, произвела въ Вѣнѣ хорошее впечатлѣніе, а еще болѣе того готовность князя Михаила отправиться лично въ Константинополь, ежели онъ только можетъ разсчитывать на исполненіе своего желанія.

Франція и Россія поддержали ходатайство сербовъ; къ нимъ присоединились Англія и Австрія, и 3 марта 1867 года великій визирь отправилъ Михаилу ноту, въ которой извѣщалъ, что Порта согласна передать Сербіи крѣпости, но подъ условіемъ, чтобы рядомъ съ сербскихъ флагомъ развѣвался и оттоманскій.

Бейстъ отвѣчалъ, что Австрія желала бы отыскать радикальное рѣшеніе вопроса, чтобы воспрепятствовать восточнымъ замѣшательствамъ, которыя смущаютъ европейскій миръ; она готова содѣйствовать, чтобы удержать Турцію отъ паденія, но не можетъ помѣшать своимъ симпатіямъ и поддержкѣ нѣкоторыхъ требованій христіанскихъ населеній; она имѣетъ значительный интересъ сохранить добрыя отношенія къ Сербіи и поэтому не станетъ поперекъ ея желаній, которыя можно согласить съ правами Порты хотя бы на томъ основаніи, чтобы не укрѣпить въ Бѣлградѣ убѣжденія, что только одинъ Петербургъ за-

о сербахъ. Обладаніе бѣлградской цитаделью есть
монстрація, тогда какъ сербы придаютъ сй боль-

ранилъ и впослѣдствіи это благосклонное
ъ Сербіи. Послѣ убіенія князя Михаила, ко-
вердая и цѣлесообразная политика заслуживала
полное одобреніе австрійскаго министра, образовалось вре-
менное правленіе, созвавшее скупщину, которая избрала
княземъ ближайшаго родственника Михаила, находившаго
ся въ то время на воспитаніи въ Парижѣ, князя Милана,
до его совершеннолѣтія учредила регенство, которое хо-
датайствовало предъ султаномъ о бератѣ для признанія
наслѣдственности новаго князя или, по крайней мѣрѣ, о
назначеніи его къ избранію.

Бейстъ поспѣшилъ дать поддержку этому желанію, ука-
зывая Портѣ, что и египетскій вице король, ставшій въ
большую независимость отъ султана, получилъ такую же
привиллегію, и интернунцію удалось при содѣйствіи Фран-
ціи отклонить великаго визиря отъ предложенія другаго
кандидата и выдать бератъ.

Не одно желаніе угодить сербамъ заставило Бейста
быть ихъ ходатаемъ; на Балканскомъ полуостровѣ обна-
ружились признаки сильнаго волненія, и опасеніе всеоб-
щаго возстанія было побудительною причиною вмѣшатель-
ства державъ; удовлетворяя сербовъ, отстраняли непосред-
ственную опасность, чтобы они не стали во главѣ движе-
нія. Но для поддержанія спокойствія являлась необходи-
мость произвести реформы, о которыхъ говорилось уже
много лѣтъ, а представленія державъ въ Константинополѣ
только тогда могли имѣть послѣдствія, когда бы состоя-
лось соглашеніе на счетъ средствъ исполненія. Француз-
скій кабинетъ обратился въ Вѣну съ предложеніемъ сооб-
щить ему взгляды Австріи на восточныя дѣла, такъ какъ
ей по близкому сосѣдству лучше знакомо положеніе дѣлъ.

Ей предлагалась инициатива въ отысканіи надлежащихъ средства къ умиротворенію востока, при чемъ указывалась необходимость въ „консультаціи докторовъ.“

Въ депешѣ отъ 1 Января 1867 года Бейст отвѣчалъ этому требованію яснымъ изложеніемъ. По его мнѣнію, на востокѣ предстояли большія опасности, ежели европейскія державы не рѣшатся ихъ предупредить. Спасительныя средства послѣднихъ лѣтъ оказались недѣйствительными; а съ 1856 года въ Европѣ произошли значительныя перемѣны: идея національности сдѣлала большія успѣхи и дастъ обитателямъ полуострова соблазнъ къ такому же тріумфу. Поэтому спрашивается, не наступило ли время для пересмотра парижскаго трактата. Для этой цѣли австрійскій министръ предлагалъ конференцію, назначеніемъ которой было бы урегулированіе нѣкоторыхъ пунктовъ, оставшихся неопредѣленными. На парижскомъ конгрессѣ права христіанскихъ народностей не твердо опредѣлены; правда, въ договорѣ 1856 года упоминается о гатти-гумайюнѣ, но это сказано въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ и не представляетъ никакой гарантіи. Отыскать эту гарантію составитъ обязанность конференціи, а послы державъ должны узнать взгляды и намѣренія Порть на счетъ ея различныхъ областей.

Этого, однако, недостаточно; надо еще заручиться содѣйствіемъ всѣхъ державъ. Достигнуть этого можно лишь въ томъ случаѣ, ежели положеніе русскаго кабинета относительно Турціи будетъ освобождено отъ разныхъ стѣсненій, которыя всѣ болѣе или менѣе фиктивны. Этими стѣсненіями, навязанными Россіи, поставили петербургскій кабинетъ въ недружелюбное настроеніе; на востокѣ же приходится имѣть дѣло со славянами; а потому относясь къ Россіи съ подобающимъ уваженіемъ, можно добиться ея содѣйствія въ разрѣшеніи вопросовъ.

Въ Вѣнѣ были убѣждены, что этимъ откровеннымъ изложеніемъ можно будетъ порвать съ прежними воззрѣніями и ввести новую политику. Еще въ 1859 году баронъ Вернеръ, ѣздивши въ Варшаву, высказалъ Горчакову убѣжденіе австрійскаго правительства, что положеніе, созданное Россіи трактатомъ 1856 года, вредно для Европы, потому что не даетъ возможности русскому правительству принимать въ общихъ дѣлахъ то участіе, которое ей принадлежитъ въ интересахъ мира и консервативной политики. Вѣнскій кабинетъ предлагалъ взять на себя инціативу предъ державами, подписавшими договоръ, для пересмотра парижскаго трактата въ смыслѣ уничтоженія пунктовъ, которые Россія считала для себя оскорбительными.

Предложеніе Бейста не встрѣтило сочувствія: западныя державы не были расположены отказаться отъ тѣхъ выгодъ, которыя имъ доставила дорого стоившая война, потому предложеніе Бейста осталось безъ послѣдствій. Въ Парижѣ и Лондонѣ подозрѣвали, что графъ Бейстъ стоитъ въ единомысліи съ русскимъ кабинетомъ; но какъ ни было ошибочно это мнѣніе, Бейстъ далъ ходъ своимъ обширнымъ планамъ, потому что намѣревался устроить съ Франціей и Россіей болѣе дружескія отношенія, чтобы выдти изъ того неблагопріятнаго положенія, которое создала Австріи въ 1866 году ея война съ Пруссіей, а также чтобы воспрепятствовать полному сліянію Германіи съ южно-нѣмецкими государствами. Возможность соглашенія на счетъ востока была выставлена для того, чтобы ослабить тѣсную связь Россіи съ Пруссіей.

Даже въ Петербургѣ предложеніе пересмотра трактата встрѣтило холодный пріемъ. Князь Горчаковъ нашелъ, что образъ дѣйствій Австріи поспѣшенъ, что онъ безъ нужды возбудилъ одозрительность Франціи, и что мысль конференціи для разрѣшенія вопросовъ востока неудовлетворительна. Русскій министръ слишкомъ хорошо зналъ настрое-

ніе Парижа и Лондона, чтобы дѣлать попытку снять пу наложенныя парижскимъ договорамъ. Онъ терпѣливо выжидалъ благопріятной минуты, когда можно будетъ безопасно выбросить за бортъ стѣснительныя условія, возникшія вслѣдствіе крымской войны.

31 Октября 1870 года, когда Франція была подавлена войной съ Германіей, появилась циркулярная депеша Горчакова къ державамъ съ объявленіемъ, что Россія не считаетъ себя болѣе связанною въ своихъ дѣйствіяхъ на Черномъ морѣ. Указывалось на то, что парижскій трактатъ съ 1856 года подвергся многимъ измѣненіямъ, которыя трудно было бы основывать на договорѣ, служащемъ основаніемъ взаимныхъ отношеній державъ. Въ Дунайскихъ княжествахъ совершился рядъ переворотовъ съ согласія Порты и съ одобренія Европы; только Россія возвысила свой голосъ, указывая, что державы становятся въ прямое противорѣчіе съ трактатомъ. Входы въ проливы и Черное мор были открыты для чужестранныхъ судовъ. Царь не можетъ de jure допустить, чтобы трактатъ, многократно нарушенный во многихъ статьяхъ, оставался бы обязательнымъ лишь въ тѣхъ пунктахъ, которые касаются его имперіи: царь не можетъ de facto согласиться, чтобы безопасность Россіи зависила отъ фикціи. При этомъ сообщалось, что императоръ Александръ ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ запутывать восточнаго вопроса; но, придерживаясь общихъ постановленій трактата, которыя опредѣляютъ положеніе Турціи въ европейскомъ концертѣ, готовъ условиться съ державами объ общемъ подтвержденіи пунктовъ договора, или объ его обновленіи.

Непредвидѣнный шагъ Россіи возбудилъ въ Англіи и Австріи раздраженіе; въ Лондонѣ и Вѣнѣ раздались голоса, совѣтовавшіе энергическое вмѣшательство, но кабинеты не выказали расположенія слѣдовать этому воинственному настроенію. Лордъ Гренвиль открылъ кампанію от-

вѣтомъ, въ которомъ осуждалъ поступокъ Россіи, но въ сущности не возставалъ противъ желанія ея, такъ какъ въ заключеніе предлагалъ русскому канцлеру совѣты. „Если бы вмѣсто подобнаго объявленія“, говорилось въ его нотѣ, „русскій кабинетъ представилъ контрагентамъ трактата 1856 года свое желаніе обсудить, не произошло ли нарушенія этаго акта; или если бы другимъ способомъ было указано на измѣнившіяся обстоятельства, или если бы постановленіе о полномъ покровительствѣ Турціи оказывалось ненужнымъ, то англійское правительство не отказалось бы сообща съ другими державами обсудить вопросы“.

Съ той же точки зрѣнія, но только въ болѣе рѣзкой формѣ составленъ былъ отвѣтъ имперскаго канцлера. Въ особой депешѣ отъ 20 Октября русскій канцлеръ ссылался на прежніе мнѣніе Австріи о вредѣ, наносимомъ Россіи парижскимъ трактатомъ, и на то, что Бейстъ, при вступленіи своемъ въ должность австрійскаго министра, дѣлалъ предложенія объ измѣненіи условій, и затѣмъ въ 1869 году, при встрѣчѣ обоихъ канцлеровъ въ Уши, былъ проникнутъ тѣми же взглядами. Въ отвѣтъ на это Бейстъ указалъ на великую разницу между одностороннимъ, самовольнымъ поступкомъ Россіи и законнымъ уничтоженіемъ договора по общему согласію всѣхъ участвовавшихъ въ немъ, и указалъ на послѣдствія подобнаго шага. „На востокѣ этотъ опытъ самосуда будетъ понять какъ доказательство того, что наступила минута рѣшенія вопроса, называемаго восточнымъ; пылкое воображеніе христіанъ востока усмотритъ въ этомъ самое дѣйствительное поощреніе“.

Какъ кажется, австрійскій кабинетъ опасался непосредственнаго вліянія этого шага на Дунайскія княжества и Сербію, и отнесся къ нимъ съ горячимъ убѣжденіемъ не слѣдовать неосмотрительной политикѣ, такъ какъ Ав-

стрія твердо рѣшилась не допускать нарушенія постановленій европейскихъ державъ.

Ноты англійскаго и австрійскаго кабинетовъ, хотя и выставляли къ позорному столбу русскія претензіи, тѣмъ не менѣе, обнаруживали готовность допустить исполненіе желанія сѣверной державы. Россія превосходно выбрала минуту: Франція была неопасна; на счетъ Австріи и Англіи полагали, что онѣ не возьмутся за оружіе изъ за нарушенія одного пункта; а на согласіе Пруссіи разсчитывали съ увѣренностью, потому что услуга, оказанная нѣмецкому дѣлу Александромъ II и его канцлеромъ въ франко-германской войнѣ, была слишкомъ велика; наконецъ юное итальянское королевство, овладѣвъ Римомъ, само нуждалось въ снисхожденіи Европы. Бисмаркъ взялъ на себя иниціативу направленія этого вопроса на прямой путь. Онъ высказалъ, что положеніе Пруссіи значительно рознится отъ другихъ державъ, подписавшихъ трактатъ 15 Апрѣля 1856 года; Англія, Франція и Австрія гарантировали въ немъ цѣлость и независимость турецкой имперіи, но Пруссія въ немъ не приняла участія, и, подписавъ договоръ 30 Марта, только обязалась заботиться о независимости и цѣлости Турціи. Теперь же рѣчь идетъ не о цѣлости и независимости Турціи, и для Пруссіи изъ трактата не вытекаетъ никакихъ особыхъ обязательствъ, но только право требовать отъ другихъ участниковъ договора исполненія обязательствъ. Слѣдуетъ ли теперь воспользоваться этимъ правомъ въ видахъ національныхъ интересовъ Германіи? на счетъ эгаго канцлеръ спроситъ мнѣніе участниковъ союза.

Ноября 26 Бисмаркъ предложилъ собрать конференцію, которая исходила бы изъ русскаго циркуляра 19—31 Октября. Англія еще прежде дала свое согласіе, а согласіе Россіи было несомнѣнно. Всѣ державы скоро къ этому присоединились и позднѣе всѣхъ Австрія. Тур

лала затрудненій; Игнатьевъ доказалъ великому визирю, что съ отказомъ отъ нейтралитета Чернаго моря уничтожится послѣдняя помѣха дружескому согласію между Россіей и Портой и изчезнетъ восточный вопросъ. Турецкій посолъ въ Петербургѣ выслушалъ отъ царя мирныя увѣренія, и Порта выказала расположеніе отказаться отъ нейтрализаціи Чернаго моря съ тѣмъ, чтобы не поднимали другихъ вопросовъ парижскаго договора. Къ концу года можно было съ увѣренностью разсчитывать, что на конференціи спорный вопросъ будетъ рѣшенъ въ смыслѣ желаній Россіи. Графъ Бейстъ предложилъ было особое соглашеніе между Англіей, Австріей и Италіей, а также Портой, но лордъ Гренвиль, въ виду исключенія изъ него Пруссіи, отклонилъ эту мысль.

Попытка Бейста порвать прежнюю восточную политику Австріи и направить ее на новый путь, производилась преимущественно вслѣдствіе соображеній его съ состояніемъ политики западно-европейскихъ державъ. Въ этомъ отношеніи онъ мало чѣмъ отличался отъ своихъ предшественниковъ; востокъ стоялъ у него на второмъ планѣ, и онъ выказывалъ готовность поддерживать стремленія Россіи, когда ему на западѣ представлялось равносильное вознагражденіе. Великіе успѣхи германскаго оружія въ 1870 году уничтожили всѣ надежды затормозить историческій ходъ событій.

Ежели по Пражскому миру Австрія формально отказалась отъ своего первенствующаго положенія въ Германіи, то грозныя побѣды нѣмцевъ во французской странѣ надолго утвердили этотъ порядокъ дѣлъ. Ни въ Италіи, ни въ Германіи потерянаго положенія возвратить было уже нельзя; а назначеніе венгерскаго министра-президента Андраши на должность министра иностранныхъ дѣлъ дало серьезное направленіе той восточной политикѣ, которую по временамъ пробовалъ Бейстъ.

Отношенія къ сѣверной державѣ сдѣлались холодными, а дружба съ новой германской имперіей не осталась безъ вліянія на соперничество Австріи съ Россіей. Невыразимая натянутость отношеній къ Россіи, которую засталъ графъ Андраши, была почти отстранена стараніями германскаго канцлера, и при свиданіи Андраши съ Горчаковымъ въ Берлинѣ, между ними состоялся обмѣнъ мыслей, который доставилъ успокоеніе тѣмъ, что извѣстныя панславистскія тенденціи, выражавшіяся по временамъ въ Россіи, не встрѣчаютъ поддержки во вліятельныхъ сферахъ Петербурга. Князь Горчаковъ въ своихъ объясненіяхъ съ австрійскимъ министромъ говорилъ о необходимости улучшенія участи христіанскихъ населеній Турціи, и, конечно не могъ въ этомъ встрѣтить противорѣчія. Петербургскій кабинетъ всегда умѣлъ показывать безкорыстіе до тѣхъ поръ, пока не наступала благопріятная минута для возврата его на прежній путь традиціонной политики.

Неподвижность въ восточной политикѣ также не была въ намѣреніяхъ Андраши. Появлявшіяся въ феодальныхъ княжествахъ стремленія къ окончательному разрыву зависимости отъ Порты отвѣчали интересамъ Австріи; но тутъ играла роль не политическая цѣль, а матеріальные интересы. Промышленность и торговля Австріи настоятельно требовали принятія энергическихъ мѣръ, чтобы оградить ихъ отъ конкуренціи Англіи и Франціи на балканскомъ полуостровѣ и, въ особенности, въ Дунайскихъ княжествахъ, благосостояніе которыхъ въ послѣднее десятилѣтіе сдѣлало большіе шаги.

Противъ права княжествъ заключать съ иностранными державами торговые договоры, ясно говорилъ султанскій фирманъ къ князю Кузѣ; но ему противорѣчилъ 28 пунктъ парижскаго трактата, гдѣ говорилось, что княжество Сербіи будетъ имѣть полную свободу вѣры, свое законодательство, торговлю и судоходство, и въ подобномъ же

смыслѣ говорилъ 23 пунктъ, касающійся княжествъ. Это опредѣленіе, какъ объяснялъ Андраши, не ставитъ никакого различія между внутреннею и внѣшнею торговлею; если бы державы имѣли въ виду ограниченіе самостоятельной торговли, то было бы сказано, что торговый трактатъ съ Портою имѣетъ силу и для феодальныхъ княжествъ.

Хотя графъ Андраши считалъ права Порты сомнительными, но онъ не имѣлъ намѣренія ихъ оспаривать, а хотѣлъ только ходатайствовать въ Константинополѣ о предоставленіи феодальнымъ княжествамъ права заключать договоры, подобно тому какъ это было сдѣлано для Египта въ 1873 году. Австрійскій министръ отнесся къ прочимъ державамъ, подписавшимъ парижскій договоръ, чтобы узнать ихъ взгляды. Дерби съ своей стороны отклонилъ всякое давленіе на Порту для уступки по этому вопросу, но объявилъ, что не противится, ежели Австрія и Германія будутъ въ этомъ смыслѣ настаивать въ Константинополѣ. Порта сдѣлала возраженія противъ химерическихъ проектовъ вассальныхъ княжествъ, и въ тоже время Румынія въ меморандумѣ ловко высказала свое право на заключеніе договоровъ. Австрія, Россія и Пруссія поддержали румынскій взглядъ. Лордъ Дерби вполнѣ оправдалъ Порту, но въ то же время совѣтовалъ ей быть уступчивѣе, чтобы прекратить въ Букарештѣ всякія поползновенія къ независимости.

Въ виду сопротивленія Порты, Австрія рѣшилась сообща съ Германіей и Россіей представить въ Константинополѣ декларацію, что онѣ считаютъ себя вправѣ заключать непосредственно съ Дунайскими княжествами сдѣлку. Порта высказала жалобу на поступокъ трехъ сѣверныхъ державъ, утверждая, что необходимо ея предварительное согласіе, хотя давала понять, что она не прочь предоставить княжествамъ просимое право. Въ этомъ дѣлѣ Пруссія имѣла въ виду только угодить Австріи, Россія же готова

была идти по пути нарушенія парижскаго трактата. Въ англійскомъ парламентѣ стремленія Австріи подверглись сильнѣйшему порицанію. Но австро-румынская торговая конвенція затѣмъ была приведена въ порядокъ, и европейская дипломатія обратила свое вниманіе на другіе, болѣе значительные вопросы.

Уже нѣсколько лѣтъ между кабинетами время отъ времени поднимался вопросъ объ улучшеніи положенія христіанъ въ Турціи. Англійскіе министры были въ особенности убѣждены, что Портѣ удастся произвести административныя и судебныя реформы и вступить полноправно въ общую систему европейскихъ державъ, закрывъ поводъ къ вмѣшательству во внутреннія дѣла Турціи. Пальмерстонъ былъ главнымъ поборникомъ этого направленія. Свѣдѣнія послѣднихъ лѣтъ указывали, однако, на усиленіе затрудненій въ исполненіи реформъ; недовольство было всеобщее, магометане негодовали противъ уравненія съ ними правъ христіанъ; эти, напротивъ, не вѣрили обѣщаніямъ Порты. Хотя въ принципѣ была установлена равноправность христіанъ съ магометанами, но въ отдаленныхъ провинціяхъ, гдѣ вліяніе министровъ Порты было слабо, выяснился недостатокъ сознанія у османовъ необходимости справедливыхъ отношеній ко всѣмъ гражданамъ. Потоки крови въ Ливанѣ вывели даже туркофиловъ изъ заблужденія въ возможности возвратить Портѣ силы и способность исполнить обѣщанія, данныя въ гатти-гумайюнѣ.

Россія стояла на стражѣ неустанно, чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ указывать на безосновательность турецкихъ обѣщаній, и настаивать на необходимости положить конецъ грустному положенію христіанскаго населенія. Англійскіе министры также возвысили голосъ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ дѣлали замѣчанія турецкому правительству, когда его усердныя настоянія оставались безъ исполненія. Россія внесла предложеніе о составленіи раз-

слѣдовательной коммисіи и расширеніи вмѣшательства державъ въ пользу христіанъ. Предложеніе это, сдѣланное лѣтомъ 1860 года, нашло лорда Русселя расположеннымъ примкнуть къ нему, и это имѣло тѣмъ болѣе значенія, что Англія какъ бы нарушала постановленіе парижскаго трактата.

Вслѣдствіе русскаго предложенія, въ Константинополѣ рѣшились уполномочить великаго визиря отправиться въ провинціи, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, и затѣмъ ввести необходимыя реформы, но Мегеметъ Киприсли-паша былъ отозванъ въ Константинополь прежде, чѣмъ окончилъ свою миссію, и сэръ Генрихъ Бульверъ, на свой запросъ объ основаніяхъ подобной отмѣны, получилъ извѣщеніе, что по причинѣ поздняго времени года дороги стали непроходимы. Тогда въ Лондонѣ рѣшились выработать планъ реформъ и предложить его конференціи уполномоченныхъ; но единство взглядовъ лондонскаго и петербургскаго кабинетовъ было разстроено ихъ различными мнѣніями въ критскомъ вопросѣ. Къ тому же, Россія была отвлечена отъ восточныхъ дѣлъ польскимъ возстаніемъ, и только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ возвратилась къ предложеніямъ, сдѣланнымъ ею въ 1860 году.

Хотя Портѣ удалось затушить критское возстаніе въ потокахъ крови, но во всѣхъ частяхъ оттоманской имперіи чувствовалось возбужденіе, и всеобщее возстаніе христіанскаго населенія составляло лишь вопросъ времени. Уже лѣтомъ 1873 года появились первые признаки безпокойства, съ конца же 1874 и начала слѣдующаго года обнаружилось недовольство въ Герцеговинѣ, вызванное жестокими взысканіями налоговъ. Это повело въ Невесиньѣ и Билекѣ къ возстанію райи противъ магометанъ-землевладѣльцевъ, а эти взялись за оружіе для наказанія христіанскаго населенія. Авторитетъ правительства оказался безсильнымъ для успокоенія беговъ; обѣ стороны вооружи-

лись; движеніе принимало ежедневно все большіе размѣры. возстаніе охватило сосѣдніе округа; изъ Сербіи и Черногоріи приходили помощники; въ концѣ Іюля возстаніе приняло уже правильную организацію, и образовался центральный комитетъ для освобожденія райи. Губернаторъ Босніи, Дервишъ-паша имѣлъ, подъ рукою всего нѣсколько тысячъ человѣкъ низама, съ которыми онъ не надѣялся овладѣть движеніемъ, и настойчиво просилъ о присылкѣ войска. Медлительность турокъ была виною того, что мѣры противодѣйствія, указываемыя пашею, не были приняты съ достаточною быстротою, и просимая помощь прибыла не во время и не въ должномъ количествѣ.

Австрія относилась къ возстанію пассивно и желала склонить Россію къ тому же воззрѣнію. Баронъ Жомини соглашался съ этимъ, но высказывалъ опасеніе, что Портѣ не легко удастся, не смотря на примирительное настроеніе дипломатовъ, успокоить возбужденныя страсти. Чрезъ нѣсколько дней Новиковъ получилъ порученіе указать вѣнскому кабинету на опасности, которыми угрожаетъ возстаніе, ежели Турціи не удастся сильнымъ ударомъ подавить движенія. Къ этому русское правительство присовокупляло предложеніе общаго дѣйствія трехъ великихъ сѣверныхъ державъ для успокоенія христіанскаго населенія. Предложеніе состояло въ оффиціозномъ посредничествѣ; слѣдовало предложить Портѣ отмѣну принятыхъ насильственныхъ мѣръ, побудивъ ее успокоить населенія увѣдомленіемъ христіанъ о введеніи улучшеній. Съ другой стороны улучшенія эти надлежало поставить подъ моральную гарантію державъ. Въ Петербургѣ были расположены избрать Вѣну центромъ соглашенія, чтобы договориться о необходимыхъ шагахъ со стороны Россіи, Германіи и Австро-Венгріи. Единство было скоро достигнуто; державамъ надлежало дѣйствовать въ примирительномъ смыслѣ, и для того требовать отъ Порты содѣйствія, избѣгая всего, что

могло вредить значенію и достоинству турецкаго правительства. Послы Франціи и Италіи, извѣщенные о намѣреніяхъ трехъ державъ, высказали свое одобреніе и готовность дѣйствовать въ томъ же духѣ; посланникъ Англіи, сэръ Элліотъ, отказался отъ возраженій и также примкнулъ къ представителямъ прочихъ державъ, послѣ того, какъ сама Порта просила его не оставаться безучастнымъ. Въ состоявшемся 22 Августа засѣданіи совѣта турецкихъ министровъ предложенія трехъ державъ были окончательно приняты безъ измѣненій, и Серверъ-паша назначенъ комиссаромъ со стороны Порты.

Австрія отъ себя назначила генеральнаго консула Васича, который долженъ былъ объяснить инсургентамъ, что они не могутъ разсчитывать на помощь трехъ державъ и имъ слѣдуетъ обратиться къ комиссару Порты съ изложеніемъ своихъ жалобъ. Серверъ-паша издалъ прокламацію къ населенію Герцеговины, въ которой приглашалъ жителей приносить ему свои жалобы. Васичъ имѣлъ переговоры съ предводителями инсургентовъ, но всѣ его убѣжденія были напрасны; повстанцы отказывались вести съ комиссаромъ Порты переговоры на турецкой землѣ, и не давали никакой вѣры его обѣщаніямъ, но Васичу высказали слѣдующія требованія: перемиріе, переговоры съ консульскою комиссіею въ присутствіи турецкаго комиссара на счетъ реформъ, и наконецъ гарантія державъ въ ихъ исполненіи. Нѣсколько дней спустя, инсургенты потребовали судебныхъ и административныхъ реформъ, которыя бы сравняли ихъ съ жителями другихъ государствъ. Второго Октября появился циркуляръ великаго визиря, которымъ прощались всѣ старыя подати до 1873 года и ручались за взиманіе лишь $2^1/_2{}^0/_0$ дохода, а также обезпечивались всѣ религіозныя вѣрованія. Впечатлѣніе циркуляра на консуловъ было благопріятное, и, по донесенію

Васича, ожидалось, что населенія, остававшіяся спокойными, будутъ держать себя въ сторонѣ отъ инсургентовъ.

Между тѣмъ въ слѣдующія недѣли возстаніе потребовало большихъ военныхъ силъ отъ Порты, и борьба не прекращалась до зимы. Безъ сомнѣнія, инсуррекцію удалось бы низвергнуть скоро, если бы Порта выслала въ Герцеговину достаточное количество войскъ; но въ Турціи всему дѣлу придавали мало значенія.

Въ это время, однако, въ Турціи произошли событія, охладившія къ ней симпатіи Европы. Порта сдѣлала постановленіе объ уплатѣ процентовъ по турецкому государственному долгу лишь въ половинномъ размѣрѣ, а на другую половину предназначался выпускъ новыхъ процентныхъ бумагъ. Это уже было своего рода банкротство, и довѣріе въ платежную способность Турціи сразу пошатнулось. Къ этому присоединилось убійство консула въ Салоникахъ, что показало состояніе имперіи въ самомъ жалкомъ свѣтѣ.

Въ Сербіи и Черногоріи появились признаки желанія примкнуть къ инсуррекціи, и казалось, что всѣ христіанскіе народы полуострова намѣрены сообща дѣйствовать противъ турецкаго владычества. Графъ Андраши задался цѣлью воспрепятствовать этому. Движеніе слѣдовало поставить въ тѣсныя рамки, принявъ такія мѣры, чтобы въ будущемъ такія событія не могли возобновляться. Прежде всего надлежало направить дѣятельность на то, чтобы удержать Сербію и Черногорію отъ участія въ движеніи, доставивъ Портѣ возможность одолѣть возстаніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ обязать послѣднюю дать христіанскому населенію въ возмутившихся областяхъ удовлетворительныя учрежденія.

Въ началѣ австрійскій министръ опасался ставить Портѣ опредѣлительныя требованія; можетъ быть даже онъ вовсе воздержался бы выступать съ рѣшительными пред-

ложеніями, если бы изъ Петербурга не явилось требованіе, чтобы со стороны державъ сдѣланъ былъ шагъ въ пользу христіанъ. Хотя султанскій ираде второго Октября и сулилъ облегченіе налоговъ, равноправность суда и улучшеніе администраціи, но на это изъ Петербурга замѣтили, что подобныя благія намѣренія султана часто высказывались и донынѣ оставались безъ послѣдствій.

Андраши было поручено веденіе всего дѣла. Онъ находилъ несообразнымъ предоставить Босніи такое же положеніе, какое было дано Сербіи и Дунайскимъ княжествамъ; населеніе ея, состоящее въ ровной мѣрѣ изъ христіанъ и магометанъ, трудно было бы отдать въ управленіе христіанскаго князя. Также предоставленіе нѣкоторыхъ участковъ въ пользу Сербіи или Черногоріи не было бы подходящимъ рѣшеніемъ. Предложеніе Порты успокоить взволнованное населеніе лишь въ матеріальномъ отношеніи, то есть, облегченіемъ налоговъ, также никого не удовлетворяло; этимъ способомъ нельзя было добиться умиротворенія райи; ея общественное положеніе требовало улучшенія. Свободное исповѣданіе вѣры все еще не было примѣнено; ограниченія, которымъ подвергались постройки церквей и школъ, запрещеніе употреблять колокола и тому подобное доказывали, что христіанская религія ни по закону, ни на дѣлѣ не стояла на равной ногѣ съ магометанской религіей. Требованія державъ прежде всего должны были быть направлены на улучшенія въ этомъ смыслѣ. Затѣмъ являлся земельный вопросъ; въ 1851 году въ Босніи и Герцеговинѣ крѣпостное состояніе было уничтожено, но положеніе крестьянъ отъ того не улучшилось. По мнѣнію Андраши, правительство должно было доставить населенію средства подобно тому, какъ это было дано въ Болгаріи. Обложеніе земли налогами требовало урегулированія. Свидѣтельскія показанія христіанъ были еще въ 1856 году выговорены и допущены въ Стамбулѣ и большихъ

городахъ имперіи, но въ Босніи и Герцеговинѣ правители ихъ отказывались придавать имъ значеніе. Однимъ словомъ, полное введеніе основаній, принятыхъ вѣнскимъ протоколомъ и парижскимъ миромъ, представляло единственное средство улучшить положеніе христіанскаго населенія.

Австрійскій кабинетъ выказывалъ также необычайную готовность противодѣйствовать распространенію возстанія. Великій визирь отнесся къ графу Зичи съ просьбою серьезно подѣйствовать на черногорскаго князя въ смыслѣ сохраненія имъ нейтралитета. Немедленно послѣдовало изъ Вѣны въ Цетинью внушеніе избѣгать всякаго столкновенія, и австрійскій повѣренный въ Черногоріи получилъ опредѣлительныя инструкціи въ этомъ смыслѣ.

Турецкіе министры пришли къ заключенію издать султанскій ираде для введенія въ возмутившихся провинціяхъ ряда реформъ, прежде чѣмъ послѣдуетъ о томъ предложеніе европейскихъ державъ; и 12 Декабря появился фирманъ, который предписывалъ совершить реформы въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ Турціи. Для приведенія ихъ въ исполненіе былъ составленъ комитетъ, который подъ предсѣдательствомъ великаго визиря долженъ былъ обсудить способы примѣненія реформъ. Предполагалось послать въ провинціи особыхъ чиновниковъ для наблюденія за точнымъ исполненіемъ мѣръ, а въ Константинополь должны были быть вызваны повѣренные сословій изъ различныхъ провинцій, и жалобы ихъ подлежать разбору комитета.

Мѣры, самостоятельно принятыя Портою, не заставили, однако, вѣнскій кабинетъ прекратить задуманную имъ работу. 26 Декабря въ Петербургъ былъ сообщенъ проектъ ноты, на который испрашивали согласія. Въ запискѣ приводилось мнѣніе, что ираде 2 Октября и фирманъ 12 Декабря содержатъ рядъ принциповъ, практическое примѣненіе которыхъ произвело бы значительное улучшеніе въ

управленіи, но все же не остановитъ кровопролитія; а между тѣмъ успокоеніе возставшихъ провинцій стоитъ на первомъ планѣ. Портѣ слѣдуетъ рекомендовать дополнить свою программу такими мѣрами, которыя бы скорѣе возстановили миръ и порядокъ. Послѣдній фирманъ не идетъ далѣе уступокъ прежняго гатти-гумайюна и не въ состояніи удовлетворить христіанъ, такъ какъ религіозная свобода все еще подвержена ограниченіямъ; между тѣмъ она составляетъ первую существенную уступку, которую должны требовать державы-поручительницы. Отдача на откупъ налоговъ требуетъ измѣненія; еще въ 1856 году прямой сборъ налоговъ былъ поставленъ въ непремѣнное условіе. Фирманъ 12 Декабря, конечно, содержитъ указаніе о пріисканіи способа равномѣрности распредѣленія ихъ, но онъ не отмѣняетъ откупной системы, а это то именно и нужно сдѣлать въ Босніи и Герцеговинѣ. Земледѣльческій классъ также требуетъ рѣшительной помощи.

Реформы, предложенныя графомъ Андраши, основывались на тѣхъ же принципахъ, которые Порта высказывала въ своихъ манифестахъ, но они были рѣзче и яснѣе изложены. Время до весны должно было употребить на приведеніе въ исполненіе предложеній австрійскаго министра, чтобы помѣшать оживленію инсуррекціи; можно было опасаться, что съ весны къ ней примкнутъ новые элементы, и если бы возникло движеніе въ Болгаріи и Критѣ, то и Сербія съ Черногоріей не въ силахъ были бы противиться всеобщему стремленію. Единственное средство отстранить новыя усложненія состояло, по мнѣнію вѣнскаго кабинета, въ изданіи объявленія отъ имени державъ, которое бы ясно излагало непремѣнную ихъ волю остановить движеніе.

Депеша 30 Декабря 1875 года о реформахъ получила одобреніе Россіи и Пруссіи. Въ Петербургѣ ни минуты не задумались присоединиться къ программѣ, развитой Австріей; русская дипломатія не обманывалась на счетъ даль-

нѣйшей судьбы депеши; ей было ясно, что восточный вопросъ покатится, какъ слѣдуетъ, и она уже предчувствовала минуту, когда руководство имъ перейдетъ къ ней. До тѣхъ же поръ она охотно предоставляла австрійскому министру честь идти во главѣ европейскихъ державъ. Кабинеты парижскій, римскій и лондонскій были приглашены къ содѣйствію.

Изъ италіанской столицы получилась чрезъ пять дней телеграфическая депеша, что римскій представитель въ Константинополѣ примкнетъ къ императорскимъ. Въ Парижѣ также предложеніе было принято, и герцогъ Деказъ сдѣлалъ только возраженіе противъ назначенія части доходовъ на исключительныя потребности Босніи и Герцеговины, находя это вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Турціи, и что государственной казнѣ, а слѣдовательно и кредиторамъ Порты, этимъ нанесутъ ущербъ.

Англійскій отвѣтъ заставилъ себя ждать, а Порта дѣлала видъ, что хочетъ отвергнуть ноту. ежели она будетъ представлена коллективно или въ однообразной формѣ; тогда графъ Андраши внесъ нѣкоторое измѣненіе въ предложеніе. Нота должна была имѣть значеніе памятной записки; а чтобы отнять у нея единообразный видъ, было достаточно, чтобы Австрія, Россія и Германія сообщили Портѣ ея содержаніе, въ то время, какъ другія державы внесутъ въ нее нѣкоторыя измѣненія.

Лордъ Дерби потратилъ не мало времени на размышленіе о нотѣ, выказавшись разсудительнымъ и осторожнымъ. „А что будетъ, ежели Порта отклонитъ предложеніе“? спрашивалъ онъ австрійскаго посланника. „Въ томъ положеніи, въ какомъ находится Порта, она не отклонитъ его“ отвѣчалъ Бейстъ.„ А ежели Порта окажется сговорчивой, а инсургенты откажутся отъ всѣхъ реформъ и потребуютъ независимости“? возразилъ снова Дерби. Упорство англійскаго премьера трудно было преодолѣть; только

высказанное Портою желаніе участія Англіи убѣдило англійскій кабинетъ высказаться о поддержкѣ ноты; Порта же надѣялась, что участіе Англіи въ предложеніяхъ будетъ дѣйствовать примирительнымъ образомъ на прочія державы.

Русскій канцлеръ внесъ существенный оттѣнокъ въ направленіе переговоровъ: Андраши предлагалъ прочтеніе Дивану реформенной ноты и оставленіе съ нея копіи, но Горчаковъ высказалъ, что этимъ нельзя удовольствоваться, а слѣдуетъ получить отвѣтъ Порты съ обѣщаніемъ, что реформы будутъ осуществлены. Въ послѣднихъ числахъ Января 1876 года состоялась, наконецъ, пересылка ноты въ Константинополь; австрійскія предложенія заслужили одобреніе Порты, и 13 Февраля послѣдовало принятіе ихъ, о чемъ Решидъ-паша и извѣстилъ письменно.

Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ могъ гордо поднять голову: благодаря нотѣ о реформахъ, графъ Андраши впервые обнаружилъ свою способность къ руководству внѣшними событіями, которая доселѣ нерѣдко подвергалась язвительнымъ замѣчаніямъ за ея дилетантизмъ. Этимъ актомъ онъ сразу заставилъ молчать завистниковъ.

Желанія Порты встрѣтили также въ Вѣнѣ полную поддержку. Все, что можно было сдѣлать, чтобы повліять на инсургентовъ, было обѣщано. Васичъ и другіе консулы въ Босніи и Герцеговинѣ получили предписаніе увѣщевать повстанцевъ. Родичъ по порученію императора лично отправился въ Цетинью, чтобы поставить повелителю Черной горы требованіе не давать инсургентамъ никакой поддержки; въ Бѣлградѣ говорено было въ томъ же духѣ. Князь Никита выказалъ много доброй воли поддерживать мирныя стремленія европейскихъ державъ, и только отнесся къ Родичу съ просьбою переговорить съ собраніемъ вождей инсуррекціи. Штатгалтеръ Далмаціи получилъ изъ Вѣны полномочіе отправиться съ этою цѣлью въ Сутторину, такъ какъ въ Вѣнѣ сознавали, что подобный шагъ

облегчитъ положеніе черногорскаго князя. На этомъ основаніи отнеслись и къ Портѣ съ совѣтомъ воздержаться отъ нападенія на инсургентовъ, которые собрались и укрѣпились по близости Клека. Только если бы тѣ отказались войти въ переговоры съ турецкими властями, можно было начать противъ нихъ военныя дѣйствія. Порта согласилась на это.

Свиданіе Родича съ инсургентами состоялось 6 Апрѣля. Послѣ исчисленія подготовляющихся реформъ, фельдцейхмейстеръ высказалъ, что Порта никогда не оспаривала ихъ необходимости, теперь же она обязалась предъ великими державами, и въ особенности предъ Австріей, ввести ихъ въ жизнь. Вопросъ теперь уже не въ томъ, желаетъ или нѣтъ этого Турція; она должна удовлетворить требованія державъ. Родичъ въ своей ловкой рѣчи высказалъ, что Австрія не оставитъ босняковъ и герцеговинцевъ на произволъ судьбы, если они обратятся къ мирному настроенію.

Но повстанцы не поддались на краснорѣчіе, и пункты, выставленные въ нотѣ о реформахъ, ихъ не удовлетворили; Родичъ получилъ отъ нихъ записку, въ которой были формулированы ихъ условія. Герцеговинцы желали сдѣлаться собственниками по крайней мѣрѣ третьей части земельныхъ участковъ, и чтобы турецкое правительство имѣло право держать гарнизоны только въ Мостарѣ, Столачѣ, Требиньѣ, Никшичѣ, Плевлѣ и Фокѣ. Далѣе требовалась выстройка сожженныхъ домовъ и церквей, продовольствіе на годъ, орудія для обработки полей и освобожденіе отъ всѣхъ податей со дня возвращенія въ домы. Христіанское населеніе не должно было оставлять оружія до тѣхъ поръ, пока реформы не будутъ введены; для наблюденія же за правильностью дѣйствій администраціи, въ шести вышеименованныхъ пунктахъ должны будутъ находиться австрійскій и русскій агенты.

Такъ великолѣпно проведенный дипломатическій актъ разбился о сопротивленіе кучки инсургентовъ; они обманули всѣ ожиданія, и хотя укротить ихъ Порта могла бы безъ особаго труда, но прошло бы нѣсколько мѣсяцевъ прежде, чѣмъ усмирять возмущеніе въ мало-доступныхъ горныхъ мѣстностяхъ; а тутъ со стороны Сербіи являлась опасность. Незначительный князь небольшой страны къ величайшему удивленію не обратилъ никакого вниманія на увѣщанія графа Андраши, который не упускалъ случая возвышать свой миротворный голосъ.

Еще лѣтомъ 1875 года князю Милану сильно хотѣлось броситься въ объятія омладины. Въ Августѣ праздновалъ онъ въ Вѣнѣ свое обрученіе съ русской княжной Наталіей, и, пользуясь пребываніемъ въ австрійской столицѣ, освѣдомлялся, что думаютъ о сербскихъ военныхъ проектахъ? Графъ Андраши не оставилъ ему на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Миланъ объявилъ, что признаетъ вѣсъ высказанныхъ министромъ доводовъ, но что онъ стоитъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія въ Сербіи, гдѣ волненіе достигло высшей степени. Въ Бѣлградѣ показываются отряды волонтеровъ въ фантастическихъ мундирахъ, чтобы возбудить въ народѣ желаніе войны. Князь не увѣренъ, чтобы скупщина не дала себя увлечь на какія либо крайніе поступки. Андраши возразилъ, что князю остается одно средство: подавить неблагоразумныя увлеченія. Онъ можетъ вступить въ объясненія съ народнымъ представительствомъ и сказать нѣчто въ родѣ слѣдующаго: „Въ 1870 году другое народное собраніе настойчиво взывало къ войнѣ противъ сосѣдней державы. Монархъ поддался увлеченію народныхъ представителей; этотъ монархъ былъ Наполеонъ III, а результатомъ его уступчивости были Седанъ и паденіе второй имперіи“. Графъ Андраши обманывался однако, полагая, что примѣръ событія съ французскимъ императоромъ подѣйствовалъ на Милана.

Въ Сербіи еще недостаточно созрѣли тогда условія, при которыхъ можно было бы приступить къ давно задуманнымъ планамъ; приготовленія къ вооруженію требовали значительнаго времени, и Миланъ полагалъ, что въ этотъ промежутокъ Андраши измѣнитъ свои взгляды. Согласіе Россіи вѣсило болѣе, чѣмъ увѣщанія австрійскаго кабинета, а на Петербургъ князь Миланъ могъ съ увѣренностью разсчитывать. Въ день возвращенія его изъ Вѣны, въ Бѣлградѣ получена была отъ великаго визиря телеграмма съ вопросомъ: правда-ли, что въ Сербіи, вслѣдствіе герцоговинскаго возстанія, царствуетъ сильное возбужденіе, и какія мѣры приняты сербскимъ правительствомъ? Князь далъ на это уклончивый отвѣтъ, но въ то же время увѣдомилъ принца Вреде, что возбужденіе страны сильно увеличилось за время пребыванія его въ Вѣнѣ, и что онъ теперь стоитъ предъ скупщиной, которая совершенно подъ вліяніемъ омладины.

„Вслѣдствіе возбужденія, страна сдѣлалась неузнаваема“, писалъ 19 Августа Вреде въ Вѣну; „а стремленіе къ военнымъ дѣйствіямъ почти всеобщее, только мнѣніе о намѣреніяхъ князя Милана у меня не опредѣлилось“. Вооруженія, предпринятыя въ противность всѣмъ мирнымъ завѣреніямъ, должны были, однако, указать австрійскому повѣренному, что онъ недальновиденъ. Черезъ четыре недѣли Сербія выставила уже значительныя военныя силы на границѣ. На сдѣланный запросъ Вреде получилъ отвѣтъ, что это мѣры безопасности границъ Сербіи, которыя часто нарушаются турецкими войсками. Опасность столкновенія была неминуема, и рискованныя дѣйствія князя Милана можно объяснить только тѣмъ, что въ Бѣлградѣ разсчитывали на разногласіе великихъ державъ.

25 Сентября бѣлградскій гарнизонъ получилъ приказаніе идти въ Алексинацъ, а милиція направлена къ границѣ. Павловичъ, управлявшій иностранными дѣлами, на вопросъ

Вреде о значеніи этихъ мѣръ, снова далъ ничего не значущій отвѣтъ. Дѣло шло къ разрыву; только ясное, опредѣлительное слово Александра II могло бы повліять на сербскія увлеченія.

Россія приняла рѣшеніе сдѣлать общій шагъ съ державами, чтобы убѣдить Сербію воздержаться, иначе, державамъ, поручительницамъ будетъ невозможно оградить княжество отъ занятія его иностранными войсками. Русскій канцлеръ отнесся къ дѣлу серьезно, прося Австрію позаботиться о содѣйствіи остальныхъ державъ. Кабинеты Франціи, Англіи и Италіи охотно отозвались на призывъ, и 6 Октября послано было Сербіи коллективное объявленіе.

Новое министерство Павловича только по имени отличалось отъ предыдущаго. Хотя и Англія удерживала Сербію отъ наступательнаго шага, но въ Бѣлградѣ настроеніе не измѣнилось, и тамъ продолжали вооружаться; даже съ успокоеніемъ боснійскихъ инсургентовъ, честолюбивыя мечты Милана не испарялись, и въ Мартѣ 1876 года Австріей сдѣланы были ему новыя представленія. Вооруженія Сербіи неблагоразумны, говорилъ Вреде; Порта несдѣлаетъ нападенія, но и князь Миланъ не долженъ разсчитывать на разъединеніе державъ. Андраши правильно полагалъ, что въ Бѣлградѣ ожидаютъ изъ Петербурга приказа о воздержаніи. Онъ послѣдовалъ въ смыслѣ, желаемомъ Андраши, но только въ немъ являлась нѣкоторая разница: съ береговъ Невы шли жалобы на отсрочку дѣла реформы, и въ Сербіи это было понято въ этомъ смыслѣ, что между Австріей и Россіей нѣтъ полнаго единодушія.

Первый актъ дипломатической комедіи, поставленной Андраши на сцену и поддержанной всѣми европейскими державами, потерпѣлъ фіаско. Переговоры съ инсургентами разстроились, потому что требованія ихъ были неисполнимы, а въ Сербіи мало заботились о внушеніяхъ цѣлой Европы. Вслѣдствіе воинственныхъ статей газетъ, народъ

былъ въ напряженномъ состояніи, и люди самые умѣренные желали скорѣйшаго начала войны, потому что въ предвидѣніи событій торговля и всякое движеніе замерли. Графъ Андраши изыскивалъ новыя средства, чтобы усмирить возбужденіе. Пока Россія шла объ руку съ Австріей, никакого общаго возстанія нечего было опасаться, а въ прямотѣ своего невскаго союзника австрійскій министръ не допускалъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Горчаковъ принималъ въ соображеніе желанія инсургентовъ и считалъ программу Андраши подлежащею измѣненіямъ. Свиданіе съ русскимъ канцлеромъ предстояло въ Берлинѣ, и графъ Андраши отправился на берега Шпре.

Великій вопросъ, рѣшавшійся въ германской столицѣ, вертѣлся на томъ, чей взглядъ возьметъ верхъ: русскій или австрійскій. Андраши былъ не прочь предоставить инсургентовъ ихъ судьбѣ, Горчаковъ же работалъ въ томъ смыслѣ, чтобы продолжать начатый дипломатическій трудъ, пока представится случай для дѣятельнаго вмѣшательства. Въ Берлинѣ произошла упорная борьба; дипломатъ, только что оперившійся, завязалъ единоборство съ дипломатомъ посѣдѣлымъ. Бисмаркъ старался быть посредникомъ; онъ сильно желалъ единства между двумя имперіями и дѣлалъ все возможное для соглашенія ихъ мнѣній. Сопротивленіе графа Андраши противъ дальнѣйшихъ уступокъ инсургентамъ было упорное, но событія явились на помощь русскому канцлеру. Во время бытности ихъ въ Берлинѣ пришло извѣстіе о болгарскихъ ужасахъ, и дипломатическая побѣда осталась за княземъ Горчаковымъ, а графу Андраши пришлось сдѣлать поворотъ: требованія инсургентовъ были въ берлинскомъ меморандумѣ частію приняты въ разсчетъ.

Этотъ документъ вышелъ изъ подъ пера Горчакова, и чрезъ то къ Россіи перешло руководство дѣломъ, а графъ Андраши изъ первой линіи былъ отодвинутъ назадъ.

Въ меморандумѣ болгарскія событія ловко поставлены были въ подкрѣпленіе требованій. Говорилось, что европейскія державы принуждены будутъ принять мѣры для спасенія націй, но главною цѣлью все таки оставались Боснія и Герцоговина. Порта съ готовностью выслушала желанія европейскихъ державъ и показала готовность ввести реформы въ жизнь, но инсургенты требовали положительной гарантіи. Державы должны были употребить всю силу своего вліянія, чтобы добиться двухмѣсячнаго перемирія, и въ теченіи этого времени завязать дальнѣйшіе переговоры между Портою и возставшими. Восточныя усложненія вступили въ новый фазисъ.

Нѣсколько дней спустя, графъ Андраши давалъ объясненія делегаціямъ по восточному вопросу. Депутатъ Куранда, понимавшій, какъ мало этотъ вопросъ представляетъ возможности общаго согласія, просилъ министра ясно изложить свою программу. Графъ Андраши нашелъ это требованіе нѣсколько страннымъ, отвѣтивъ, что не можетъ представить себѣ министра съ твердой программой предъ событіями, ежечасно мѣняющимися. На это Куранда возразилъ, что министру надо только слѣдовать традиціямъ Австріи, чтобы имѣть возможность спокойно составить свою программу. Андраши отвѣтилъ, что онъ не знаетъ такихъ традицій, поэтому и не можетъ обѣщать слѣдовать тому, чего ему не удалось отыскать. А относительно замѣчанія Куранды, что онъ замѣчаетъ неясность въ томъ, чего желаетъ и къ чему стремится министерство, Андраши сослался на то, что онъ еще въ прошломъ году изложилъ цѣли, которыя имѣлъ въ виду: поддержаніе всеобщаго европейскаго равновѣсія, отстраненіе дальнѣйшихъ усложненій при содѣйствіи сосѣдственныхъ державъ, но въ особенности, исполненіе миссіи Австро-Венгріи, состоящей въ заботахъ объ устройствѣ въ сосѣднихъ славянскихъ земляхъ такого положенія дѣлъ, которое бы не грозило своими по-

слѣдствіями австрійской имперіи. Графъ съ удовольствіемъ указалъ на результаты берлинской конференціи, на которой состоялось соглашеніе на счетъ цѣлей и принятія мѣръ, отвѣчающихъ событіямъ. При этомъ онъ могъ сослаться, что и Франція съ Италіей примкнули къ состоявшемуся соглашенію, и только еще Англія не высказалась, болѣе изъ за того, что переговоры происходили телеграфическимъ способомъ; но какъ только она убѣдится въ миролюбивомъ настроеніи державъ, то, конечно, не откажетъ въ своемъ содѣйствіи.

Это министерское объявленіе состоялось 24 Мая, а нѣсколько часовъ спустя, получено было извѣстіе, что Англія отказалась присоединиться къ меморандуму.

Графъ Андраши усердно старался о принятіи въ Лондонѣ берлинскаго соглашенія. Къ сожалѣнію, англійское упорство выказалось снова: „Турціи также слѣдуетъ дать гарантіи, "говорилъ лордъ Дерби, „что Сербія, Черногорія и инсургенты будутъ соблюдать перемиріе". Соглашеніе подверглось съ его стороны жестокой критикѣ. Одну оговорку только высказалъ онъ, что по собственной иниціативѣ ничего не сообщитъ въ Константинополь; но ежели оттуда ему сдѣлаютъ запросъ, то онъ отсовѣтуетъ принимать условія.

Въ Константинополѣ меморандумъ также не имѣлъ удачи: великій визирь представилъ Зичи сильныя возраженія, Гуссейнъ Авни паша и Мидхадъ раздѣляли его взгляды. Всѣ должны были усиленно работать въ столицахъ Турціи и Сербіи, здѣсь—чтобы помѣшать началу военныхъ дѣйствій, тамъ—чтобы убѣдить къ заключенію перемирія. Вступленіе Сербіи въ борьбу было въ виду; тѣмъ усиленнѣе убѣждали Порту принять перемиріе, и даже присоединили угрозу, что Австріи будетъ невозможно сохранить за Портою даннаго ей разрѣшенія производить высадку войскъ въ Клекской гавани.

Система уступокъ компрометировала европейскую дипломатію. Всѣ кабинеты, кромѣ англійскаго, соединили усилія, чтобы остановить кровавыя событія. Полномочные министры по часамъ засѣдали вмѣстѣ, чтобы составить окончательный текстъ ноты въ такомъ смыслѣ, чтобы охранялась щекотливость Порты. Документъ долженъ былъ быть 30 Мая переданъ министру Турціи, какъ вдругъ въ ночь на 30 совершился давно подготовлявшійся серальскій переворотъ: султанъ Абдулъ-Азисъ былъ свергнутъ съ престола и замѣненъ старшимъ сыномъ его предмѣстника подъ именемъ султана Мурада V. Султанскій гатть на другой день извѣстилъ о перемѣнѣ правленія и о программѣ реформъ, которая была выработана тріумвиратомъ и какъ бы удовлетворяла всѣмъ требованіямъ.

Теперь европейскимъ кабинетамъ предстояло рѣшить вопросъ, не слѣдуетъ ли отложить на нѣсколько дней передачу единообразныхъ нотъ. Андраши рѣшалъ его въ утвердительномъ смыслѣ; Россія и Германія присоединились къ этому взгляду, и, вслѣдствіе „предложенія Россіи, державы условились представить въ Константинополѣ лишь объявленіе, что сдѣлка считается состоявшеюся, согласно заявленію Порты объ ея иниціативѣ на введеніе реформъ, и что державы рѣшились отсрочить всякій дальнѣйшій шагъ, въ надеждѣ, что Порта исполнитъ свои обѣщанія.

Турецкое правительство выказало много доброй воли. Появилась прокламація султана къ инсургентамъ, и ея передача вожакамъ возстанія въ Суторинѣ. Тѣ приняли ее съ насмѣшкою, говоря: „Что такое прощаетъ намъ султанъ? Мы можемъ прощать его; а о покорности и знать не хотимъ; лучше броситься въ море“, и отказались дать какой либо письменный или устный отвѣтъ.

Изъ числа европейскихъ дипломатовъ лордъ Дерби лучше всѣхъ понималъ положеніе дѣлъ. Изъ Вѣны ему повторяли, что часть повстанцевъ выказываетъ готовность

къ примиренію, и желательно было бы убѣдить Порту выказать имъ милость. „Это излишне“, говорилъ лордъ, „ежели только Порта готова сдѣлать всѣ возможныя уступки; но отъ инсургентовъ истинной покорности ожидать нельзя, такъ какъ они стоятъ подъ грозой предводителей“. А на жалобы о бездѣятельности Англіи отвѣтилъ: „Англія вовсе не намѣрена изолироваться; она готова содѣйствовать дѣлу мира, когда представятся виды на успѣхъ. Ежели доселѣ она держала себя вдали отъ всѣхъ попытокъ, то дѣлаетъ это на томъ основаніи, что видимо ничего не подѣлаешь. Когда обстоятельства измѣнятся, то и бездѣятельность Англія прекратится. Австрія болѣе насъ убѣждена въ возможности умиротворенія, и я былъ бы счастливъ, еслибъ она оказалась права. Графъ Андраши, находясь ближе къ театру дѣйствій, конечно, въ состояніи, болѣе вѣрно оцѣнить положеніе“.

Въ томъ же духѣ высказывался онъ Шувалову. Русскій посланникъ указалъ ему, что общее дѣйствіе, хотя и очень желательное, немыслимо до тѣхъ поръ, пока не выяснятся вполнѣ цѣли англійской политики. На это лордъ Дерби отвѣтилъ, что если прямые переговоры съ инсургентами не удадутся, то онъ сомнѣвается въ возможности вмѣшательства безъ введенія насильственныхъ мѣръ противъ враждующихъ сторонъ, и поэтому не можетъ высказаться за него. Инсургенты требуютъ не административныхъ реформъ, но независимости или автономіи въ той или другой формѣ, а послѣдняго Порта дать не можетъ. Слѣдовательно, не остается ничего иного, какъ допустить возобновленіе враждебныхъ дѣствій, выжидая ихъ результаты. Ежели возьмутъ верхъ противники Порты, то возставшія провинціи завоюютъ себѣ положеніе, подобное Сербіи и Румыніи; въ противномъ случаѣ онѣ удовольствуются и меньшимъ, согласясь на сдѣлку въ родѣ той, какая состоялась съ критянами въ 1867 году.

Предложеніе Дерби упало въ Петербургѣ на благодарную почву. Новиковъ сообщилъ Андраши предложеніе русскаго канцлера не ожидать результатовъ борьбы, какъ предлагала Англія, но дать упомянутымъ областямъ автономію теперь же, посредствомъ дипломатическаго вмѣшательства, предоставя въ этомъ Англіи первый шагъ. Графъ Андраши высказался рѣшительно противъ автономизированія Босніи и Герцеговины, которое усилило-бы рѣзню между христіанами и магометанами; „это было бы подобно сказкѣ о двухъ львахъ“ говорилъ онъ, „которые такъ долго грызлись между собою, что отъ нихъ остались только два хвоста. Предложеніе, конечно, имѣетъ цѣлью прекращеніе кровопролитія; но тогда именно произойдетъ противное; Болгарія и другія провинціи потребуютъ того же, и борьба распространится по всей турецкой имперіи. Исполненіе этой комбинаціи скомпрометируетъ державы.“ Графъ Андраши выражалъ согласіе съ министромъ Англіи относительно отсрочки вопроса и раздѣлялъ взглядъ, что въ случаѣ побѣды турокъ надъ инсургентами надо удовольствоваться предложенными уступками, но не могъ согласиться съ мнѣніемъ, чтобы въ случаѣ пораженія Порты или въ настоящую минуту слѣдовало искать какую либо комбинацію, кромѣ той, которая уже найдена. Какъ та, такъ и другая враждующія стороны могутъ имѣть достаточно силъ, чтобы побѣдить, но ихъ недостанетъ на то, чтобы воспользоваться всѣми послѣдствіями побѣды: тогда–то общее дѣйствіе державъ и окажется полезнымъ.

Эти теоретическія разсужденія разрушились вслѣдствіе событій въ Сербіи. Со дня вступленія Ристича вновь въ управленіе дѣлами, всѣ наставленія Европы о поддержаніи мира въ Бѣлградѣ откладывали въ сторону. Новый кабинетъ назывался кабинетомъ дѣйствія. Въ Константинополѣ не вѣрили мирнымъ завѣреніямъ сербскаго кабинета и старались заручиться нейтралитетомъ Черногоріи,

суля ей подъ видомъ исправленія границъ земельные участки и пастьбища. О ничтожности уступки князь Никита дѣлалъ возраженіе, и Божо Петровичъ былъ посланъ въ Берлинъ, чтобы передать тремъ канцлерамъ жалобы на Порту за притѣсненія въ Герцеговинѣ, давая понять что черногорскій народъ, бывши свидѣтелемъ несчастій своихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ, готовъ каждую минуту начать отчаянную борьбу.—

Одинадцать дней спустя, состоялся оборонительный и наступательный союзъ Сербіи съ Черногоріей, по которому должно было послѣдовать объявленіе войны, ежели Порта не удовлетворитъ требованій Сербіи. Послѣ того изъ Бѣлграда сдѣланъ былъ еще шагъ: На вопросъ великаго визиря отъ 7 Іюня, требовавшаго объясненій на счетъ вооруженій Сербіи, было отвѣчено увѣреніями въ дружбѣ и извѣщалось что князь Миланъ пошлетъ въ Константинополь особаго уполномоченнаго. Тамъ поняли, что Сербія хочетъ заявить требованія, и дали знать въ Бѣлградъ, что поѣздка уполномоченнаго будетъ излишнею. За тѣмъ сербскій посланникъ въ Константинополѣ передалъ 29 Іюня пространную записку, въ которую ввернули предложеніе возстановить сербскими войсками порядокъ въ Босніи, а Герцеговину ввѣрить черногорскому управленію.

Прежде чѣмъ отъ Порты полученъ былъ оффиціальный отвѣтъ, сербскія войска перешли турецкую границу, а Черногорія открыла военныя дѣйствія. Вступая въ борьбу, Сербія расчитывала на поддержку Россіи. Хотя оффиціальная Россія и объявила, что ежели Сербія нарушитъ миръ, то не должна расчитывать на всегдашнюю къ ней симпатію Россіи и на ея помощь, но русское правительство допустило, чтобы во всей имперіи славянскіе комитеты производили денежныя сборы и снаряжали добровольцевъ на помощь сербскимъ братьямъ.

Война была объявлена, и старанія дипломатій къ под-

держанію мира понесли жалкое крушеніе. Австрія увидѣла себя принужденною выставить противъ Бѣлграда мониторы и собрать наблюдательный корпусъ близь Митровицы. Черногорскому князю было предъявлено требованіе отстранить все, что можетъ вредить интересамъ Австріи. Въ инструкціи подполковнику Теммилю было сказано, что Австрія должна сохранить за собою исправленіе результатовъ борьбы. Будетъ ли черногорскій князь побѣдителемъ или побѣжденнымъ, онъ нуждается въ поддержкѣ Австро-Венгріи.—

Въ этомъ разрывѣ Парижъ и Лондонъ усмотрѣли начало европейской всеобщей войны. На берегахъ Сены опасались, что сербы получатъ сильную поддержку отъ южныхъ славянъ Австріи; на берегахъ Темзы боялись участія Россіи. Но изъ Вѣны получились успокоительныя извѣстія, вслѣдствіе состоявшагося въ Рейхштадѣ свиданія императоровъ русскаго съ австрійскимъ, которые согласились отклонить всѣ новыя предложенія и держаться системы невмѣшательства. Австро-Венгрія, исполняя рейхштадское, соглашеніе, объявила, что гавань Клекъ закрывается для всякой военной контрабанды; а на усиленныя старанія Порты объ отмѣнѣ этого постановленія, графъ Андраши велѣлъ передать въ Константинополѣ, что всякая дальнѣйшая агитація и протестъ будутъ признаны неприличнымъ и вызывающимъ поступкомъ; что эта мѣра не есть враждебный шагъ, но слѣдствіе принципа невмѣшательства.

Въ началѣ Августа французскій министръ Деказъ спрашивалъ: не находитъ ли Австрія обстоятельства благопріятными для устройства перемирія? Графъ Андраши отвѣчалъ, что не можетъ себѣ представить, какого рода предложенія можетъ онъ сдѣлать, чтобы они имѣли шансы быть принятыми. Послѣ того, какъ европейской дипломатіи не удалось предотвратить войны, ея задачей остается лишь локализація ея.

Въ Бѣлградѣ въ это время уже убѣдились, что начатая война не осуществитъ тѣхъ надеждъ, на которыя расчитывали, и душевно желали посредничества Англіи. Въ концѣ Іюня турецкія войска стояли на сербской землѣ; князь Миланъ, считавшійся до сихъ поръ номинально главнокомандующимъ, передалъ военную диктатуру Черняеву, перешедшему въ сербскую службу. Ахмедъ-Эюбъ двинулся вдоль праваго берега рѣки до монастыря св. Стефана близь Алексинаца. Первое столкновеніе окончилось къ невыгодѣ турокъ; и по всей Европѣ раздался кличь о великомъ успѣхѣ сербовъ, которымъ удалось 23 Августа удержаться въ своихъ позиціяхъ. Въ оффиціальныхъ бюллетеняхъ говорилось о шести-дневной битвѣ, и извѣщалось о полномъ пораженіи врага. Но турецкій главнокомандующій рѣшился собрать разъединенныя силы свои на лѣвомъ берегу Моравы, и въ сраженіи, послѣдовавшемъ 1 Сентября, сербы послѣ двѣнадцатичасоваго боя понесли полное пораженіе.

Какъ мало извѣстно было сербамъ о ихъ мнимомъ успѣхѣ 23 Августа, видно изъ того, что 24 Августа князь Миланъ, пригласивъ къ себѣ представителей великихъ державъ, просилъ ихъ добрыхъ услугъ: уже шесть дней какъ длится бой, и онъ считаетъ обязанностью человѣколюбія прекратить его, поэтому и проситъ посредничества кабинетовъ. По долгу совѣсти князь настаиваетъ, чтобы и съ Черногоріей прекратилась война.

Лордъ Дерби былъ готовъ исполнить желаніе Милана. Еще прежде полученія формальнаго заявленія князя, англійскій кабинетъ велѣлъ разузнать, на какихъ условіяхъ готовы были бы въ Константинополѣ заключить миръ. Въ отвѣтъ получено было требованіе, чтобы князь Миланъ обратился къ Портѣ съ просьбою о мирѣ. Тогда англійскій премьеръ немедленно вошелъ въ сношеніе съ прочими кабинетами. Князь Горчаковъ выставилъ требованіе, чтобы послѣдовала общая пріостановка враждебныхъ дѣйствій съ

распространеніемъ переговоровъ и на Черногорію. „Національное сочувствіе къ Сербіи“ говорилъ онъ англійскому посланнику, „принимаетъ въ Россіи ежедневно большую силу; но тѣмъ не менѣе императоръ Александръ останется вѣренъ своему мирному настроенію. Мы воздерживались отъ всякой инициативы, предоставляя дѣла ихъ ходу; но ежели это кровопролитіе будетъ продолжаться и государь императоръ повелитъ мнѣ взяться за перо, то ручаюсь вамъ, что изъ подъ него выльется то, что будетъ отвѣчать достоинству и могуществу имперіи, хотя это не будетъ война“.

Графъ Андраши тоже сообщилъ въ Константинополь о просьбѣ Милана, высказывая желаніе знать, на какихъ основаніяхъ Порта согласна будетъ договариваться. Турки выразили готовность принять посредничество державъ къ возстановленію мира, но отказались отъ перемирія.

Втораго Сентября представители шести державъ рѣшились сдѣлать общій шагъ. Лордъ Дерби поручилъ Елліоту потребовать мѣсячнаго перемирія. Въ тотъ же день по телеграфу изъ Петербурга велѣли требовать срока его отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ; а на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій должна была состояться конференція руководящихъ министровъ. Савфетъ-паша, по полученіи нотъ высказалъ, что заключеніе перемирія несогласно съ интересами Порты, но онъ готовъ заключить миръ на умѣренныхъ условіяхъ. Порта имѣла въ виду удержать status quo въ тѣхъ границахъ, какъ это было до войны; относительно Сербіи поставить требованіе, чтобы было возстановлено прежнее занятіе ея крѣпостей турецкими войсками; для Черногоріи она была расположена сдѣлать исправленіе границъ; а въ Босніи и Герцеговинѣ ввести реформы, предлагавшіяся въ Декабрѣ.

Андраши примкнулъ къ англійскому мнѣнію, требуя мѣсячнаго перемирія. Австрійскій министръ имѣлъ осно-

вания для назначенія краткаго срока: зима стояла у дверей, многочисленные бѣглецы существовали на счетъ Австріи; имъ слѣдовало отпускать продовольствіе до заключенія мира, потому что они конечно не рѣшились бы возвратиться въ свои дома ранѣе. Еще болѣе значенія имѣли политическія дѣла: Андраши полагалъ, что Сербія и Черногорія при настоящемъ положеніи дѣлъ удовольствуются скромными условіями, тогда какъ трехмѣсячный покой возродитъ ихъ надежды. Австрійскій министръ также не соглашался на предложенную Горчаковымъ конференцію министровъ; война не измѣнила положенія, и нельзя было ожидать продолжительнаго спокойствія. Временная сдѣлка въ настоящую минуту казалась ему даже менѣе устойчивою, чѣмъ до войны; новый порядокъ не удовлетворитъ ни мусульманъ, ни христіанъ, ни Порту, ни европейскія державы. Ежели бы графъ Андраши и уступилъ въ вопросѣ о конференціи въ виду того значенія, которое придавалъ ему русскій канцлеръ, то подъ условіемъ, чтобы три сѣверныя державы предварительно согласились на счетъ программы. Какъ условія возстановленія спокойствія Австрія выставляла поддержаніе территоріальной цѣлости Сербіи, исправленіе границъ Черногоріи, и осуществленіе реформъ требовавшихся державами.

Настояніямъ Европы о установленіи перемирія Порта противоставила самое упорное сопротивленіе. Даже рѣзкая нота Англіи не сдѣлала никакого впечатлѣнія. Упрямство Турціи представляло большія затрудненія, но они еще увеличились, когда ея условія мира стали вполнѣ извѣстны: Сербскій князь долженъ былъ прибыть въ Константинополь для принесенія присяги новому султану; войска его уменьшены до 10 тысячъ человѣкъ и двухъ батарей, милиція распущена, фирманъ на счетъ крѣпостей взятъ обратно; воспрещалось возведеніе новыхъ крѣпостей, а постройку и эксплоатацію желѣзной дороги отъ Ниша до

Бѣлграда требовалось передать туркамъ; наконецъ увеличивался размѣръ дани.

Европейскіе кабинеты отложили требованія Порты въ сторону, зная, что, ежели державы будутъ единодушны, то Турція сдастся. Уступая общественному мнѣнію, англійское правительство отказалось отъ своего пассивнаго положенія и предложило кабинетамъ слѣдующую программу: status quo для Сербіи и Черногоріи, административныя реформы и мѣстная автономія для Босніи и Герцеговины; наконецъ, гарантія противъ возобновленія болгарскихъ ужасовъ.

Горчаковъ ухватился за предложеніе Дерби и увѣдомилъ о томъ вѣнскій кабинетъ. Андраши, ознакомясь съ мнѣніемъ русскаго канцлера, отвѣтилъ, что предложенія лорда Дерби не могутъ быть приняты; требованіе автономіи въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи немыслимо съ поддержаніемъ цѣлости турецкой имперіи. Графъ Андраши сдѣлалъ контръ—предложенія, которыя разнились отъ англійскихъ лишь тѣмъ, что иначе высказывались объ автономіи, и предлагалось исправленіе границъ Черногоріи. Министръ Австріи указывалъ на трудность исполненія англійскихъ предложеній, ссылаясь на возможное противодѣйствіе Порты. Примѣненіе насилія несогласно съ поддержаніемъ независимости Турціи; если же мирились съ мыслью, что она утратила права на существованіе, то слѣдовало прямо поставить на очередь восточный вопросъ и искать способы къ его разрѣшенію. „Не надо забывать, что мы присутствуемъ на неутѣшительномъ представленіи восточныхъ ссоръ, сидя въ ближайшей ложѣ, и что въ Босніи и Герцеговинѣ мы имѣемъ жизненные интересы, которыхъ не должны упускать изъ виду; да и другимъ не дозволять нарушать ихъ“, писалъ графъ Андраши.

Между тѣмъ Россія, Германія, Италія и Франція согласились на пункты, предложенные Англіей, а 20 Сентября и Австрія примкнула къ нимъ, послѣ того, какъ лордъ

Бухананъ извѣстилъ, что подъ словомъ „мѣстная автономія“ онъ понималъ реформы провинцій, а не настоящую автономію.

Пока дипломатія выказывала усиленную дѣятельность въ Константинополѣ, въ Сербіи произошло событіе, едва не сдѣлавшее всѣ старанія напрасными: Сербское войско подъ Делиградомъ провозгласило князя Милана королемъ. Черняевъ телеграфомъ извѣстилъ о совершившемся событіи и объяснялъ этотъ самовольный поступокъ тѣмъ, что не могъ воспрепятствовать всеобщему желанію войска. Настоянія союзныхъ державъ убѣдили однако Милана отречься отъ экспромта, затѣяннаго Черняевымъ. 25 Сентября Порта согласилась принять перемиріе на одну недѣлю; бѣлградское правительство не могло на то согласиться, и непріязненныя дѣйствія начались вновь. Въ послѣднюю недѣлю Сентября произошли кровопролитныя битвы, неблагопріятныя для сербскаго оружія.

Въ Петербургѣ разсчитывали, что сербы одни справятся съ турками, и, поэтому, держались на заднемъ планѣ. Русская печать могла свободно высказывать свои симпатіи къ братьямъ сербамъ; славянскіе комитеты въ лѣто 1876 года развили свою дѣятельность, духовенство установило процессіи, прося Небо благословить орудіе христіанъ; а осенью добровольцы массами устремились на нижній Дунай съ явною правительственною поддержкой. Игнатьевъ выразился, что это шествіе добровольцевъ есть необходимый предохранительный клапанъ, посредствомъ котораго очищался въ Россіи воздухъ отъ избытка напряженія.

Въ Сентябрѣ стало извѣстнымъ, что и оффиціальная Россія соблазняется. 26 числа въ Вѣну прибылъ графъ Сумароковъ съ чрезвычайной миссіей отъ царя и въ свое осьмидневное пребываніе прилагалъ всѣ старанія, чтобы достичь соглашенія съ вѣнскимъ кабинетомъ. Россія выступила съ предложеніемъ, чтобы Боснію и Герцеговину

заняла Австрія, а въ Болгарію вступили русскія войска, при одновременномъ появленіи флотовъ морскихъ державъ въ Босфорѣ, заставя Порту принять условія мира. Графъ Андраши ничего не имѣлъ противъ демонстраціи соединенныхъ флотовъ; это было, по его мнѣнію, самое, подходящее средство, но содѣйствіе Австріи онъ отклонилъ, потому что и безъ того общественное мнѣніе въ ней было непріязненно къ Россіи.

Бывшія доселѣ дружескія отношенія между Австріей и Россіей, хотя и наружныя, вслѣдствіе чопорнаго поведенія вѣнскаго кабинета значительно пострадали. Кажется, русскій кабинетъ съ увѣренностью разсчитывалъ на Австрію. Почти одновременно съ отправкою Сумарокова въ Вѣну, князь Горчаковъ сдѣлалъ такое же предложеніе англійскому министру, присовокупя, что если бы въ Лондонѣ признали достаточнымъ появленіе однихъ флотовъ, то и на это Россія согласна. Англійскій кабинетъ отклонилъ это предложеніе и еще энергичнѣе принялся работать въ пользу мира.

Усиленно совѣщались дипломаты на счетъ формулы, которою можно было бы прекратить вражду. О согласіи Порты не заботились. Проектъ былъ составленъ въ общихъ выраженіяхъ и выказывалъ искреннее желаніе вычеркнуть изъ числа насущныхъ вопросовъ непріятныя событія. Русская дипломатія придала однако протоколу болѣе обширное значеніе и усмотрѣла въ немъ для державъ поводъ къ дальнѣйшему вмѣшательству въ дѣла Порты и къ отстраненію нѣкоторыхъ постановленій парижскаго трактата, который препятствовалъ подобному акту. 30 Сентября Порта окончательно отклонила англійскія предложенія.

Лордъ Дерби, въ высшей степени раздраженный упрямствомъ Порты, далъ жестко понять турецкому посланнику свое неудовольствіе. Положеніе Россіи сдѣлалось угрожающимъ, и Горчаковъ поручилъ объявить въ Лондонѣ, что онъ не можетъ долѣе спокойно смотрѣть на кровопролитіе·

Брошенная Англіею мысль о конференціи занимала дипломатію въ теченіе Октября. Горчаковъ объявилъ, что согласенъ на предложеніе англійскаго министра, но подъ условіемъ, что она будетъ состоять изъ представителей шести державъ и постановленіе ея будетъ только прочтено Дивану. Если же Порта откажется согласиться на конференцію въ Константинополѣ, то должно послѣдовать отозваніе посольствъ. Графъ Андраши не скрывалъ своего нерасположенія къ конференціи и бросилъ вопросъ: какими средствами хотятъ воздѣйствовать на Порту, ежели она откажется признать заключенія конференціи? Это былъ тотъ же аргументъ, которымъ лордъ Дерби за годъ назадъ сразилъ ноту о реформахъ и берлинскій меморандумъ.

Принятіе принудительныхъ мѣръ было далеко отъ намѣреній англійскаго министра, и только посредствомъ „кроткаго насилія“ хотѣлъ онъ достигнуть цѣли. Графъ Андраши противъ этого замѣтилъ, что тогда русскому императору будетъ невозможно, не смотря на все его миролюбіе, противиться потоку, увлекающему его ко вмѣшательству. Андраши, видимо, не принялъ въ расчетъ, что событія довели напряженіе до maximum'а, и что съ конференціей или безъ нея, но Россія готовилась играть дѣятельную роль. Еще 12 Октября на запросъ изъ Лондона, графъ Андраши повторилъ, что не можетъ рѣшиться на конференцію, пока не узнаетъ ея программы, и вообще мало ждетъ отъ нея добра.

Но пока все же шли переговоры о перемиріи. Порта не соглашалась на одномѣсячную остановку военныхъ дѣйствій, предложивъ шестимѣсячную. Россія рѣшительно этому воспротивилась, приводя въ основаніе милиціонную систему Сербіи. Андраши высказался за предложеніе Порты на томъ соображеніи, что торговые и хозяйственные интересы требовали продолжительнаго перемирія; эти же аргументы приводила Россія въ подкрѣпленіе короткаго срока.

Графъ Андраши замѣтилъ, что русская аргументація, будто Турція для того предложила продолжительный терминъ, чтобы имѣть возможность распустить на зиму свои войска, потому уже не выдерживаетъ критики, что Сербія и Черногорія гораздо легче могутъ распустить и вновь созвать свои милиціи, нежели Турція, которая, приводя войска изъ Азіи и Африки, должна будетъ ихъ вовсе удалить.

Россія, тѣмъ не менѣе, не измѣнила своего рѣшенія. Тогда лордъ Дерби отнесся въ Берлинъ, прося германскаго вліянія, чтобы поколебать упорство Россіи. Франція и Италія были готовы уступить желанію Россіи; а Германія отказалась исполнить просьбу Дерби, ссылаясь на то, что доселѣ она не принимала роли руководителя въ восточномъ кризисѣ, и что императоръ Вильгельмъ развѣ противъ желанія будетъ производить давленіе на Россію. Но пока державы занимались этимъ вопросомъ, произошло жесточайшее сраженіе при Дьюниссѣ и Моравѣ; этотъ ключь сербскихъ позицій былъ взятъ турками; сербскія войска вновь сосредоточились у Нестеровой горы, но турки штурмомъ овладѣли также этимъ укрѣпленнымъ пунктомъ, и армія Черняева обратилась въ безпорядочное бѣгство. Сербы зажгли Делиградъ и очистили Алексинацъ, который и былъ 31 Октября занятъ Фазиль-пашею.

29 Октября Диванъ принялъ рѣшеніе согласиться на двухмѣсячное перемиріе; но прошло еще нѣсколько дней, пока Порта высказала это оффиціально; потребовали русскій ультиматумъ, съ угрозой прервать переговоры, прежде чѣмъ турецкіе министры сообщили приказаніе о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій.

Съ лѣта 1876 года въ русскихъ сферахъ начали разсчитывать на возможность участія въ войнѣ. Ничто такъ не было кстати для петербургскаго кабинета, какъ извѣстія о болгарскихъ гнустностяхъ, которыя съ ужасомъ слушалъ цивилизованный міръ. Друзья Турціи—англичане—сообщ

ли первыя о томъ описанія въ газетахъ; затѣмъ англійскій статсъ-секретарь долженъ былъ сознаться, что по доставленнымъ ему свѣдѣніямъ въ Турціи совершены великія злодѣянія, а 20 Сентября донесенія англійскаго посольства въ Константинополѣ, по полученіи ихъ, были тотчасъ опубликованы. Число убитыхъ христіанъ достигало 5000 душъ, а созженныхъ деревень 58. Описаніе кровавой рѣзни въ Батакѣ показало, что турки дѣйствуютъ безчеловѣчно, и невинные расплачиваются за виноватыхъ. Ахметъ-паша-губернаторъ провинціи, наказанія котораго требовалъ консулъ, былъ награжденъ орденомъ.

Прежде того въ большей части государствъ настроеніе къ туркамъ было дружелюбное; теперь же Турція сразу утратила всѣ симпатіи. Въ особенности въ Англіи вожди оппозицій высказывались противъ всякой поддержки Портѣ. Гладстонъ публиковалъ брошюру: „Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ“, въ которой высказывалось требованіе совершеннаго устраненія турецкой администраціи въ Болгаріи, Босніи и Герцоговинѣ. Извѣстія эти дали созрѣть русскимъ рѣшеніямъ.

Но рядомъ съ оффиціозной Россіей существовали еще другіе дѣятельные факторы, подстрекавшіе къ войнѣ и желавшіе серьезнаго вмѣшательства въ пользу славянъ. Сербскія пораженія еще усилили состраданіе; уже не одни добровольцы оказались въ странѣ братьевъ, но и офицеры, находившіеся въ дѣйствительной службѣ, получили отъ русскаго правительства отпуска въ Сербію на выгодныхъ условіяхъ, и русскій посланникъ Игнатьевъ жаловался только, что наплывъ ихъ былъ недостаточенъ „если бы ихъ было 200 тысячъ“ говорилъ онъ англійскому послу Елліоту, „то восточный вопросъ былъ бы скоро покончень„. Россія была въ возбужденномъ состояніи, это особенно проявлялось въ Москвѣ и южной части имперіи. Въ Ливадіи 18 Октября состоялся военный совѣтъ, и великій князь высказы-

вался за немедленное нападеніе на Турцію. Разбитіе сербовъ при Дьюниссѣ лишь ускорило приведеніе въ исполненіе задуманнаго плана. Турецкіе министры, знавшіе объ настроеніи, существующемъ въ русскомъ обществѣ, рѣшились на заключеніе перемирія. Россія отказалась отъ своего требованія исключить Турцію изъ конференціи и лишь настаивала на скорѣйшемъ съѣздѣ представителей.

Въ разговорѣ, который имѣлъ 2 Ноября съ лордомъ Лофтусомъ императоръ Александръ, онъ высказалъ желаніе, чтобы члены конференціи были снабжены надлежащими инструкціями. „Я уже далъ доказательства моего желанія поддержать спокойствіе“ говорилъ онъ,“ и сдѣлалъ все, чтобы достигнуть мирнаго рѣшенія усложненій. Порта нанесла державамъ оскорбленіе и цѣлымъ рядамъ маневровъ дѣлала попытки соединенной Европы тщетными. Этого нельзя согласить съ честью, достоинствомъ и интересами Россіи. Душевно желаю не отдѣляться отъ европейскаго концерта; но настоящее положеніе дѣлъ невыносимо; и если Европа не расположена съ твердостью переговариваться, то я это сдѣлаю одинъ.“

Слова императора по своей ясности не оставляли желать ничего болѣе. Дальнѣйшее продолженіе его рѣчи касалось успокоенія Англіи. „Жаль“ говорилъ Александръ “что въ Англіи еще сохраняется укоренившееся предубѣжденіе противъ русской политики. При различныхъ обстоятельствахъ я давалъ торжественное завѣреніе, что не желаю никакихъ завоеваній. Все, что было говорено или писано объ завѣщаніи Петра Великаго и о цѣляхъ Екатерины II, есть обманъ и небылица; завоеваніе Царьграда было бы несчастьемъ для Россіи„. Императоръ ручался честнымъ словомъ, что онъ даже мысли не имѣетъ завоевывать Константинополь, и если бы необходимость заставила его овладѣть частью Балгаріи, то это было бы временно до тѣхъ поръ, пока будетъ обезпеченъ миръ. Онъ

возобновилъ англійскому послу предложеніе, чтобы Австрія заняла Боснію, Россія—Болгарію, а предъ Константинополемъ была бы произведена морская демонстрація и многократно высказывалъ, какую цѣну придастъ онъ полному единомыслію Англіи съ Россіей.

Лордъ Лофтусъ замѣтилъ, что занятіе турецкихъ областей отвѣчаетъ стремленіямъ Сербіи и Румыніи сдѣлаться независимыми королевствами, и хотя это составляетъ первый шагъ къ разрушенію Турціи, но взгляды Англіи въ настоящее время измѣнились.

Телеграфныя извѣстія Лофтуса о его разговорѣ съ царемъ ускорили рѣшеніе англійскаго кабинета—формулировать свои предложенія. Каждая изъ великихъ державъ должна была назначить двухъ уполномоченныхъ, избравъ Константинополь мѣстомъ совѣщаній. На счетъ условій мира англійскій кабинетъ уже высказался 21 Сентября и держался ихъ.

Графъ Андраши преодолѣлъ свои сомнѣнія и телеграфировалъ въ отвѣтъ: „Мы присоединяемся къ предложенію конференціи, хотя еще разъ повторяемъ, что не ожидаемъ отъ нея возстановленія мира. Мы рѣшились въ вопросѣ автономіи не переступать границъ англійскаго предложенія; если же Англія пойдетъ далѣе, то намъ ничего не останется, какъ охранять наши частные интересы„.

Россія также высказала нѣкоторыя возраженія. Князь Горчаковъ сообщилъ Лофтусу, что ежели въ конференціи по вопросу объ автономіи Россія останется въ меньшинствѣ, то Игнатьевъ не будетъ далѣе въ ней участвовать. „Ежели каждое правительство“ замѣтилъ Дерби „явится на конференцію съ опредѣленно-выработаннымъ планомъ, въ которомъ не допуститъ измѣненій, то конференція съ самаго начала становится излишнею“.

Труднѣе всего было сломить колебанія Турціи. Она усмотрѣла въ конференціи, занимающейся ея внутренними дѣ-

лами, да еще въ самомъ Константинополѣ, опасный прецедентъ и ослабленіе вліянія на подданныхъ; уступая однако настояніямъ Англіи, турецкій кабинетъ сообщилъ 18 Ноября англійскому дрогоману, что согласенъ приступить къ конференціи.

Эти тенденціи къ утвержденію продолжительнаго мира выразились въ двухъ рѣчахъ, изъ которыхъ одну произнесъ Биконсфильдъ на банкетѣ лорда-мера 10 Ноября, а другую— императоръ Александръ въ Кремлѣ. Мы приводимъ ихъ здѣсь въ поралель.

„Хотя англійская политика есть миръ“ говорилъ премьеръ, „но не найдется страны которая была бы такъ хорошо, какъ наша, приготовлена къ войнѣ. Нація съ гордостью можетъ сказать, что имперія наша существуетъ, сколько благодаря внушаемой ею симпатіи, столько же и своему могуществу. Когда она рѣшается идти на бой за правое дѣло, то источники ея средствъ неизсякаемы; Англія не такая страна, которая бы, начиная войну, спрашивала себя: можетъ ли она выдержать два или три похода. Разъ предпринявъ борьбу, она окончитъ ее не иначѣ, какъ добившись своего права.„

Въ тотъ же день императоръ Александръ, обращаясь къ народу сказалъ: „Я знаю, что вмѣстѣ со мною вся Россія принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ; но для меня истинные интересы Россіи всего дороже. Я бы желалъ до послѣдней крайности щадить русскую кровь.“ Затѣмъ, коснувшись въ своей рѣчи константинопольскихъ переговоровъ и своего желанія добиться общаго соглашенія, императоръ продолжалъ: „Но ежели оно не состоится, и я увижу что мы не получимъ гарантій, которыя бы обезпечивали исполненіе того, чего мы въ правѣ требовать отъ Порты, то я твердо рѣшился взяться за оружіе и убѣжденъ, что на мой призывъ откликнется вся Россія.“

13 Ноября послѣдовалъ приказъ о мобилизаціи шести армейскихъ корпусовъ. Циркуляръ князя Горчакова въ тотъ же день извѣщалъ державы о причинахъ такой мѣры. „Императоръ“ говорится въ немъ „твердо рѣшился всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами осуществить цѣль, предначертанную концертомъ великихъ державъ, и потому счелъ за нужное поставить на военное положеніе часть своихъ силъ. Императоръ не желаетъ войны и сдѣлаетъ все возможное, чтобы ея избѣжать, но онъ рѣшился не останавливаться до тѣхъ поръ, пока тѣ принципы, которые признаны всею Европой справедливыми и человѣчными, не будутъ вполнѣ приведены въ исполненіе и закрѣплены дѣйствительными гарантіями.

Австрія рѣшила примкнуть на конференціи къ Англіи; такъ какъ при переговорахъ между Салисбюри и Андраши выяснилось полное согласіе взглядовъ обоихъ кабинетовъ. Двумъ вопросамъ придавалъ австрійскій министръ особое значеніе: чтобы не было создано новыхъ феодальныхъ княжествъ, и не была допущена русская оккупація. На счетъ послѣдняго пункта Салисбюри далъ самыя убѣдительныя увѣренія. Императоръ Францъ на аудіенціи также говорилъ о единствѣ интересовъ Австріи и Англіи въ восточномъ вопросѣ; но высказалъ опасеніе, что препятствія къ достиженію удовлетворительнаго результата непреодолимы. Чрезъ нѣсколько дней на Дунаѣ преобладало уже антирусское теченіе, которое еще усилилось вслѣдствіе предложенія Игнатьева на счетъ организаціи Болгаріи.

Пятаго Декабря уполномоченные на конференцію находились въ полномъ составѣ; Австрія, Франція, Англія и Турція назначили по два представителя, а Германія, Россія и Италія имѣли представителями своихъ пословъ въ Константинополѣ; успѣхъ конференціи зависѣлъ отъ соглашенія между Россіей и Англіей. Салисбюри, по прибытіи въ турецкую столицу, сблизился съ Игнатьевымъ; но оспа-

ривалъ планъ организаціи Болгаріи, предложеный русскимъ секретаремъ посольства княземъ Церителевымъ, по которому Болгарія должна была представлять одну автономную провинцію. Салисбюри горячо стоялъ за раздѣленіе ея на двѣ части.

Чтобы достичь соглашенія, Игнатьевъ предложилъ составить подконференцію, прежде чѣмъ состоится настоящая конференція съ турецкими представителями. Этимъ маневромъ Россія достигала того, къ чему стремилась сначала, а именно: чтобы державы предписали Портѣ условія, отнявъ у нея всякое вліяніе на оффиціальное собраніе. 11 Декабря состоялось первое засѣданіе подконференціи въ домѣ русскаго посольства, подъ предсѣдательствомъ графа Игнатьева, такъ какъ онъ былъ старѣйшимъ представителемъ дипломатическаго корпуса.

Въ девяти засѣданіяхъ, продолжавшихся до 22 Декабря, и которыя имѣли почти оффиціальный характеръ, представители сошлись на важнѣйшихъ пунктахъ. Было два существенныхъ вопроса, на счетъ которыхъ слѣдовало достичь соглашенія: опредѣленіе мирныхъ условій между Сербіей и Черногоріей съ одной стороны и Турціей съ другой; за тѣмъ точное опредѣленіе административной системы для Босніи, Герцоговины и Болгаріи. На счетъ условій мира члены вскорѣ стали единогласны, Сербія вела несчастную войну, поэтому, ея желанію объ исправленіи границъ не легко было дать ходъ. Но такъ какъ занятые турками сербскіе округа были раззорены, и бѣлградское правительство исчисляло убытки въ 10—15 милліоновъ червонцевъ; а сербы при заключеніи перемирія тоже были на турецкихъ земляхъ, то сошлись на томъ, что, какъ турецкія, такъ и сербскія войска должны очистить непріятельскую землю, а смѣшанно сербско-турецкой коммисіи будетъ поручено исправленіе границъ, принимая за основаніе долину Дрины.

Относительно Черногоріи признано было, что княжество

въ его настоящемъ видѣ не въ состояніи прокормить себя, а такъ какъ счастье улыбнулось черногорскому оружію, то, чтобы избѣжать на будущее время всякихъ столкновеній, признали нужнымъ округлить его прибавкой земли. Подконференція поднимала также вопросъ объ уступкѣ Спицы, но такъ какъ черногорцы, казалось, не придавали большого значенія пріобрѣтенію ея, и къ тому же Австрія въ прежнее время стояло противъ предоставленія Черногоріи гавани на Адріатикѣ, то сагласились выговорить ей право свободнаго плаванія на Боянѣ, доставивъ чрезъ то непосредственное сообщеніе съ моремъ.

Предположенныя реформы въ Болгаріи, Босніи и Герцоговинѣ были обсуждаемы на второмъ засѣданіи. Вопросъ о томъ, будетъ ли Болгарія составлять одну провинцію или два вилайета, служилъ предметомъ объясненій. Послѣ подробнаго изученія карты нѣкоторые члены высказались, что слѣдуетъ предпочесть два вилайета, тогда какъ Игнатьевъ заявилъ что надо руководствоваться не этнографическими, географическими и политическими соображеніями, но имѣть въ виду, какимъ способомъ лучше обезопасить христіанское населеніе, и высказался въ пользу единой Болгаріи. При подачѣ голосовъ, мнѣніе Англіи взяло перевѣсъ, и собраніе присоединилось къ большинству, желавшему учрежденія двухъ вилайетовъ: восточнаго и западнаго съ главными городами Тырновомъ и Софіей. Относительно Босніи и Герцоговины въ главнѣйщихъ вопросахъ удовлетворялись требованія инсургентовъ, и международная коммисія должна была привести реформы въ исполненіе.

Въ четвертомъ засѣданіи занялись труднѣйшей задачей: опредѣленіемъ гарантій для приведенія въ исполненіе принятыхъ рѣшеній. Графъ Игнатьевъ представилъ двѣ записки, въ которыхъ были указаны опасности, угрожавшія христіанамъ, и неспособность Порты къ исполненію реформъ; поэтому требовались матеріальныя гарантіи, то

есть, присутствіе посторонней силы. Представитель Англіи высказалъ мнѣніе, что присутствія регулярныхъ турецкихъ войскъ было-бы достаточно; Италія дала мысль поручить это дѣло Румыніи и обрадовалась согласію Игнатьева, тогда какъ прочіе члены указали но то, что это предложеніе не согласно съ достоинствомъ Турціи. Поэтому предложены были бельгійскія войска, противъ чего возразилъ Игнатьевъ. Дерби положительно поручилъ Салисбюри настаивать на участіи бельгійцевъ, и конференція примирилась съ этимъ проектомъ. Такимъ косвеннымъ путемъ занятіе страны русскими войсками было устранено. Въ послѣднемъ засѣданіи французскій представитель былъ уполномоченъ сообщить на конференціи турецкимъ представителямъ о результатѣ совѣщаній.

Австрійскій посланникъ, графъ Зичи, во время совѣщаній держался на второмъ планѣ; данныя ему отъ Андраши спеціальныя полномочія ограничивались инструкціей ходатайствовать объ округленіи Черногоріи. По всѣмъ вопросамъ европейскія державы достигли соглашенія, и графъ Игнатьевъ высказалъ, что дальнѣйшихъ уступокъ со стороны Россіи ожидать нельзя. Послѣднее слово оставалось за Портою, которой въ сущности оставался только выборъ между полнымъ принятіемъ или отказомъ. Вопросъ о томъ, что произойдетъ, ежели Порта откажется принять условія, не былъ принятъ въ соображеніе. За исключеніемъ Россіи, ни одна держава не была расположена требовать исполненія условій силою оружія; Салисбюри имѣлъ на этотъ счетъ опредѣлительныя инструкціи, не давать своего согласія на принудительныя мѣры, но извѣстить Порту, что она не должна разсчитывать на поддержку Англіи.

Вслѣдствіе заключенія подконференціи, уполномоченные отправились 21 Декабря къ турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, и графъ Игнатьевъ извѣстилъ его, что конференція можетъ быть созвана. Мидхадъ—паша, только что

назначенный великимъ визиремъ, получилъ заранѣе, частнымъ образомъ, отъ представителей западныхъ державъ свѣдѣнія о постановленіяхъ подконференціи. Онъ и турецкіе уполномоченные рѣшительно протестовали противъ предложенной международной комиссіи, и въ особенности противъ способа гарантій. Тогда англійскій посланникъ высказалъ имъ, что въ будущемъ Порта не должна разсчитывать на симпатіи и поддержку Англіи. Мидхадъ-паша отвѣтилъ, что это имъ стало ясно изъ послѣднихъ извѣстій о состояніи общественнаго настроенія въ Англіи; но онъ долженъ сказать, что ежели Турція принуждена будетъ вести внѣшнюю войну, то выкажетъ гораздо болѣе жизненной силы, нежели это предполагаютъ; если-же она будетъ раздавлена, то Европа увидитъ какъ турки умѣютъ защищаться. Въ былое время чрезъ Геллеспонтъ въ Европу перешло шестьсотъ мусульманъ; и не болѣе этого числа вернется въ Азію. Великобританія будетъ имѣть достаточно времени на могилахъ турокъ обсудить послѣдствія измѣненія англійской политики.

Такимъ образомъ Порта рѣшилась на крайнія послѣдствія, и конференція не сулила устраненія спорныхъ вопросовъ. 23 Декабря состоялось первое засѣданіе въ зданіи адмиралтейства. По дипломатическимъ обычаямъ предсѣдательство было предоставлено Савфету-пашѣ. Изложивъ ходъ событій съ начала возстанія въ Герцоговинѣ и опровергая чтобы въ Болгаріи были пролиты потоки крови, турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ указалъ на то, что Порта въ нотѣ отъ 30 Декабря признала предложенныя реформы цѣлосообразными; и теперь султанъ рѣшился дать всей своей имперіи реформы, основанныя на децентрализаціи, съ цѣлью всеобщаго преобразованія.

За нимъ началъ рѣчь Салисбюри, высказавъ сомнѣніе въ правильности изложенія событій министромъ; особенно сильно протестовалъ онъ противъ оправдательныхъ объяс-

неній на счетъ болгарскихъ злодѣйствъ, напирая на то, что заботою конференціи должно быть не прошлое, но возстановленіе мира и лучшаго будущаго. Игнатьевъ горячо присоединился къ этому выводу; Графъ Зичи также высказалъ съ этимъ согласіе и далъ поводъ графу Шодорди сообщить турецкимъ уполномоченнымъ о трудахъ подконференціи. Во время объясненій вдругъ раздались пушечные выстрѣлы, такъ какъ въ эту минуту состоялось провозглашеніе конституціи въ Турціи, и предсѣдатель возвѣстилъ удивленнымъ членамъ собранія, что отнынѣ открылась новая эра счастія и благосостоянія для народовъ имперіи.

Безполезность конференціи была такимъ образомъ несомнѣнно доказана: на предложеніе державъ ввести реформы въ Босніи, Герцоговинѣ и Болгаріи, Порта отвѣтила введеніемъ Конституціи во всей имперіи и высказала желаніе вести переговоры на основаніе турецкаго контр-проекта. Лордъ Салисбюри объявилъ, что подобный способъ отвѣчать на предложенія державъ не удовлетворяетъ желаніямъ Европы и вредитъ достоинству и интересамъ самой Порты.

Конечно турки были въ своемъ правѣ, отказываясь принимать безъ измѣненій предписанныя имъ условія: иначе они сами подписали бы свое отреченіе отъ самостоятельности и независимости. Въ частномъ засѣданіи Игнатьевъ объявилъ, что вслѣдствіе полученныхъ имъ приказаній, онъ не долженъ вступать въ обсужденіе турецкихъ предложеній; единственная почва, на которой онъ можетъ держаться, заключается въ соглашеніи съ остальными державами. Всѣ уполномоченные сочли себя въ правѣ, при окончательномъ отказѣ Порты отъ предложеній, оставить Константинополь.

Втораго Января, по иниціативѣ Россіи, уполномоченные собрались, чтобы смягчить коренныя условія. Округъ Зубцы, назначавшійся Черногоріи, оставляли за Портою; отказались отъ введенія иностраннаго корпуса войскъ, ограничиваясь организаціей особаго корпуса жандармовъ, подъ

начальствомъ иностранныхъ офицеровъ. Вопросъ о разверсткѣ податей между провинціями оставленъ былъ открытымъ; требованіе особаго болгарскаго вилайета поддерживалось не безусловно; наконецъ вмѣсто международной комиссіи, довольствовались комиссіей консуловъ.

Графъ Зичи получилъ предписаніе, что ежели Порта не приметъ предложеній подконференціи за основаніе дальнѣйшихъ переговоровъ, то Австрія наравнѣ съ прочими отзоветъ посланника; что было бы недобросовѣстно оставлять Турціи хотя бы малѣйшую надежду на поддержку Австріи. Когда же уполномоченные рѣшились на смягченіе основныхъ предложеній, то задача Зичи была опредѣлена графомъ Андраши предписаніемъ содѣйствовать всѣми силами, чтобы Порта приняла смягченныя условія по крайнѣй мѣрѣ, какъ базисъ для дальнѣйшихъ переговоровъ. Въ исполненіе полученнаго приказанія, Зичи явился къ Мидхаду-пашѣ. Великій визирь разсыпался въ увѣреніяхъ мирнаго настроенія; высказавъ однако, что населеніе ежедневно приходитъ все въ большее возбужденіе; что воодушевленіе на войну съ Россіей достигло высшей спепени, и что султанъ не можетъ заключить унизительнаго мира; что онъ готовъ сдѣлать державамъ нѣкоторые уступки, но признаетъ невозможнымъ исполнить всѣ требованія.

Созванный падишахомъ на 18 Января 1877 года великій совѣтъ изъ 237 лицъ единогласно высказался за отказъ отъ предложеній. Два дня спустя, состоялось послѣднее засѣданіе конференціи; первый турецкій уполномоченный представилъ контрпредложенія. Игнатьевъ объявилъ, что такъ какъ два важнѣйшіе пункта: назначеніе вали съ согласія державъ и международная комиссія не приняты, то всякіе дальнѣйшіе переговоры прекращаются. Салисбюри присоединился къ Игнатьеву, который увѣдомилъ Порту, что уполноченнымъ прислано предложеніе выѣхать изъ Константинополя. Державы все сдѣлали, чтобы поставить

Порту на такой путь, который давалъ ей возможность сохранить цѣлость имперіи, но, вслѣдствіе своего отказа, она подвергается опасности потерять право на поддержку и лишиться гарантіи, предоставленной ей трактатами. Если же послѣ перерыва переговоровъ снова начнутся непріязненныя дѣйствія противъ Сербіи и Черногоріи, то Россія приметъ это за вызовъ, брошенный Европѣ.

Немедлено послѣ неудачи конференціи, Порта по телеграфу пригласила заинтересованныя стороны къ непосредственнымъ переговорамъ о мирѣ. Князь Миланъ высказалъ согласіе и вмѣстѣ съ тѣмъ отнесся къ австрійскому посланнику съ просьбою сообщить ему, на какихъ основаніяхъ должно вести переговоры. Въ Черногоріи выказывала дѣятельность Англія, чтобы добиться согласія князя Никиты. Генеральный консулъ въ Рагузѣ получилъ для этого предписаніе отправиться въ Цетинью. Князь отвѣчалъ ему, что онъ изъявилъ готовность вести переговоры, но желаетъ знать основанія ихъ, и боится, что изъ всего не выйдетъ никакого результата. Особенно его тронулъ отказъ конференціи въ предоставленіи Черногоріи гавани, такъ же, какъ и то обстоятельство, что Англія принимала участіе въ этомъ постановленіи. Пятаго Февраля Порта высказала, что основаніями переговоровъ будетъ status quo ante съ нѣкоторымъ исправленіемъ границъ; седьмаго числа послѣдовалъ изъ Черногоріи отвѣтъ о ея согласіи съ предупрежденіемъ, что подъ словомъ: исправленія границъ, подразумѣвается присоединеніе участка, которое было опредѣлено подконференціей.

Графъ Андраши одобрилъ поступокъ Порты на счетъ непосредственныхъ переговоровъ съ Сербіей и Черногоріей; въ Берлинѣ присоединились къ его взгляду; а изъ Петербурга на вопросы князей Милана и Никиты, Горчаковъ отвѣтилъ, что они сами могутъ обсудить, удовлетворяютъ ли ихъ условія, но что Россія не будетъ этому про-

тивиться. Вслѣдствіе слуховъ, что Мидхадъ-паша предлагаетъ черногорскому князю уступку Суторины, Андраши велѣлъ передать великому визирю, что онъ будетъ видѣть въ подобной сдѣлкѣ вызовъ Австро-Венгріи: присоединеніе Суторины къ Черногоріи до того тѣсно обложитъ Каттаро, что для Австріи возможно будетъ удержать за собою эту гавань, лишь подъ условіемъ продолженія ея владѣній въ другомъ направленіи.

Переговоры съ Сербіей привели къ миру; но съ Черногоріей соглашенія достигнуто не было. Никита требовалъ исправленія границы, съ предоставленіемъ ему острововъ на Скуторійскомъ озерѣ, Спицы и свободнаго плаванія по озеру и рѣкѣ Боянѣ. Андраши послалъ въ Цетинью объявленіе, подобное тому, какое сообщилъ въ Константинополѣ на счетъ Суторины, прибавя, что принятіе этой мѣстности будетъ такъ непріятно вѣнскому кабинету, что онъ воспротивится на счетъ земельныхъ уступокъ Черногоріи. Еще первые переговоры черногорцевъ съ Мухтаромъ-пашею давали мало надежды на соглашеніе. "Объ уступкѣ гавани„ говорилъ паша "не можетъ быть и рѣчи, такъ же, какъ и объ уступкѣ земель по направленію къ Албаніи; да и вообще Порта не отдаетъ земли безъ вознагражденія„. Черногорцы указывали со своей стороны на завоеваніе ими Никшичъ-Дуги и правого берега Морачи; но турецкій совѣтъ министровъ рѣшительно воспротивился этому. Цѣлую недѣлю тянулись переговоры; черногорцы умѣрили свои требованія; вѣнскій кабинетъ старался быть посредникомъ; но все было безуспѣшно.

Послѣ неудачи конференціи европейская дипломатія осталась въ нерѣшительности; графъ Андраши могъ съ гордостью назвать себя пророкомъ, предсказавъ жалкій ея результатъ. Всѣ взгляды были устремлены на Петербургъ. На вопросъ, обращенный къ Горчакову англійскимъ посланникомъ, было отвѣчено, что не въ состояніи дать ему

прямаго отвѣта, но что Россія не отдѣлится отъ европейскаго концерта. 31 Января канцлеръ разослалъ циркулярную депешу къ державамъ съ запросомъ на счетъ положенія, которое онѣ намѣрены занять: „Цѣль, которую преслѣдовали великія державы, точно опредѣлена конференціей. Отказъ турецкаго правительства затрогиваетъ Европу въ ея достоинствѣ и ея спокойствіи; теперь важно знать, что думаютъ предпринять кабинеты; и какимъ образомъ отвѣчать на этотъ отказъ“?

Никто не чувствовалъ въ себѣ призванія дать отвѣтъ. Можетъ быть сѣверная держава ожидала, что Европа, въ своемъ неудовольствіи, предоставитъ Россіи предъявить требованія и силою оружія вынудить то, что упорство турецкихъ министровъ отказало убѣжденіямъ дипломатіи. Въ Петербургѣ еще не рѣшались на войну, потому что не имѣли вѣрныхъ свѣдѣній о положеніи, которое примутъ европейскія державы.

Протекли недѣли, и ни одинъ изъ кабинетовъ не далъ отвѣта на запросъ. Россія настаивала въ Лондонѣ на полученіи отвѣта; тогда лордъ Дерби высказалъ Шувалову, что обстоятельства измѣнились; къ тому же было бы благоразумно выждать, покуда перемѣны министровъ въ Константинополѣ выяснятъ дѣла. „Настоящее положеніе для Россіи чрезвычайно невыгодно“ замѣтилъ князь Горчаковъ, „мобилизація войскъ вызываетъ большіе расходы. Россія не можетъ цѣлые мѣсяцы оставаться вооруженною“. Изъ нѣкоторыхъ намековъ Шувалова, лордъ Дерби могъ однако заключить, что Россія ищетъ приличнаго отступленія. „Въ Петербургѣ желаютъ“ говорилъ русскій представитель“ мирной развязки, хотя имѣютъ 500 тысячъ войска на готовѣ; это однако зависитъ отъ державъ. Ежели онѣ признаютъ необходимость дѣйствительнаго улучшенія быта христіанскаго населенія, то пусть поставятъ Турціи срокъ для приведенія реформъ въ исполненіе“.

Медлительность европейскихъ кабинетовъ побудила Александра II къ отправленію графа Игнатьева подъ предлогомъ совѣта окулистовъ сперва въ Парижъ, а за тѣмъ въ Лондонъ, Берлинъ и Вѣну. Главнѣйшіе переговоры велись между Россіей и Англіей. Въ Парижѣ Игнатьевъ сдѣлалъ первыя сообщенія лорду Лайонсу, а въ Лондонѣ предметъ обсуждался между Дерби и Шуваловымъ. Съ русской стороны было предложено подписаніе всѣми державами протокола въ Лондонѣ. Созданное жалкимъ результатомъ константинопольской конференціи положеніе слѣдовало привести къ развязкѣ; констатировать противодѣйствія Порты къ введенію реформъ; а уступки турецкаго правительства, высказанныя въ циркулярѣ Савфета-паши, принять къ свѣдѣнію. Русско-австрійская дружба въ это время уже нѣсколько пострадала, такъ какъ русскій кабинетъ обратился за согласіемъ Англіи, прежде чѣмъ увѣдомилъ Вѣну о содержаніи протокола; дѣйствовалъ онъ такъ скрытно, что первыя свѣдѣнія о русскихъ предложеніяхъ узнали чрезъ Лондонъ.

Андраши, впрочемъ, не сдѣлалъ никакого затрудненія для успѣха протокола; онъ не считалъ мира возможнымъ, если разоруженіе Россіи зависитъ отъ согласія Турціи съ Черногоріей; сама же Россія не принимала въ протоколѣ никакого обязательства на счетъ разоруженія. Рѣшеніе затруднительнаго вопроса зависѣло отъ Порты; турецкіе министры высказали справедливыя сомнѣнія: „Это унизительно, "говорили они„ что разоруженіе Россіи зависитъ отъ мира нашего съ Черногоріей; всѣ наши уступки остаются непризнанными; непонятно, почему Порта должна прежде Россіи выказать готовность къ демобилизаціи; наконецъ, мы не согласны на отправленіе посла въ Петербургъ". Особенно тяжело легла на вѣсы оговорка, высказанная Шуваловымъ, что, въ случаѣ повторенія болгарскихъ кровопролитій, Россія оставляетъ за собою право

отказаться отъ разоруженія; этимъ давалась какъ бы премія для новой инсуррекціи.

Графъ Андраши не могъ надивиться тому, что совѣтъ турецкихъ министровъ такъ смѣло возстаетъ противъ лондонскаго протокола: „Если бы Порта сообразила," говорилъ австрійскій министръ, „что она оттолкнула желаніе европейской конференціи, и что Европа довольствуется тѣмъ, что сама Порта признала справедливымъ, то она должна бы сознать, что ничто не задѣваетъ ея независимости и достоинства. Если Порта не можетъ отказаться отъ Никшича, то должна, по крайней мѣрѣ, уступить по другимъ пунктамъ. Затрудненія на счетъ отправки посла въ Петербургъ необъяснимы; какъ самостоятельная держава, Турція должна переговариваться непосредственно съ Россіей. Все въ протоколѣ поставлено такъ, чтобы сдѣлать возможною мирную развязку".

Къ сожалѣнію, убѣжденія графа Андраши не заслужили одобренія порты: Савфетъ паша благодарилъ за благоразумный совѣтъ и обѣщалъ не прерывать переговоры съ Черногоріей, но въ этомъ заключались всѣ уступки.

Отрицательный отвѣтъ порты былъ сообщенъ кабинетамъ циркуляромъ 10 Апрѣля 1877 года. Графъ Андраши объявилъ Алеко-пашѣ, что онъ съ тяжелымъ чувствомъ принялъ отказъ турецкаго министерства, назвавши его несвоевременнымъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ Константинополѣ до послѣдней минуты были убѣждены, что Англія станетъ на сторону Турціи, и лордъ Дерби слишкомъ поздно уничтожилъ эти надежды. Англійскій премьеръ извѣстилъ Порту о содержаніи разговора лорда Лофтуса съ Горчаковымъ; русскій канцлеръ объявилъ что "неудовлетворительный или неопредѣлительный отвѣтъ Дивана будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ войну". Сторонники мира въ Петербургѣ желали примиренія несогласій; если бы даже Порта, отказавшись отъ принятія протокола, вступи-

ла съ Россіей въ переговоры на счетъ своего разоруженія, то явилась бы нѣкоторая возможность сойтись въ условіяхъ, потому что и царь, и дипломаты не желали войны; но рѣзкое поведеніе Порты закрывало миротворцамъ всѣ пути.

Война началась, и Россія, выступивъ въ походъ, не встрѣтила противорѣчія ни въ одномъ изъ европейскихъ кабинетовъ. Всѣ они вслѣдъ за объявленіемъ войны поспѣшили заявить о своемъ нейтралитетѣ; и послѣдняя просьба порты, просившей о вмѣшательствѣ державъ на основаніи парижскаго трактата, была отвергнута. Графъ Андраши въ послѣдніе дни сдѣлалъ еще попытку къ поддержанію мира, но получилъ отъ Горчакова отвѣтъ, что уже поздно; къ тому же, формальное посредничество державъ по его мнѣнію, не могло имѣть успѣха, но привело бы къ различію взглядовъ кабинетовъ и затруднило локализацію войны.

Еще съ осени 1876 года Россія приняла всѣ мѣры: вооруженіе было сдѣлано ею въ началѣ замѣшательствъ въ Босніи и Герцоговинѣ. Вслѣдствіе уступки Бессарабіи непосредственное столкновеніе Турціи съ Россіей въ Европѣ было невозможно. Въ Букарестѣ въ теченіи зимы прилагали всѣ старанія, чтобы добиться признанія нейтралитета Румыніи; но державы не приняли этого взгляда, такъ какъ она составляла часть турецкой имперіи, и держава, объявившая Турціи войну, могла, по народному праву, распространить свои операціи на княжества. Они были преданы въ руки Россіи, потому что не могли съ оружіемъ противиться вступленію русскихъ войскъ. 16 Апрѣля 1877 года состоялось соглашеніе, довольно благопріятное для Румыніи; ея армія не была обязана сражаться подъ начальствомъ русскихъ полководцевъ, и царь принялъ обязательство уважать права и цѣлость Румыніи. Такимъ образомъ, цѣль, которую имѣли въ 1856 году при уступкѣ Бессарабіи, оказалась иллюзіей. Апрѣля 26 началось вступленіе русскихъ

войскъ въ княжества, хотя только 29 числа румынскія палаты признали конвенцію, заключенную съ Россіей.

Немедленно, по вступленіи русскихъ войскъ въ Турцію, англійскій премьеръ высказалъ свои взгляды на счетъ возможныхъ послѣдствій войны. "До тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ о турецкихъ интересахъ" говорится въ его депешѣ 6 Мая „Англія будетъ слѣдовать политикѣ нейтралитета. Но могутъ однако быть затронуты интересы, которые мы обязаны защищать. Въ первый линіи стоитъ необходимая связь Европы съ Египтомъ чрезъ Суэцкій каналъ; всякая попытка блокировать этотъ водный путь будетъ принята за угрозу Индіи. Огромное значеніе Константинополя въ военномъ, политическомъ и торговомъ отношеніяхъ достаточно извѣстно, и Англія не расположена смотрѣть равнодушно, чтобы эта столица перешла въ собственность другой державы." Также давалось понять, что всякое измѣненіе въ постановленіяхъ, касающихся плаванія по Дунаю и Дарданелламъ, встрѣтитъ серьезное противорѣчіе.

Россія медлила отвѣтомъ; только по вторичному требованію лорда Дерби полученъ былъ отъ 30 мая вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ: Суэцкій каналъ обѣщано не блокировать и не препятствовать его судоходству; относительно Константинополя русскій кабинетъ объяснялъ, что хотя нельзя предвидѣть хода или конца войны, но царь не намѣренъ присвоивать этотъ городъ; будущность его, представляющая всеобщій интересъ, можетъ быть опредѣлена лишь по общему соглашенію; то же самое сказано было и на счетъ проливовъ. Русскій императоръ не желаетъ переступать за ясно высказанную цѣль, которая побудила его взяться за оружіе; онъ будетъ принимать въ расчетъ интересы Англіи, пока она держится нейтралитета; но Россія имѣетъ право также требовать вниманія къ ея собственнымъ интересамъ, которые заключаются въ улучшеніи участи христіанскихъ населеній.

Депеша 30 Мая имѣла цѣлью только успокоить англійскій кабинетъ; какого же рода цѣли преслѣдовала Россія въ предпринятой войнѣ было изложено въ меморандумѣ русскаго канцлера 8 Іюня. Затрогивая вопросъ объ обладаніи Константинополемъ, онъ высказалъ, что въ данномъ обѣщаніи подразумѣвалось лишь продолжительное завладѣніе имъ; но, по ходу военныхъ событій, войска могутъ быть принуждены дойти до воротъ Цареграда. Впрочемъ, отъ Англіи зависитъ содѣйствовать тому, что бы эта опасность была предотвращена; она можетъ, вліяя на турокъ, побудить ихъ къ миру. Если державы останутся нейтральными, и прежде чѣмъ русскія войска перешагнутъ Балканы, Порта выскажетъ готовность на миръ, то онъ можетъ быть заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: Автономія Болгаріи до Балканъ; приращеніе Сербіи и Черногоріи и лучшее управленіе Босніей и Герцоговинной; при чемъ Австріи будетъ принадлежать рѣшающее слово. Для себя же Россія потребуетъ незначительныхъ выгодъ: а именно: уступки Батума и возвращенія части Бессарабіи. Румынія, взамѣнъ того, можетъ быть вознаграждена признаніемъ ея независимости, или уступкой ей части Добруджи. Если же Австрія потребуетъ вознагражденія, то Россія не будетъ противъ удовлетворенія ея на счетъ Босніи и Герцеговины.

Русскіе военные кружки сильно возстали противъ программы, по которой отнималась возможность перейти Балканы, а также того, что автономія требовалась лишь для сѣверной Болгаріи; въ то время какъ южная часть болѣе плодородная, благодатная и съ интеллигентнымъ населеніемъ, оставалась подъ турецкимъ владычествомъ. Къ тому же и самъ канцлеръ, редактируя первоначальный проектъ, имѣлъ въ виду, не столько посредничество Англіи, сколько желаніе обезпечить себѣ ея нейтралитетъ. Поэтому, русскому послу въ Лондонѣ была послана дополнительная инструкція; но Шуваловъ слишкомъ поздно получилъ рас-

поряженіе не дѣлать употребленія изъ полученныхъ имъ документовъ, и, три дня спустя послѣ перваго меморандума, явился къ Дерби, чтобы сообщить ему, что Горчаковъ, по внимательномъ обсужденіи, пришелъ къ убѣжденію, что раздѣленіе Болгаріи на двѣ части неисполнимо.

Локализація войны была послѣднимъ словомъ графа Андраши. На русскій циркуляръ отъ 7 Апрѣля, извѣщавшій, что послѣ неуспѣха переговоровъ съ Портою, царь приступитъ къ исполненію дѣла, которое должно бы было осуществиться сообща съ великими державами, графъ Андраши ничего не отвѣтилъ, считая единоличный отвѣтъ неудобнымъ, потому что онъ могъ вызвать между державами несогласіе; Деказъ присоединился къ этому взгляду; а два дня спустя и изъ Берлина было сообщено, что никакого отвѣта не послѣдуетъ. Только Англія не приняла выводовъ и заключеній русскаго циркуляра. Австрія не сдѣлала возраженій также противъ договора Россіи съ Румыніей, и только когда извѣстились о предполагаемомъ объявленіи независимости Дунайскихъ княжествъ, Андраши высказалъ, что это не будетъ законно и потребуетъ санкціи державъ.

На ходъ войны Андраши имѣлъ вліяніе въ томъ смыслѣ, что высказался противъ движенія русскихъ войскъ чрезъ Орсову и Кладову; такъ какъ военныя операціи происходили бы въ опасномъ для Австріи сосѣдствѣ. Въ Петербургѣ выразили готовность воздержаться отъ этого, ежели турки не вздумаютъ дѣлать нападенія въ этомъ направленіи. Тогда Андраши сдѣлалъ энергическое представленіе въ Константинополѣ противъ занятія этихъ мѣстностей турецкими войсками; взамѣнъ чего обѣщалъ употребить всѣ мѣры, чтобы изъ Босніи и Герцеговины не доставляли оружія въ Черногорію.

Въ палатѣ депутатовъ австрійское правительство высказалось о положеніи, принятомъ имъ въ восточномъ кри-

зисѣ, объявивъ, что стремится къ локализаціи войны, имѣя предъ собою двойную задачу: стараться чтобы война не повела къ европейскимъ усложненіямъ, и чтобы по окончаніи ея на востокѣ установился порядокъ вещей, согласный съ интересами имперіи, такъ какъ Австрія болѣе всѣхъ европейскихъ державъ имѣетъ въ томъ непосредственный интересъ. На запросъ венгерскихъ депутатовъ: не считаетъ ли правительство своевременнымъ, въ виду событій въ Румыніи, принять рѣшительное положеніе и войти въ соглашеніе съ прочими державами на счетъ поддержанія парижскаго трактата, министръ президентъ Тисса отвѣчалъ, что въ княжествахъ не представляется повода къ вмѣшательству, такъ какъ русскія войска вступили въ Румынію съ ея согласія; что княжества не нейтрализованы, да и представляется вопросъ: былъ ли бы выгоденъ для Австріи подобный нейтралитетъ. Въ подобномъ же смыслѣ высказался Андраши предъ румынскимъ агентомъ, когда тотъ увѣдомилъ вѣнскій кабинетъ о провозглашеніи независимости княжествъ, прибавя, что этотъ шагъ несвоевременъ. Въ Парижѣ и Римѣ раздѣляли этотъ взглядъ; и въ италіянской столицѣ выразили даже удивленіе, что Румынія объявила свою независимость при содѣйствіи чужеземныхъ войскъ.

Въ теченіе лѣта, австрійское правительство не было обезпокоено палатами о текущихъ вопросахъ. Когда-же при посѣщеніи Пешта турецкими софтами, тамъ произошли туркофильскія демонстраціи, то графъ Андраши твердо объявилъ, что братскія манифестаціи не производятъ на него никакого дѣйствія. Даже когда Сербія вмѣшалась въ борьбу противъ Турціи, то въ этомъ не было усмотрѣно нарушенія австрійскихъ интересовъ.

Въ началѣ Декабря 1877 года графъ Андраши спокойно и съ увѣренностью смотрѣлъ на развитіе событій; императоръ Францъ, принимая депутацію, высказалъ, что, не

взирая на восточныя усложненія, Австрія находится въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми державами, и когда въ концѣ года Порта отнеслась къ кабинетамъ съ просьбою о посредничествѣ, то Андраши объявилъ, что въ циркулярѣ оттоманскаго правительства онъ не усматриваетъ достаточнаго основанія для мирныхъ переговоровъ. Обязанности нейтралитета не позволяютъ Австріи принять иниціативы посредничества между воюющими, потому что это принудило бы ее формулировать условія мира. Императорское правительство сохраняетъ за собою право участія съ того момента, какъ переговоры между Россіей и Турціей примутъ благопріятное направленіе.

Вѣроятно въ Вѣнѣ надѣялись имѣть всегда возможность своевременно вмѣшаться въ распрю, такъ какъ развязки войны ожидали не ранѣе весны, не разсчитывая на то, чтобы послѣ паденія Плевны, походъ продолжался въ позднее время года. Но вотъ въ концѣ Декабря русскія войска достигли Балканъ; генералъ Гурко перешелъ ихъ, взялъ Софію и направился къ Филиппополю; Января 7 центръ русской арміи перешагнулъ горы и овладѣлъ Казанлыкомъ. Тридцати двухъ тысячная армія турокъ, стоявшая у Шибк положила оружіе. Близъ Филиппополя Гурко одержалъ п бѣду надъ Сулейманомъ пашею и отрѣзалъ ему отступленіе къ Адріанополю; такъ что остатки турецкихъ силъ были посажены на суда, для отправки ихъ въ Константинополь. Никакія силы не закрывали русскимъ войскамъ пути наступленія; хотя у Адріанополя уже три мѣсяца какъ возводили укрѣпленія, но для защиты ихъ не было войскъ. Турція была побѣждена; всякая надежда изчезла; расчеты на поддержку Англіи не осуществились; а изъ остальныхъ державъ ни одна не выказывала желанія вступить въ дѣло.

Порта воззвала къ спеціальному ходатайству Англіи. На запросъ, сдѣланный лордомъ Дерби, Горчаковъ отвѣ-

тилъ, что Порта должна обратиться къ главнокомандующему, который опредѣлитъ условія, на которыхъ можетъ состояться перемиріе. Въ Константинополѣ были готовы, при содѣйствіи Англіи, вступить въ переговоры; но Дерби отклонилъ посредничество, давши совѣтъ послать въ главную русскую квартиру уполномоченныхъ. Тогда турецкое министерство обратилось къ великому князю Николаю, который объявилъ, что объ одномъ перемиріи, безъ одновременнаго опредѣленія предварительныхъ условій мира, не можетъ быть и рѣчи. Порта подчинилась и, отдавъ приказаніе очистить Адріанополь, послала Серверъ-пашу и Намикъ-пашу съ полномочіями въ русскій лагерь. Января 21 русскія войска вступили въ Адріанополь, а десять дней спустя были опредѣлены предварительныя условія мира. Они состояли въ слѣдующемъ: созданіе автономной Болгаріи, какъ княжества, платящаго дань Портѣ, съ національнымъ христіанскимъ княземъ, избраннымъ болгарами; границы княжества опредѣлялись по меньшей мѣрѣ тѣми размѣрами, которые обсуждались на конференціи. Кромѣ того требовались независимость и расширеніе Черногоріи, Сербіи и Румыніи; автономная администрація Босніи и Герцеговины съ достаточными гарантіями, введеніе автономныхъ реформъ въ другихъ христіанскихъ провинціяхъ Европейской Турціи; наконецъ уплата военныхъ издержекъ.

Сообщеніе русскихъ мирныхъ условій смутило спокойствіе австрійскаго министра. Россія ссылалась на то, что графъ Андраши пропустилъ три недѣли, прежде чѣмъ далъ отвѣтъ на мирныя условія, непосредственно сообщенныя императоромъ Александромъ монарху Австріи. Чрезъ это Россія, при ходѣ событій, не въ состояніи была обезпечить за собою согласіе Австріи до подписанія предварительныхъ условій мира.

Надо полагать, что Андраши медлилъ отвѣтомъ потому, что поджидалъ соглашенія съ Англіей. Еще въ пер-

выхъ числахъ Января общественное мнѣніе Англіи высказывалось противъ дѣятельнаго вмѣшательства и за сохраненіе нейтралитета. Отказъ Россіи заключить перемиріе и поступательное движеніе русскихъ войскъ къ Константинополю, хотя Порта и высказала согласіе на переговоры, дали понять, что русскіе стремятся занять важнѣйшіе пункты. Января 10, Англія потребовала, чтобы Россія не занимала Галлиполи и Дарданеллъ. Чрезъ пять дней Горчаковъ отвѣтилъ, что Россія не намѣрена распространять военныхъ операцій на Галлиполи, ежели тамъ не будутъ сосредоточены турецкія войска; но онъ требовалъ, чтобы Англія также не занимала полуострова, иначе это неблагопріятно повліяетъ на условія мира. Января 23, англійскій кабинетъ принялъ рѣшеніе послать приказаніе флоту вступить въ Дарданеллы.

25 Января Шуваловъ увѣдомилъ Дерби, что Россія не намѣрена одна рѣшать европейскіе вопросы, въ числѣ которыхъ считаетъ проходъ военныхъ судовъ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы; а четыре дня спустя, послѣдовало извѣщеніе Дерби, что англійское правительство не можетъ признать въ мирныхъ условіяхъ Турціи съ Россіей всего того, что касается измѣненія европейскихъ договоровъ или англійскихъ интересовъ, ежели они не будутъ формально приняты державами, участвовавшими въ подписаніи парижскаго трактата.

30 Января послѣдовала въ Петербургѣ передача отъ Австріи подобнаго же объявленія; неизвѣстно, однако же, которыя изъ условій неодобрялись Вѣною. Что Россія стремилась призвать къ жизни великую Болгарію, то объ этомъ Шуваловъ еще въ Іюнѣ объявилъ въ Лондонѣ. Андраши въ то время не сдѣлалъ никакого возраженія, а также не оспаривалъ увеличенія Сербіи и Черногоріи и возврата Россіи части Бессарабіи; слѣдовательно, надо допустить, что Австрія получила словесное обѣщаніе нѣко-

торыхъ выгодъ въ случаѣ успѣха русскаго оружія. Хотя въ началѣ Австрія отказалась отъ сдѣланнаго ей предложенія занять Боснію, но, при царствовавшемъ въ то время настроеніи, Андраши неудобно было идти рука объ руку съ Россіей противъ Порты; особенно же это было невозможно во вниманіи къ Венгріи. Въ предварительныхъ условіяхъ мира, которыя въ Январѣ Россія доставила въ Вѣну, не упоминалось, что бы Австріи предоставлялось вліяніе на устройство автономіи въ Босніи и Герцеговинѣ, но объ этомъ было сказано въ іюньской запискѣ князя Горчакова. Графъ Андраши многократно объявлялъ, что Австрія будетъ въ состояніи своевременно заявить о своихъ требованіяхъ при окончательномъ устройствѣ дѣлъ, и вдругъ появлялся миръ безъ участія Австріи. Поэтому только при усиліи всѣхъ державъ, подписавшихъ парижскій договоръ, являлась возможность заставить принять во вниманіе австрійскіе интересы.

Февраля 3 Австрія, предварительно заручившись согласіемъ Россіи, приняла иниціативу на созывъ европейской конференціи. Предложеніе было принято всѣми державами, только Россія потребовала не конференціи, а конгресса. Главнѣйшею цѣлью петербургскаго кабинета былъ выигрышъ времени; онъ желалъ придти съ Портою къ окончательному мирному соглашенію, чтобы явиться на совѣщаніе съ совершившимся фактомъ. Андраши немедленно выразилъ готовность дать ходъ желанію, выраженному Горчаковымъ, предложивъ мѣстомъ совѣщанія Бельгію, Швейцарію или Баденъ. Князь Горчаковъ отвѣчалъ, что принимаетъ Баденъ, но на совѣщаніяхъ лично участвовать не будетъ. Марта 3, въ тотъ же день какъ состоялся такъ называемый Санъ-Стефанскій договоръ, Андраши получилъ извѣстіе, что Германія согласилась на предложеніе Горчакова созвать конгрессъ въ Берлинѣ изъ министровъ, руководящихъ политикой; а такъ какъ Бисмаркъ желалъ быть

избавленъ отъ порученія приглашать представителей, то Андраши принялъ этотъ трудъ на себя.

Франція изъявила готовность присутствовать въ Берлинѣ, если получитъ увѣреніе, что конгрессъ ограничится только обсужденіемъ восточнаго вопроса; Италія также согласилась, отказывалась одна Англія. Лондонскій кабинетъ ставилъ свое согласіе въ зависимость отъ условія, чтобы цѣлый договоръ во всѣхъ своихъ пунктахъ былъ предоставленъ обсужденію и рѣшенію европейскихъ кабинетовъ, а Россія желала отдать на рѣшеніе конгресса только тѣ пункты, которые касались интересовъ Европы. Петербургскій кабинетъ въ особенности стоялъ на томъ, чтобы устранить всякое сужденіе о Бессарабіи. Румынскому агенту въ Петербургѣ Горчаковъ категорически объявилъ, что Россія никогда не согласится представить на конгрессъ вопросъ, который былъ бы оскорбленіемъ царю. Съ Румыніей готовы переговариваться, но ежели она окажется неподатливой, то Бессарабію возьмутъ силою.

Представленія Австріи въ Лондонѣ, чтобы примирить противорѣчія кабинетовъ были безуспѣшны; Англія не хотѣла идти на конгрессъ, пока не получитъ увѣренности, что ея требованія будутъ приняты въ расчетъ. Германскому канцлеру принадлежитъ заслуга, что конгрессъ состоялся. Этотъ государственный мужъ приложилъ старанія, чтобы въ Лондонѣ и Петербургѣ достичь соглашенія, которое укрѣпляло бы за Россіей результатъ войны и вмѣстѣ удовлетворяло требованія Англіи. Шуваловъ принималъ значительную долю въ примиреніи разногласія кабинетовъ. Россія увидѣла возможность коалиціи Австріи съ Англіей и плоды своихъ успѣховъ поставленными въ опасность. Находясь въ необходимости искать соглашенія съ Австріей или съ Англіей, она избрала послѣднюю, потому что требованія ея менѣе задѣвали результаты войны, а также потому, что противъ Австріи существовала въ Пе-

тербургѣ сильная партія, которая желала воспрепятствовать ей занять на полуостровѣ вліятельное положеніе.

Въ сдѣлкѣ между Салисбюри и Горчаковымъ отъ 30 Мая Англія уступила по нѣсколькимъ пунктамъ; Салисбюри указалъ на невыгодныя послѣдствія насильственнаго присоединенія Бессарабіи и порицалъ требованіе Батума. Биконсфильдъ высказалъ, что бессарабскій вопросъ вовсе не имѣетъ мѣстнаго или второстепеннаго значенія, но составляетъ задачу, которой еще Пальмерстонъ придавалъ большую важность, потому что отъ нея зависитъ свобода судоходства на Дунаѣ. Въ соглашеніи по этому поводу было выражено, что Англія высказываетъ глубокое сожалѣніе о требованіи Россіей возврата Бессарабіи; но такъ какъ извѣстно, что остальныя державы не расположены поддерживать оружіемъ границъ Румыніи, то Англія, какъ страна, не имѣющая въ этомъ вопросѣ особаго интереса, не принимаетъ на одну себя отвѣтственности сопротивленія противъ обмѣна.

Санъ-Стефанскій договоръ былъ ударомъ, направленнымъ въ Австрію. Держась за условія мира, постановленныя при заключеніи перемирія, Игнатьевъ, безъ сомнѣнія, мѣтилъ на продолжительное устраненіе Австро-Венгріи изъ Балканъ, посредствомъ передачи Сербіи и Черногоріи земель, которыя въ Вѣнѣ признавались входящими въ сферу интересовъ Австріи. Уступая имъ значительные участки Герцеговины и Новобазара, тѣмъ самымъ ограничивали участіе Австро-Венгріи въ организаціи областей, остающихся за Турціей. Сдѣлку эту Игнатьевъ ловко подкрѣплялъ ссылкою на постановленіе константинопольской конференціи, съ которой графъ Зичи вполнѣ согласился. Графъ Андраши предчувствовалъ бѣду, когда до него дошло извѣстіе объ условіяхъ перемирія, но его опасенія увеличились при ознакомленіи съ мирнымъ договоромъ.

На совѣщаніи въ Берлинѣ русскій канцлеръ увѣрялъ,

что во всемъ виноватъ Игнатьевъ, и что петербургскій кабинетъ не принималъ никакого участія въ редакціи договора. Чтобы дать понять, что Австро-Венгрія имѣетъ намѣреніе отстаивать свои права, Андраши потребовалъ у представителей имперіи кредита въ шестьдесятъ милліоновъ гульденовъ. Этимъ хотѣлъ онъ доказать Россіи, что обладаетъ средствами для вооруженія и имѣетъ за собою поддержку обѣихъ половинъ имперіи. Увѣряли, будто Горчаковъ самъ требовалъ, чтобы Австрія заговорила энергично, потому что тогда только становилось возможнымъ заставить молчать крикуновъ, враждебныхъ Австріи; но несомнѣнно, что венгерскіе депутаты только вслѣдствіе такихъ указаній приняли рѣшеніе дать согласіе на требуемый кредитъ. Австрійское правительство давно рѣшило завладѣть Босніей и Герцеговиной, и просимая сумма предназначалась на это, но депутатамъ о томъ не было сообщено; и со стороны министровъ было даже дано увѣреніе, что рѣчь идетъ о платоническомъ кредитѣ, которымъ не разсчитываютъ воспользоваться.

Въ бюджетной комиссіи графъ Андраши имѣлъ случай высказаться о русско-турецкомъ соглашеніи: „Россія“ говорилъ онъ, “многократно объявляла, что она взялась за оружіе не для личныхъ цѣлей, но для улучшенія участи христіанъ на востокѣ. Мы признаемъ эту цѣль и военные успѣхи Россіи; все что Австрія можетъ требовать—это, чтобы результаты войны были поставлены въ такія границы, чтобы отъ нихъ не произошло вреда ни для австрійскихъ, ни для европейскихъ интересовъ. Интересъ Европы состоитъ въ томъ, чтобы за войною послѣдовалъ миръ, а не такое положеніе, которое заключало бы зачатки новыхъ усложненій. На запросъ, сдѣланный депутатами, чтобы министръ указалъ на тѣ статьи договора, которыми затрогиваются интересы Австріи, Андраши отвѣчалъ: „Расширіе, которое замышляютъ для Болгаріи, дастъ поводъ къ

серьезнымъ опасеніямъ; въ интересахъ продолжительнаго мира ни Австрія, ни Европа не желаютъ, чтобы въ пользу какой то національности сплотилось новое государство, которое основывалось бы на поглощеніи другихъ народностей". Министръ также сильно возставалъ противъ перемѣны въ территоріальныхъ отношеніяхъ странъ, непосредственно прилегающихъ къ Австріи; не собственно противъ расширенія Сербіи и Черногоріи имѣлъ министръ возраженія, но это расширеніе не должно было быть произведено въ такихъ размѣрахъ и такомъ направленіи, чтобы запирать путь австрійской торговлѣ съ востокомъ.

Іюня 13 конгресъ собрался въ германской столицѣ. Въ двадцати засѣданіяхъ была произведена оцѣнка предварительныхъ условій мира.

Одно изъ существенныхъ разногласій между Англіей и Россіей: постановленіе о новомъ княжествѣ Болгаріи, было уже устранено соглашеніемъ 30 Мая; Болгарія получала только третью часть пространства противъ первоначальнаго проекта, и ее устраняли отъ Егейскаго моря; на Черномъ она получала Варну, единственную гавань, не требовавшую затратъ. Такъ же значительно ограничено было вліяніе Россіи на внутреннее устройство новаго княжества. Правительство въ немъ должно было быть христіанское, но мусульманамъ предоставлялись одинаковыя гражданскія и политическія права; свобода различныхъ вѣроисповѣданій была точно и ясно выговорена. Временное управленіе Болгаріей въ окончательной регламентаціи предоставлялось русскому комиссару, но для этого былъ опредѣленъ вмѣсто двухлѣтняго, девятимѣсячный срокъ. На княжество переходили всѣ обязательства, принятыя портою, какъ относительно Австро-Венгріи, такъ и общества эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ европейской Турціи. На югѣ Балканъ создавалось новое владѣніе: Восточная Румелія съ пространствомъ въ 630 квадратныхъ миль

Назначеніе христіанскаго генералъ-губернатора должно было производиться портою, при одобреніи державъ, на пятилѣтній срокъ.

Графъ Андраши представилъ меморандумъ, въ которомъ указывалъ на непримѣнимость тѣхъ отношеній, которыя Россія желала установить въ Босніи и Герцоговинѣ. По его мнѣнію, русскій проектъ могъ лишь способствовать агитаціи. Въ подтвержденіе своего взгляда графъ Андраши ссылался на смѣшанность населеній христіанскаго съ мусульманскимъ, которыя безразлично жили въ однихъ округахъ и деревняхъ; на трудности аграрнаго вопроса,— главную причину періодическихъ ссоръ. Только сильная и безпристрастная держава могла тамъ ввести порядокъ, но Турція, сама находящаяся въ ненормальномъ положеніи, не въ силахъ разрѣшить эту трудную задачу; поэтому Австро-Венгрія можетъ принять только такое рѣшеніе босняко-герцоговинскаго вопроса, которое имѣло бы въ себѣ залогъ прочности.

Австрійскій министръ удовольствовался тѣмъ, что объективно изложилъ положеніе дѣлъ, предоставляя членамъ конгреса дѣлать изъ его рѣчи выводы и предложенія; вторую часть роли принялъ на себя лордъ Салисбюри. Онъ соглашался со взглядами Андраши, указывая на то обстоятельство, что землевладѣльцы этой страны принадлежатъ къ другому вѣроисповѣданію, нежели рабочее населеніе. Изъ антагонизма произошло возстаніе и война; а враждебное настроеніе обоихъ классовъ населенія также сильно теперь, какъ было три года назадъ. Порта не обладаетъ способностью посредничества и умиротворенія; для этого требуется правительство прочное и твердое. Если эти провинціи попадутъ въ зависимость сосѣднихъ княжествъ, то на полуостровѣ образуется цѣпь славянскихъ государствъ, военная сила которыхъ будетъ угрозою для другихъ народностей. „Эти области“ прибавилъ онъ къ за-

ключенію "не приносятъ выгодъ Портѣ ни въ военномъ, ни въ матеріальномъ отношеніи; и она представила бы доказательство своего благоразумія, отказавшись отъ задачи, которая превышаетъ ея силы". За тѣмъ онъ предложилъ чтобы Боснія и Герцоговина переданы были во власть и управленіе Австріи.

Князь Бисмаркъ примкнулъ къ этому предложенію, замѣтивъ, что, конечно, Германія не имѣетъ никакого непосредственнаго интереса въ восточныхъ дѣлахъ, но раздѣляетъ желаніе покончить съ положеніемъ, которое имѣетъ зародыши новыхъ безпорядковъ и ведетъ къ раздору между державами. Турецкіе уполномоченные старались доказать, что Порта въ занятыхъ провинціяхъ не такъ слабосильна, какъ полагаютъ Андраши и Салисбюри; что, не смотря на войну, ея авторитетъ въ Босніи и Герцоговинѣ существуетъ, и возстановленіе въ нихъ порядка послѣ заключенія міра, не будетъ затруднительно. Биконсфильдъ поддерживалъ выводы своего англійскаго коллеги, при чемъ не поскупился на намеки, прямо направленные противъ Россіи; и графъ Андраши, основываясь на англійскомъ предложеніи, высказалъ готовность Австріи осуществить окупацію и управленіе. Онъ даже расширилъ сдѣланное предложеніе указаніемъ на Новый Базаръ, управленіе которымъ Австрія не намѣрена предпринять; но находитъ, что, для поддержанія вновь создаваемаго политическаго положенія, слѣдуетъ предоставить ей право, содержать гарнизоны въ санджакѣ.

Горчаковъ заявилъ, при голосованіи, что, соглашаясь дать утвердительный голосъ, Россія исключаетъ мотивы, приводимые Англіей. Турецкій уполномоченный отказался было отъ принятія предложеній, ссылаясь на свои инструкціи; но князь Бисмаркъ счелъ необходимымъ внушить туркамъ, что безъ вмѣшательства конгресса Порта осталась бы предъ лицомъ Санъ-Стефанскаго договора; тогда

какъ теперь она удержитъ за собою самую плодоносную и обширную область; что постановленія конгресса составляютъ одно общее, и нельзя принимать только выгодную часть, а Порта, конечно, не можетъ желать неуспѣха конгресса.

Намекъ графа Андраши на Новобазарскій санджакъ далъ графу Шувалову поводъ къ замѣчанію, что эта новая мысль ему не вполнѣ ясна и можетъ повліять на имѣвшіяся въ виду территоріальныя расширенія Сербіи и Черногоріи; онъ, Шуваловъ, желаетъ поэтому принять эту новость ad referendum до тѣхъ поръ, пока ему Андраши не объяснитъ ее. Какъ кажется, австрійскій министръ вполнѣ удовлетворилъ его, потому что въ засѣданіи, бывшемъ 1 Іюля, Шуваловъ объявилъ, что согласенъ принять этотъ взглядъ.

Соглашеніе между Австріей и Россіей, вѣроятно, состоялось вслѣдствіе уступки первой изъ нихъ въ вопросѣ о Бессарабіи; поэтому, понятно, что при измѣненіи этого важнаго постановленія парижскаго трактата, Андраши оставался пассивнымъ и ограничился тѣмъ, что поддержалъ предложеніе итальянскаго уполномоченнаго о расширеніи, взамѣнъ этого, участка, назначеннаго Румыніи. Послѣ жаркаго вмѣшательства Бисмарка въ пользу русскаго требованія, предложенія были приняты.

Порученіемъ даннымъ Австріи—занять Боснію и Герцоговину, конгрессъ, во всякомъ случаѣ, сдѣлалъ нововведеніе. Хотя Австрія не въ первый разъ по просьбѣ Европы занимала области, но при прежнихъ случаяхъ она оставалась лишь на короткій срокъ въ должности европейскаго полицеймейстера; теперь же, конечно, ни одинъ изъ членовъ конгресса не предполагалъ, чтобы она было временнымъ, и всѣ голосовавшіе были убѣждены, что рѣчь шла о продолжительной передачѣ областей Австріи. Не политическія соображенія побудили „представителей евро-

пейской мысли“ избрать на конгрессѣ эту форму; рѣшающимъ къ тому поводомъ служило то, что графъ Андраши не имѣлъ духу требовать уступки Босніи и Герцеговины, въ виду извѣстнаго настроенія Венгріи, постоянно страшащейся утратить свой вліятельный голосъ въ имперіи, при увеличеніи численности славянскаго элемента.

Австрія повліяла на конгрессѣ также при рѣшеніи другихъ вопросовъ, измѣнявшихъ постановленія Санъ-Стефанскаго договора. Расширеніе, предоставляемое Сербіи и Черногоріи имѣло слишкомъ большое значеніе для Австріи, чтобы она оставила его безъ возраженій. Въ прелиминарныхъ условіяхъ мира говорилось о признаніи Портою независимости Черногоріи, предоставляя Россіи нѣкоторое вліяніе при опредѣленіи ея отношеній къ Турціи. Графъ Андраши возсталъ противъ этого опредѣленія, и берлинскій актъ измѣнилъ его: независимость Черногоріи была выговорена ей въ безусловномъ смыслѣ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Противъ предоставленія Спиццы Австріи итальянскій уполномоченный сдѣлалъ возраженія, которыя дали понять, что даже это ничтожное расширеніе Австріи Италія принимала неблагосклонно. На югъ отъ Антивари, переходившаго къ Черногоріи, земли до Бояны, со включеніемъ Дульциньо, оставляли за Портою, тогда какъ по Санъ-Стефанскому договору онѣ отходили къ Черногоріи; такимъ образомъ приростъ ея былъ, благодаря Австріи, значительно уменьшенъ. По австрійской иниціативѣ послѣдовало нѣкоторое расширеніе Сербіи къ югу, составлявшее впрочемъ всего 56 квадратныхъ миль.

Большое значеніе имѣли для Австріи пункты, касавшіеся судоходства по Дунаю. Кромѣ срытія дунайскихъ крѣпостей и содержанія военныхъ судовъ, пункты Санъ-Стефанскаго договора опредѣляли, что права, обязанности и преимущества международной дунайской комиссіи должны оставаться въ своей силѣ. Австрійскіе уполномоченные

внесли предложеніе о нейтрализаціи Дуная отъ устьевъ до Желѣзныхъ воротъ; о непрерывности дунайской комиссіи съ правомъ участія въ ней Румыніи, и о предоставленіи Австріи полномочія произвести урегулированіе теченія рѣки. Лордъ Салисбюри указалъ на необходимость точнѣе выяснить свободу судоходства по Дунаю, такъ какъ отнынѣ Россія снова принадлежала къ числу прибрежныхъ государствъ. Россія представила свои контрпредложенія, отстранявшія принципъ нейтрализаціи Дуная, а на мѣсто ея ставила свободу судоходства. Примиреніе разногласій было предоставлено комиссіи, составленной изъ уполномоченныхъ Австріи, Россіи и Франціи, которая привела къ соглашенію.

Нельзя не сознаться, что графъ Андраши далъ новое направленіе восточной политикѣ Австріи; но является вопросъ, послужитъ ли онъ на благо имперіи; самъ того не желая, онъ покатилъ восточный вопросъ; тогда какъ именно намѣревался задержать его, представляя свою ноту о реформахъ. Изъ этого возникло единоборство Россіи съ Портою, понятнымъ образомъ окончившееся въ пользу сѣверной державы.

Андраши добился присоединенія Босніи, составлявшаго издавна мечту австрійскихъ военныхъ кружковъ. Еще въ 1856 году фельдмаршалъ Радецкій дѣлалъ соображенія на счетъ будущей дѣятельности Австріи, въ случаѣ второй восточной войны, и указывалъ на Боснію и Герцоговину, какъ на необходимое пріобрѣтеніе. Тегетговъ также указывалъ на пользу завоеванія земель, лежащихъ позади австрійскаго побережья. При возникшемъ кризисѣ на востокѣ, эти соображенія снова всплыли на верхъ. Тѣ основанія, которыя приводились отдѣльными личностями, служили и для графа Андраши оправданіемъ его политики, хотя они находились въ противорѣчіи съ его прежними заявленіями.

Извѣстія, полученныя изъ Босніи и Герцоговины о нас-

троеніи мѣстнаго населенія, могли только укрѣпить австрійскаго министра въ убѣжденіи, что обладаніе этими землями не будетъ связано съ затрудненіями. Даже мусульмане выказали симпатію къ Австріи; переходя подъ власть Черногоріи, они опасались стѣсненія въ своемъ имуществѣ и вѣрованіи, тогда какъ подъ покровительствомъ австрійскаго императора разсчитывали пользоваться равноправностью съ христіанами. На запросы, обращенные къ намѣстнику Долмаціи, Родичу, и къ бану Кроаціи на счетъ возврата бѣглецовъ, Андраши получилъ въ отвѣтъ, что бѣглецы не довѣряютъ турецкому правительству и тогда только вернутся въ свои дома, когда ихъ поставятъ подъ власть христіанскаго князя, ежели только не состоится, горячо желаемое ими присоединеніе ихъ родины къ Австріи.

Лживость этихъ завѣреній, распространяемыхъ большею частью сторонниками занятій областей, было обнаружено событіями, происшедшими при вступленіи туда австрійскихъ оккупаціонныхъ войскъ.

Рѣдко кто изъ государственныхъ людей Австріи былъ такъ сочувственно принятъ, какъ Андраши, въ минуту принятія имъ руководства внѣшними дѣлами имперіи. Въ Венгріи всѣхъ взволновало событіе, что впервые еще венгерецъ занялъ высшій постъ въ имперіи. Настроеніе было радостное, обитатели обѣихъ сторонъ Лейты въ назначеніи графа Андраши видѣли полный разрывъ съ тяжелымъ прошлымъ и открытое вступленіе на новый путь. Хотя со времени первыхъ побѣдъ германскихъ войскъ произошелъ значительный упадокъ Австріи и исчезли надежды загладить тягостныя послѣдствія пораженія на поляхъ Богеміи; но все же прилагались усилія задержать роковой ходъ исторіи. Столѣтній поединокъ Австріи съ Пруссіей повернулся въ пользу послѣдней, и графъ Андраши открыто призналъ совершившійся фактъ, поставя цѣлью своей по-

литики поддержаніе мирныхъ, дружескихъ отношеній къ новой Германской имперіи.

Въ этомъ заключается главная и еще недостаточно оцѣненная Австріей заслуга графа Андраши; ему удалось надолго установить искренно дружескія отношенія съ обновленной Германіей. Ежели со времени Коуница Австрія считала аксіомой своей политики борьбу съ Пруссіей, то надо надѣяться, что на будущіе годы продолжительное существованіе имперіи будетъ зависѣть отъ принятія политическихъ принциповъ венгерца Андраши. Въ общемъ восточная политика его не можетъ получить безусловнаго одобренія; на сколько можно донынѣ усмотрѣть, онъ не извлекъ изъ нея выгодъ, и болѣе дальновидный министръ избралъ бы другіе пути для укрѣпленія на востокѣ интересовъ Австріи. Величайшіе государственные дѣятели считали цѣлью Дунайской имперіи владычество ея надъ теченіемъ великой рѣки. Первый венгерецъ, вступившій въ распоряженіе внѣшними дѣлами Австріи, сдѣлалъ тщетными всѣ бывшія къ тому усилія. Правда, что на берлинскомъ конгрессѣ побѣдное шествіе Россіи было задержано, но сѣверной державѣ удалось снова стать твердою ногою на нижнемъ теченіи Дуная, и послѣдствія этого начинаютъ уже сказываться.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Политическія отношенія европейскихъ державъ представляютъ такую сложную ткань, что въ ней могутъ запутаться самые ловкіе дипломаты. Народныя увлеченія и симпатіи становятся въ разрѣзъ съ родственными союзами царствующихъ династій; традиціонная политика государствъ разрушается ходомъ историческихъ событій и вновь создающимися принципами. Руководящая нить утрачивается, и только глубокое изученіе былыхъ временъ остается вѣрнымъ компасомъ для направленія государственнаго корабля. Хроника прошлыхъ дней можетъ указать въ чемъ заключаются истинные національные интересы и разъяснить пружины, которыя побуждаютъ иностранныя государства принять то или другое рѣшеніе. Вглядѣвшись въ даль минувшихъ годовъ, можно составить себѣ ясное понятіе о дѣятельности европейскаго муравейника и въ общей картинѣ усмотрѣть промахи государственныхъ людей.

Въ этомъ смыслѣ предлагаемый нами обзоръ столѣтней политики Австріи на востокѣ, представляетъ поучителный урокъ; изъ него можемъ мы понять тайну всѣхъ усложненій жгучаго славянскаго вопроса; прослѣдивъ дѣйствія сосѣда и ознакомясь съ его цѣлями, мы значительно облегчимъ себѣ рѣшеніе сложной задачи и поймемъ до какихъ границъ можетъ идти русская уступчивость, какого рода компромисы могутъ быть допущены въ этомъ вопросѣ, и на какомъ пунктѣ Россія должна съ твердостью сказать: „Ни шага далѣе!“

Императоръ Австріи считаетъ въ числѣ своихъ поддан-

ныхъ восьмнадцать милліоновъ славянъ и естественнымъ образомъ является соперникомъ Россіи на востокѣ. Поэтому возникаетъ рядъ вопросовъ: возможны ли мирныя отношенія двухъ великихъ славянскихъ державъ? нужна ли федерація возникающихъ славянскихъ національностей на подобіе Швейцаріи или Сѣверо-американскихъ штатовъ? возможенъ ли дуализмъ Австріи съ Россіей въ родѣ того, который существовалъ въ Германскомъ союзѣ? или по выраженію русскаго поэта „славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ?“ Какая изъ этихъ формъ можетъ наиболѣе отвѣчать духу славянъ, и не выработаетъ ли жизнь такой формулы, которая примиритъ славянскую рознь, столь гибельную для самостоятельности этаго племени?

Сто лѣтъ назадъ, со времени славнаго для Россіи Кучукъ—Кайнарджскаго мира, Австрія, подъ впечатлѣніемъ грозныхъ побѣдъ Румянцева и Суворова, шла на буксирѣ политики великой Екатерины. Іосифъ II, хотя и очарованный русскою императрицей, пытался по временнамъ сдѣлать свою восточную политику независимою, но его министръ Кауницъ цѣпко держался за союзъ съ Россіей, такъ какъ болѣе всего страшился Фридриха Великаго, положившаго начало той германской политикѣ, которая въ наши дни исключила Австрію изъ списка нѣмецкихъ государствъ. Восточная политика Екатерины II была не по вкусу Австріи, пришедшей къ убѣжденію, что Турція сдѣлалась неопасна; поэтому, она стала на стражѣ у больнаго человѣка, на наслѣдства котораго намѣривалась заявить права. Уже тогда она обратила свои виды на земли, занятыя сербскими славянами, и вліяніе, пріобрѣтенное Россіей въ Босніи и Черногоріи чуть было не разстроило дружбы двухъ имперій. Впрочемъ, желаніе Австріи расшириться на югъ, вдоль береговъ Адріатики, было равносильно стремленію ея овладѣть всемъ нижнимъ теченіемъ Дуная, а такъ какъ эта великая водная артерія грозила перейти въ русскія

руки, то на противодѣйствіи этому событію и основалась главнѣйшимъ образомъ вся восточная политика Австріи. Эрцгерцогъ Карлъ ранѣе другихъ оцѣнилъ значеніе этой рѣки для имперіи цесарей.

Въ этомъ вопросѣ Россія являлась непосредственною противницей Австріи; а между тѣмъ историческія событія ставили эту послѣднюю въ тягостное положеніе искать опоры въ своемъ врагѣ. Во времена французской республики, а за тѣмъ первой имперіи, вопросъ о существованіи Австріи поставленъ былъ на карту; и замѣстителямъ Кауница—Тугуту и Стадіону, руководившимъ внешнею политикою, досталась трудная роль—лавировать между двумя могущественными имперіями, Франціей и Россіей, и, возлагая на послѣднюю всѣ надежды короны габсбурговъ, не поступаться своими видами на славянскія земли и на Дунай.

Въ тѣ дни вѣнскій кабинетъ сдѣлалъ крупную ошибку, оттолкнувъ отъ себя симпатіи южныхъ славянъ. Идея народности тогда еще не была въ ходу, и права владѣнія основывались на силѣ трактатовъ; голосъ народа былъ, по мнѣнію дипломатовъ, синонимомъ революціи; и Австрія пренебрегла просьбами о принятіи ихъ подъ защиту отъ жестокости турокъ. Главнымъ проводникомъ такого взгляда былъ Метернихъ; напуганный послѣдствіями революціи 1789 года, онъ, во всякой попыткѣ славянъ свергнуть гнетъ турокъ, видѣлъ лишь возмущеніе противъ законной власти и проявленіе либеральныхъ идей. Даже послѣ паденія Наполеона I, когда Австрія снова явилась могущественною, онъ продолжалъ держаться прежней политики, мало сочувственной славянамъ. Горячій сторонникъ священнаго союза, построеннаго на тѣхъ же принципахъ, Метернихъ своею узкою политикой отвратилъ отъ Австріи славянъ.

Во время первой французской имперіи былъ однако моментъ, когда Австрія, ободренная родственнымъ союзомъ Габсбургскаго дома съ Бонапартомъ, какъ бы примирилась

съ утратой своего вѣковаго значенія въ Германіи. Задумавъ изгнать османовъ изъ Европы, она намѣревалась овладѣть всѣми землями вдоль Дуная до Чернаго моря, съ Бессарабіей включительно, и отодвинуть Россію въ прежнія границы. Наполеонъ находилъ удобнымъ поддерживать по временамъ эти иллюзіи Австріи.

Въ греческомъ возстаніи Австрія также видѣла только попытки къ бунту. Лукавый политикъ Метернихъ присосался къ Россіи и сильно вліялъ на всѣ рѣшенія Александра I до самой его смерти; но желая въ царствованіе Николая держаться той же системы, онъ ослабилъ и изолировалъ Австрію, которой грозило даже столкновеніе съ Россіей. Исправляя эту ошибку, Метернихъ въ распрѣ Мегемета-Алли съ султаномъ примкнулъ къ европейскимъ державамъ и сталъ сообразоваться съ желаніями русскаго императора. Тѣмъ не менѣе, этотъ министръ оказалъ своему отечеству услугу тѣмъ, что обратилъ его вниманіе на востокъ, прежде преимущественно направленное на западъ.

Откровенныя бесѣды императора Николая на счетъ восточныхъ дѣлъ возбудили подозрительность европейскихъ дипломатовъ, видѣвшихъ въ русскомъ царѣ олицетвореніе византійскаго лукавства. Въ то время Бисмаркъ еще не успѣлъ ознакомить Европу съ откровенною рѣчью въ дипломатическихъ сношеніяхъ; она держалась афоризма Талейрана, что слово дано человѣку, чтобы скрывать мысль. Принявъ отъ Россіи въ 1849 году неоцѣненную услугу, составлявшую, по собственному сознанію императора-рыцаря, величайшую ошибку его царствованія, Габсбурги, четыре года спустя, видя въ Европѣ общее нерасположеніе къ Россіи, перешли въ лагерь ея противниковъ и порвали съ нею тѣ отношенія, которыя иногда принимались за дружбу. Съ 1853 года русская дипломатія вполнѣ оцѣнила политику Австріи, ставшей открыто-враждебною намъ. Правда,

при вступленіи Бейста въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, какъ бы совершился поворотъ, благопріятный для Россіи; но и это заигрываніе при первомъ испытаніи оказалось ловушкой.

Исторія поучаетъ, какъ ошибочны всѣ расчеты дипломатіи предъ роковымъ ходомъ событій. Въ 1859 и 1866 годахъ Австрія жестоко поплатилась за свою езуитскую политику, какъ бы въ подтвержденіе морали, что всякое уклоненіе отъ правды ведетъ на скользкій путь и несетъ въ себѣ наказаніе. Казалось, что Австрія чуяла это сама, дѣйствуя непослѣдовательно и нерѣшительно въ продолженіи всей крымской войны; но у ея государственныхъ людей не доставало прозорливости, или силы воли избрать вѣрное направленіе, и съ этого времени она идетъ по ложной дорогѣ. Со второй половины текущаго столѣтія судьба нашей исконной соперницы три раза была въ рукахъ Россіи: въ 1849 году, когда, при содѣйствіи Франціи, отъ нея освобождалась Италія; и въ 1866 году, когда Пруссія за одно съ Италіей лишали ее права называться нѣмецкой и итальянской державой. Но ежели эти случаи пропускались Россіей, благодушно державшейся правила, что лежачаго не бьютъ, то наилучшій моментъ былъ въ 1870 году, когда, находясь въ борьбѣ съ Франціей, Германія охотно пожертвовала бы своею нынѣшнею союзницей. Только исключительное миролюбіе и великодушіе императора Александра II спасало до сего дня Австрію.

Государство мозаичное, составленное изъ нѣмецкой, итальянской, венгерской и славянской народностей, не говоря уже о другихъ болѣе мелкихъ, оно, какъ не имѣющее коренной связи между своими частями, представляетъ только географическій терминъ, подъ названіемъ Австрія. Имѣя единственнымъ связующимъ звеномъ домъ Габсбурговъ, эта имперія, какъ все плохо склеенное, должна опасаться потрясеній и движеній. Въ томъ и заключается фальшъ по-

ложенія Австріи, что она какъ бы обречена на неподвижность, которая есть синонимъ смерти.

Имѣя въ виду это положеніе, можно ли строго осуждать политику Австріи? Можно ли обвинять приговореннаго къ смерти за то, что онъ прибѣгаетъ къ неблаговиднымъ средствамъ, желая продлить свое существованіе? Кромѣ того, слѣдуетъ принять въ соображеніе, что со временъ Екатерины II и до нашихъ дней, Россія въ минуты кризисовъ сама указывала Австріи возможность пріобрѣтенія отъ Турціи славянскихъ земель; сама поддерживала въ ней желаніе и надежды распространить вліяніе на западныхъ славянъ; сама, какъ бы поступалась своей миссіей. Была ли эта система результатомъ слабости или ошибки, это другой вопросъ; но надо полагать, что въ тѣ дни политика Россіи не имѣла надлежащей широты взгляда; а идеи сліянія однородныхъ національностей еще не пробились наружу. Если же эта политика сознательно проводилась Россіей въ теченіе столѣтія, то нѣтъ причинъ теперь идти ей наперекоръ и не примириться съ тѣмъ, что сложилось въ понятіяхъ; именно: чтобы допущено было существованіе двухъ великихъ славянскихъ имперій, одинаково имѣющихъ въ гербѣ двуглаваго орла; и чтобы на югѣ, подъ общимъ ихъ покровительствомъ, развивалась федерація мелкихъ славянскихъ государствъ.

Конечно, эта комбинація возможна лишь при условіи, что Австрія откровенно и не двусмысленно приметъ роль славянской державы, не вводя въ страну германизаціи и не отдавая славянъ на жертву мадьяръ. Россія ищетъ не обладанія славянами, но развитія самобытности своихъ младшихъ братьевъ, при условіяхъ, отвѣчающихъ духу народа. На этомъ основаніи союзъ обоихъ имперій можетъ быть проченъ; отъ него конечно болѣе всего выиграетъ Австрія; а Россія будетъ имѣть предъ собою вмѣсто двухъ, лишь одного—нѣмецкаго друга.

Въ настоящемъ своемъ видѣ Австрія есть остатокъ средневѣковой организазіи, второй экземпляръ Турціи, памятникъ тѣхъ временъ, когда государства выростали вслѣдствіе завоеваній, или слагались посредствомъ брачныхъ союзовъ владѣтельныхъ домовъ; когда на первомъ планѣ стояли интересы династическіе, а не національные. Но съ той поры, какъ въ массахъ стало рости сознаніе правъ человѣчества, когда народы почувствовали потребность жить своею жизнью и развиваться подъ охраной законовъ, отвѣчающихъ ихъ вѣрованіямъ и обычаямъ, а не подъ регламентаціей, скроенной по одной общей мѣрѣ въ ея настоящей формѣ, никакія конституціонныя, дуалистическія и прочія попытки не согласятъ всѣхъ національностей Австріи. Не будь Габсбургскаго дома, и тогда явился бы вопросъ: гдѣ основанія и причины связи ея народовъ? Съ того дня, какъ Пруссія перенесла на голову Гогенцолерновъ германскую имперскую корону, Австрійская имперія, такъ сказать, осталась не у дѣлъ; положеніе ея сдѣлалось непрочно, и даже необходимость въ существованіи ея подвержено сильному сомнѣнію.

По составу своего населенія Австрія болѣе всего держава славянская; правительство ея сознаетъ это, но въ виду меньшей культурности славянъ совѣстится признаться въ томъ предъ Европою. Его стѣсняетъ и нѣмецкая Вѣна, и дуализмъ съ тремя милліонами энергичныхъ мадьяръ; наконецъ самые руководители судебъ имперіи избирались доселѣ исключительно изъ венгерцевъ и нѣмцевъ.

Въ минуту безнадежности правительство императора Франца Іосифа вошло въ сдѣлку съ мадьярами и отдалось въ ихъ руки; теперь эта зависимость видимо тяготитъ правительство. Можетъ быть, въ тайной надеждѣ избавиться отъ деспотизма Венгріи, оно и стремится къ усиленію славянскаго элемента, присоединяя Боснію и Герцеговину; хотя кажется страннымъ, что эта работа была дѣломъ

рукъ венгерца Андраши. Вѣроятно, ненависть къ Россіи заставила этого министра поступиться интересами своей родины; это чувство было преобладающимъ въ Венгріи съ 1849 года; а съ устройствомъ дуализма желчь мадьяръ перелилась въ политику Австріи. Прежде въ пользу дружбы съ Россіей раздавались голоса Радецкаго, Гесса и нѣкоторыхъ эрцгерцоговъ; теперь же такихъ голосовъ не слышно. Не противъ Германіи, Италіи и Франціи, нанесшихъ удары Австріи, направлена ея политика, но противъ Россіи, оказавшей ей услуги.

Разсказываютъ, что вслѣдъ за окончаніемъ венгерской компаніи, произошла встрѣча Николая I съ Францемъ Іосифомъ. Русскій колоссальный императоръ сердечно обнялъ юнаго австрійскаго вѣнценосца, поднялъ его и снова поставилъ на ноги. Эта знаменательная сцена, происшедшая на глазахъ многихъ свидѣтелей, непріятно отозвалась въ гордомъ сердцѣ повелителя Австріи.

Обѣ славянскія державы имѣютъ одинаковые интересы, но не общіе. Желаніе Россіи создать группу славянскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе въ Австріи, стремящейся слить ихъ подъ главенствомъ дома Габсбурговъ. Въ другой формѣ возрожденія славянъ Австрія видитъ угрозу своему существованію, она опасается, чтобы въ ея славянскихъ подданныхъ не явилось желаніе самостоятельности, которое приведетъ къ распаденію имперіи. Католическая Австрія боится симпатій православныхъ славянъ къ русскому Бѣлому царю. Такимъ образомъ, вопросъ народностей, съ придачею католической нетерпимости, ставитъ трудную задачу. Къ этому присоединяется сознаніе, явившееся въ ея нѣмецкихъ подданныхъ, что въ отечествѣ своемъ они находятся въ меньшинствѣ, что значеніе ихъ въ государствѣ слабѣетъ, и они обращаютъ уже свои взоры къ общему германскому фатерланду, выражая желаніе съ нимъ слиться.

Всѣ эти причины составляютъ слабость Австріи, и она не могла бы такъ дерзко-настойчиво стремиться къ поглощенію славянскихъ земель, постоянно рискуя столкнуться въ смертной борьбѣ съ сѣвернымъ исполиномъ, если бы видѣла себя одинокою. Къ несчастью, она знаетъ, что имѣетъ въ своихъ стремленіяхъ общее сочувствіе Европы и спеціальную поддержку Германіи. Европа инстиктивно боится славянства, составляющаго по численности и обширности, занятаго имъ пространства, огромную силу. Его языкъ, письмена и вѣрованія ей чужды; въ виду меньшей культурности этого племени, оно представляется въ глазахъ цивилизованной Европы грубою силою, грозящею, какъ лава, поглотить ее своимъ наплывомъ. Слѣдовательно, Австрія, захватывая въ свое распоряженіе часть этихъ силъ, оказываетъ племенамъ германскому. латинскому, англосаксонскому и финскому двойную услугу: она раздѣляетъ силы славянъ, удаляя ихъ отъ Россіи, эксплоатируетъ ихъ на пользу промышленной Европы и въ тоже время является орудіемъ братоубійственной войны, въ случаѣ единоборства съ Россіей. Нападеніе Сербіи на Болгарію, отчужденіе этой послѣдней отъ Россіи, все это прологи будущей великой драммы; и, къ сожалѣнію, въ славянствѣ дѣйствительно коренится залогъ ихъ гибели и безопасности прочихъ племенъ: славяне поѣдятъ другъ друга.

Спеціальную поддержку въ Германіи Австрія находитъ еще по слѣдующимъ причинамъ: принимая въ основаніе нѣмецкій Drang nach Osten, Австрія представляетъ авангардъ этихъ піонеровъ запада; она прокладываетъ дорогу нѣмецкому элементу, колонизируя земли и обнѣмечивая народъ. Когда же трудъ добыванія каштановъ будетъ исполненъ, то австрійская имперія успѣетъ разложиться, или въ видѣ полуславянской державы, пользуясь поддержкой Германіи, будетъ служить противовѣсомъ Россіи, пре-

вращаясь мало по малу, помощью экспропріаціи и другихъ способовъ, въ разсадникъ нѣмецкаго элемента.

Бисмарковская политика не враждебна Россіи; Германія имѣетъ интересъ поддерживать съ нею дружбу; и творецъ германскаго единства не разъ оказывалъ ей услуги; но, конечно, благо отечества стоитъ у него на первомъ планѣ: не можетъ же онъ принимать къ сердцу судьбу русскихъ родичей болѣе самой Россіи. Бисмаркъ стремится слить во едино всѣ земли, гдѣ въ народѣ раздается нѣмецкая рѣчь, и, вѣроятно, не разсердится, если всѣ славяне заговорятъ по нѣмецки. Его политика національна; каждый актъ великаго канцлера слѣдуетъ объяснять этими побужденіями, и самая дружба съ Австріей имѣетъ ту же конечную цѣль: на эту державу онъ смотритъ, какъ на предтечу, подготовляющаго будущее наслѣдіе нѣмцевъ. Можно съ увѣренностью сказать, что онѣмечивъ Силезію и Познань, онъ не станетъ противиться возстановленію Польши.

Такимъ образомъ, роль Австріи опредѣляется сама собою: ея спасеніе заключается въ славянахъ; она должна отказаться отъ ложной системы обнѣмечиванія ихъ. Опираясь на это племя, заботясь о его развитіи и предоставя ему соотвѣтственную долю въ управленіи судьбою государства, она должна ввести во всей имперіи равноправность православія съ католицизмомъ и протестантствомъ. При этихъ условіяхъ Австрія перестанетъ изображать фикцію и сдѣлается въ союзѣ съ Россіей вполнѣ Восточною имперіей (Ostreich). О сліяніи славянъ съ нѣмцами и мадьярами не можетъ быть и рѣчи; ходъ исторіи рѣшитъ судьбу этихъ послѣднихъ, этой семьи гунновъ, замѣшавшейся въ толпѣ европейскихъ народовъ. Славяне же пусть стоятъ особнякомъ, и авангардомъ ихъ противъ германизаціи должна служить польская національность, какъ наиболѣе цивилизованная и стойкая. Ежели возможно, чтобы поляки отказались отъ мечты возстановить то, что было

разрушено сто лѣтъ назадъ, и чтобы они погасили свою ненависть къ православнымъ братьямъ, то въ предстоящей имъ благородной миссіи они встрѣтятъ сочувствіе Россіи, и польская національность возродится; въ противномъ же случаѣ, да будутъ они для славянъ „яко язычникъ и мытарь“. Семейные раздоры и раздѣлы ослабили славянство; будь оно дружно — и востокъ Европы принадлежалъ бы ему. Восточный вопросъ можетъ разрѣшиться преобразованіемъ Австріи и федераціей южныхъ и западныхъ славянъ.

Но въ состояніи ли, да и пожелаетъ ли представитель Габсбурговъ довольствоваться въ Вѣнѣ титуломъ эрцгерцога, отказавшись отъ блестящихъ традицій австрійскаго дома? Лишь посреди славянъ долженъ онъ называться восточнымъ императоромъ, охраняя свою имперію отъ всякихъ мадьярскихъ и нѣмецкихъ вожделѣній. Унія всѣхъ многоязычныхъ народовъ Австріи можетъ быть въ его особѣ только личная. Венгріи надо предоставить развиваться самостоятельно, но не дѣлать уступокъ ея жаднымъ инстиктамъ. Въ настоящемъ же своемъ видѣ Австрія существовать не можетъ.

Что послѣдуетъ однако, ежели нѣмецкіе Габсбурги не захотятъ войти въ славянскую плоть, но, считая славянъ низшею рассою, будутъ держать ихъ на положеніи Илотовъ?

Такое положеніе долго продолжаться не можетъ, и разразится гроза, которая и теперь уже видимо надвигается. Славянство проснулось и начинаетъ заявлять требованія на самостоятельную жизнь; роль Россіи ясно опредѣлится, какъ попечительницы славянъ; ей придется подъ конецъ разрубить узелъ восточнаго вопроса и, избавя народъ отъ вавилонскаго плѣна, содѣйствовать организаціи федеративнаго славянскаго союза.

Въ Россіи часто раздаются голоса, укоряющіе славянъ

въ неблагодарности и совѣтующіе не мѣшаться въ ихъ дѣла, оставя все на произволъ судьбы; но справедливы ли эти обвиненія и благоразуменъ ли совѣтъ? Выраженіе неблагодарности такъ часто проявлялось относительно Россіи, что невольно рождается вопросъ, нѣтъ ли тутъ какой ошибки съ нашей стороны? Одни ли славяне высказали неблагодарность, и развѣ нельзя упрекнуть въ томъ же Грецію, Румынію и Австрію; можетъ быть даже Пруссію? Неужели это явленіе присуще человѣчеству, и оказавшій услугу всегда цѣнитъ ее выше того, кто ею воспользовался? Нѣтъ ли тутъ промоха со стороны русскаго человѣка, руководствующагося чувствомъ, непримѣнимымъ къ практикѣ жизни? Какія напримѣръ побужденія заставляютъ Россію на открывающіеся вакантные престолы полуострова назначать нѣмецкихъ принцевъ? Съ другой стороны, благоразумно ли оставлять политическое воспитаніе нарождающихся славянскихъ государствъ подъ руководствомъ иностранныхъ наставниковъ, и не выработаютъ ли они изъ славянъ новой враждебной намъ Польши? Если же Россія находитъ необходимымъ и полезнымъ оказывать благодѣянія, то справедливо ли требовать за то благодарности? Должна ли Россія укорять въ эгоизмѣ младенца-славянина? Его благодарность и симпатія обнаружатся не во дни его дѣтства; но, когда освободясь отъ пеленъ и холодно принятый сосѣдями, онъ оцѣнитъ тѣ чувства, которыми руководилась мать, призвавшая его къ существованію.

Россія должна дать дозрѣть восточному вопросу, памятуя, что въ Вѣнѣ находится его развязка. Не поступаясь славянскими интересами и отмежевавъ ихъ отъ чисто нѣмецкихъ, ей слѣдуетъ дружелюбно относиться къ германскому сосѣду, не раздражая его въ вопросахъ, которые насъ непосредственно не затрогиваютъ. Уроки исторіи не должны пропадать даромъ: русская сдержанность послѣ крымской войны принесла благіе результаты; еще поразі-

тельнѣе примѣръ Пруссіи, сосредоточившейся для своего внутренняго преобразованія и систематично, въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, направлявшей свою работу къ одной цѣли; нынче Франція стала на тотъ же путь. Ежели Габсбурги не измѣнятъ своей политики, то произойдетъ столкновеніе съ Россіей; этого потрясенія не выдержитъ хрупкій организмъ Австріи, и послѣдуетъ катастрофа; событіе, къ которому мы должны быть подготовлены. Вѣроятно, тогда Тріестъ и Тироль перейдутъ къ Италіи; валашскія населенія примкнутъ къ Румыніи; Венгрія уединится; австрійское эрцгерцогство сольется съ Германіей; а всему великому славянству Россія должна будетъ помочь разобраться въ общей путаницѣ.

Есть еще другіе спорные пункты, связанные съ восточнымъ вопросомъ, но при развязкѣ съ Австріей, они разрѣшатся сами собою. Турецкая волна, хлынувшая на европейскій берегъ, понемногу отступитъ въ Азію; осушивъ залитый ею край. Константинополь, такъ счастливо расположенный, сдѣлается средоточіемъ міровой торговли подъ охраной всѣхъ державъ; а о свободѣ Чернаго моря съ проливами и говорить нечего: весь міръ идетъ по пути къ свободѣ, и нѣтъ основанія предполагать, чтобы ее не допустили туда, гдѣ царствуетъ свободная стихія. Болѣе четырехъ сотъ лѣтъ южная красавица находится въ неволѣ у магометанскаго Черномора; неужели Русланъ не освободитъ ее?

СПБ. ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
(Генри Ханковскій и К.)
Въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., д. № 40.

Приступило къ изданію иллюстрированнаго сочиненія

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ И ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

составилъ П. П. Гершунинъ подъ редакціей А. В. Старчевскаго.

Изданіе это будетъ состоять изъ 40 очерковъ (каждый очеркъ въ 1, 2 или 3 книжки) размѣромъ 5—8 печатныхъ листовъ въ 6 долю листа.

Каждый очеркъ заключаетъ въ себѣ біографію одного изъ нижепоименованныхъ писателей, литературную и общественную его дѣятельность, заслуги его въ русской литературѣ, отзывы объ немъ критики, лучшія его произведенія, нѣкоторыя изъ нихъ въ сокращенномъ видѣ или пересказѣ.

Кромѣ того къ каждому очерку будетъ приложенъ портретъ писателя а въ текстѣ нѣсколько рисунковъ, иллюстрирующихъ его жизнь и сочиненія.

Писатели будутъ помѣщены въ нижеслѣдующемъ порядкѣ и книжкахъ:

1 и 2-ая	книжка	В. М. Ломоносовъ
3-ая	„	А. П. Сумароковъ
4-ая	„	Императрица Екатерина II
5-ая	„	Д. И. фонъ-Визинъ
6-ая	„	Г. Р. Державинъ
7-ая	„	И. И. Хемницеръ.
8 и 9-ая	„	Н. М. Карамзинъ
10-ая	„	И. И. Дмитріевъ
11-ая	„	И. А. Крыловъ
12-ая	„	А. Ѳ. Мерзляковъ
13-ая	„	А. Е. Измайловъ
14-ая	„	И. И. Козловъ
15 и 16-ая	„	В. А. Жуковскій
17-ая	„	К. Н. Батюшковъ

18-ая	„	Кн. П. А. Вяземскій
19-ая	„	Ѳ. Н. Глинка
20-ая	„	А. С. Грибоѣдовъ
21-ая	„	К. Ѳ. Рылѣевъ
22-ая	„	Бар. А. А. Дельвигъ
23, 24 и 25-ая	„	А. С. Пушкинъ
26-ая	„	Е. Л. Баратынскій
27-ая	„	Н. М. Языковъ
28-ая	„	Ѳ. Н. Тютчевъ
29-ая	„	А. С. Хомяковъ
30-ая	„	А. И. Полежаевъ
31-ая	„	А. В. Кольцовъ
32 и 33-ая	„	Н. В. Гоголь
34 и 35-ая	„	. . . . .
36-ая	„	Гр. А. К. Толстой
37-ая	„	В. И. Красовъ
38-ая	„	А. Фетъ (А. А. Шенминъ)
39-ая	„	Я. П. Полонскій
40-ая	„	А. Н. Майковъ
41-ая	„	Н. А. Некрасовъ
42-ая	„	А. Н. Плещеевъ
43-ая	„	И. С. Аксаковъ
44 и 45-ая	„	И. С. Тургеневъ
46 и 47-ая	„	Ѳ. М. Достоевскій
48 и 49-ая	„	Гр. Л. Н. Толстой
50-ая	„	И. С. Никитинъ

Цѣна за каждую книжку 20 коп. а съ пересылкою 25 коп.

Очерки о Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Екатеринѣ II, фонъ-Визинѣ, Хемницерѣ, Державинѣ и Карамзинѣ находятся уже въ печати и выйдутъ въ непродолжительномъ времени.

ПЕЧАТАЕТСЯ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

по паровичному отдѣленію фабрикъ и заводовъ.

Составилъ **И. Н. Ржехакъ.**

Цѣна **1** руб.

СПБ. ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
(Генри Ханковскій и Ко.)
Въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., д. № 40.

ПРСТУПИЛО КЪ ИЗДАНІЮ

БИБЛІОТЕКА ЛУЧШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

Самая дешевая изъ всѣхъ существующихъ библіотекъ; она будетъ заключать въ себѣ: лучшіе историческіе и бытовые романы и разсказы, біографіи замѣчательныхъ политическихъ и военныхъ дѣятелей; стихотворенія, комедіи, драмы, трагедіи а также полныя собранія сочиненій древнихъ и современныхъ лучшихъ писателей. Образцомъ при изданіи этой библіотеки будутъ служить слѣдующія, дешевыя библіотеки: французскія—Bibliothèque Nationale; Portraits Politiques et Historiques; Auteurs Célèbres; Bibliothèque Utile; нѣмецкія—Universal Bibliotek; Bücher-Schatz; Bibliothek der Unterhaltung und des Wissens; англійская—Penny Bibliotheca; British Anthors; польская—Biblioteka Mròwki; Wydawnictwo Dziet tanich; Biblioteka najcelniejszych pisarzy и проч.

Кромѣ многихъ историческихъ и бытовыхъ романовъ и разсказовъ русскихъ писателей а также жизнеописаній всѣхъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ политическихъ и военныхъ дѣятелей, начиная съ Петра Великаго до Императора Александра III, имѣются въ заготовленномъ матеріалѣ для помѣщенія въ Библіотекѣ нижеслѣдующія произведенія: Байронъ: Донъ-Жуанъ, комедія; Бальзакъ: Элексиръ долгой жизни, романъ; Белло, Двѣ женщины, романъ; Бретъ-Гартъ: новые калифорнійскіе разсказы; Бомарше: Свадьба Фигаро, комедія; Гейне: его жизнь и избранныя произведенія; Гете: его жизнь и избранныя произеденія; Гофъ Фантастическіе разказы; Данте: Божественная ко-

медія; Доде: Влюбленныя, новый романъ; Дикенсъ Замогильныя записки Пикквикскаго клуба; Дюма: Тысяча и одно привидѣніе, романъ; Зандъ: Казаки въ Парижѣ, романъ; Кладенъ: Женщины, осужденныя чертомъ, нов. романъ; Крашевскій—На берегу Шпрэ, историч. романъ; Лафонтенъ: Повѣсти и розсказы; Лесажъ. Удивительныя приключенія Жиль-Блазъ; Мильтонъ: Потерянный рай, поэма; Мальчевскій: Марія, поэма; Мицкевичъ: Панъ Тадеушъ, поэма; Мопассанъ: Сказки дня и ночи; Сенкевичъ, Володіовскій истор. романъ; Сю: Вѣчный жидъ и семь смертныхъ грѣховъ; Шиллеръ: Марія Стюартъ, трагедія; Шекспиръ: Ромео и Юлія, трагедія; Эркманъ—Шатріанъ: Сцены изъ нѣмецко-французской войны; *** Князъ Бисмаркъ, его жизнеописаніе, характеристика, приключенія, анекдоты и проч.

Каждая книжка будетъ заключать въ себѣ 8—12 печатныхъ листовъ форматомъ въ 6-ю долю листа.

При нѣкоторыхъ книжкахъ будутъ прилагаться портреты и автографы писателей, политическихъ, военныхъ или общественныхъ дѣятелей.

Цѣна за каждую книжку 20 коп. а съ перес. 25 коп.

Произведенія болѣе длинныя будутъ помѣщаться въ двойныхъ или тройныхъ и т. д. книжкахъ, такимъ образомъ, чтобы каждый выпускъ составлялъ вполнѣ оконченное призведеніе.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 27 Ноября 1887 года.